СТРАСТЬ,
РАССКАЗАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

«Поцелуй без любви»

Мэрилин МОНРО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта сенсационная книга станет открытием для всех поклонников Мэрилин Монро. Это не просто мемуары; больше, чем дневники – это предельно откровенная исповедь самой желанной женщины XX века, которая не просто опровергает расхожие мифы, а полностью переворачивает все прежние представления о «главной блондинке Голливуда».

Ее считали капризной пустышкой, глупой куклой, которой не хватило мозгов даже на то, чтобы закончить школу, – но с этих страниц с вами говорит поразительно умная, на редкость начитанная, по-настоящему талантливая женщина. Ей предлагали роли распутных красоток, мечтающих выйти замуж за миллионера, – а она тайком репетировала шекспировскую Офелию и Грушеньку из «Братьев Карамазовых». Ей поклонялись как иконе, ее величали главным секс-символом эпохи – а она возненавидела свой кинообраз и свое роскошное тело…

Откройте эту книгу, вслушайтесь в живой голос Мэрилин, всмотритесь в ее рисунки и фотографии – загляните в сердце самой красивой, желанной и несчастной женщины XX века.

- Мэрлин Монро. Страсть, рассказанная ею самой
  - От издательства
  - Верните Норму Джин!
  - Детство
  - Миссис Догерти
  - Голливуд
  - Цена карьеры
  - Мэрилин Монро
  - Две звезды…
  - «Мэрилин Монро Продакшнз». Самостоятельность
  - Артур Миллер. Надежды и потери

Мэрлин Монро. Страсть, рассказанная ею самой

От издательства

Несколько лет назад в Аргентине умер 97-летний Генри К. Уолтер, в 50—60-е годы живший в США и занимавшийся психотерапевтической практикой.

Наследники не сразу разобрали архив Уолтера, а обнаружив среди бумаг коробку, в которой вместе с бобинами магнитофонных пленок лежали рисунки и какие-то записи самого Генри, едва не выбросили, посчитав неинтересной. Только желание одного из правнуков проверить, работает ли старый громоздкий магнитофон, спасло бесценный материал от уничтожения.

На пленке тонкий женский голосок, несколько сбивчиво, взволнованно и не всегда внятно рассказывал о себе… Прозвучавшие знакомые имена «Фрэнк Синатра», «братья Кеннеди», «Артур Миллер»… заставили прислушаться, а потом и прочитать вырванные из дневника Уолтера листы, которые объяснили многое.

С трудом поверив, что это голос Мэрилин Монро, повествующей о своей жизни, сомнениях, душевных терзаниях, несоответствии ее внутреннего состояния любимому всеми образу сексапильной Блондинки, наследники решились отдать пленки на восстановление.

Немало времени прошло, пока записи были расшифрованы (не все удалось восстановить) и обработаны, еще больше, прежде чем дано согласие на их публикацию.

Одна из пленок стерта либо испорчена намеренно, именно на ней говорилось о братьях Кеннеди и Фрэнке Синатре. Неизвестно, кто предпочел удалить информацию – сам Генри Уолтер или его наследники, не желая привлекать излишнее внимание к записям, но того, что осталось, достаточно, чтобы понять: Мэрилин Монро вовсе не была пустой блондинкой, какой ее долго представляли Голливуд и средства массовой информации. Примечательны собственные слова Мэрилин: «Цвет волос не признак ума или глупости, глупо то, как меня воспринимают. Сначала проецируют на мое тело свои сексуальные фантазии, а потом меня же за это осуждают».

Вот каким текстом магнитофонные записи сопроводил в дневнике сам Генри Уолтер:

«Я увидел Ее на берегу, на самом краю пирса, явно готовую шагнуть вниз в неспокойное море. Женская фигурка сиротливо стояла, кутаясь в просторный черный плащ…

Один громкий оклик, и она сделает этот шаг. Первое, что пришло в голову, – взяться за трубку. Нелепое занятие – пытаться прикурить на холодном осеннем ветру, но ничего другого у меня просто не было, зато удалось поинтересоваться достаточно спокойно:

– Что-то случилось?

– Я потерялась…

Голос растерянного ребенка, хотя передо мной красивая взрослая женщина. В ней было что-то неуловимо знакомое…

– В городе?

Трубка, конечно, не раскуривалась.

– В жизни.

– Это серьезно… Вы не хотите уйти с ветра, здесь невозможно курить.

Она послушно поплелась следом в ближайший бар. Мы сидели и молча пили пиво. Иногда лучше помолчать. Когда женщина вдруг начала говорить, тихо и сбивчиво объясняя, что она не такая, какой ее воспринимают, что вторая выдуманная совсем вытеснила настоящую, я уже понял, кто передо мной. Черный парик, просторный плащ, отсутствие макияжа… но это была Мэрилин Монро!

А судя по тому, что она взволнованно бормотала, женщине нужно всерьез выговориться. Но ни отправиться к ней, ни пригласить к себе, ни выслушивать ее рассказ в баре я не мог. Еще немного, и остальные тоже поняли бы, кто это. Решение пришло неожиданно, я вырвал листок из записной книжки и протянул со словами:

– Вот здесь нарисуете себя настоящую…

– Я не рисую.

– Вы просто не пробовали. Мне все равно, что это будет, хоть один нос или лошадиная задница, все, что придет в голову. Попытайтесь вспомнить время, когда Вы были сами собой. Свое детство, например, тогда уж точно никто не пялился на Вас маслеными взглядами.

Она послушно протянула руку:

– А потом принести Вам для анализа моего состояния?

– Много общались с психотерапевтами? Я не буду анализировать. Вы нарисуете это дома, спокойно сидя в одиночестве. Просто расслабьтесь и возьмите в руки карандаш. А еще лучше вдобавок включите магнитофон и все расскажите.

– О себе?

– О том, что вспомнилось из-за рисунка. Встретимся, когда будете готовы. И не рассказывайте на каждом углу о нашей встрече и о своей потере тоже. Вот мой телефон. Я Генри. До

свидания, Мэрилин.

– Вы меня узнали?!

– Вы действительно слишком много набрались от своей роли. Не замечаете, когда начинаете играть, тогда не узнать Вас просто невозможно. Даже под черным париком.

Мы встречались не раз, она приносила рисунки, бобины с пленкой и ничего не спрашивала обо мне, видно, так легче. Я не слушал эти записи, понимая, что если услышу, что-то неуловимо изменится, она будет зависеть от меня, от моей оценки. Кажется, она это понимала и потому доверяла все больше.

А потом пришла пора мне уезжать, а у нее все еще продолжался разлад с самой собой. Однако у Мэрилин был психотерапевт, помощники и наставники, и она совершенно не слушала мои советы. Мэрилин умоляла не уезжать, не бросать ее.

Но я уехал, не мог не уехать, это зависело не от меня, а когда узнал о гибели звезды, понял, что должен был остаться и даже ценой собственной жизни спасти ЕЕ.

Это мой извечный грех – ЕЕ гибель».

Верните Норму Джин!

Док (можно я буду обращаться к Вам так?), я выполнила Ваше задание – нарисовала себя совсем маленькой и попыталась вспомнить, с чего все началось.

Вы никогда не боялись зеркал? Вернее, не боялись своего в них отражения?

Понимаете, люди почему-то точно уверены, что видят в зеркалах самих себя. А как можно быть уверенным?

Я всегда любила зеркала.

А теперь ненавижу.

Все из-за того вечера…

Испытанное потрясение огромно, становится жутко при одной мысли об увиденном – в зеркале… не было моего отражения! Там, привычно улыбаясь, стояла мечта миллионов мужчин всего мира Мэрилин Монро, ослепительно красивая, с идеальным телом, глазами с поволокой и приоткрытыми, словно для поцелуя, губами… Но там не было Нормы Джин Бейкер! Совсем не было. Моя роль окончательно заслонила меня. Это так страшно…

Осколки зеркала разлетелись вместе с осколками брошенного в него стакана.

Ни один психоаналитик так ни черта и не понял! Они по Фрейду вытаскивали из меня мое детство или, наоборот, меня из моего детства. А вытаскивать надо Норму Джин из Мэрилин! Или каленым железом выжигать во мне эту чертову красотку!

Уэкслер удивлялся, что я рассказываю о событиях в третьем лице: «Мэрилин сказала… Мэрилин подумала…» А как иначе? Я и впрямь рассказывала о Мэрилин, а не о Норме Джин. Мой спаситель Ральф Гринсон даже не знал, что меня зовут именно так.

Смешно, психоаналитик не знал ГЛАВНОГО.

Норма Джин и Мэрилин не одно и то же, но всем нужна эта БЛОНДИНКА, и я никак не могу ее победить. Пусть бы существовала на экране или на публике, однако она захватила всю мою жизнь! Благодаря ей я очень многое приобрела, но еще больше потеряла.

Однажды я целый вечер провела в обнимку с телефоном, но, тсс… об этом никому нельзя рассказывать – упекут в психушку.

Набирала номера наугад, если отвечал мужской голос,

представлялась репортером дамского журнала и спрашивала, с кем они хотели бы переспать, если могли выбирать любую женщину в мире, включая английскую королеву. На листе двадцать одна галочка – стольких удалось опросить. Звонков было больше, но нашлись те, кто просто послал к черту. Два человека сказали, что ни с кем, один назвал свою жену (подозреваю, та просто стояла рядом и слушала), остальные ответили: «Мэрилин Монро».

Десять лет назад я визжала бы от счастья, потому что все мужчины мира хотят меня! Сейчас знаю, что не меня, а ту самую роскошную блондинку с приоткрытым ртом и глазами с поволокой, которая поселилась во мне.

Что мне делать, как ее вывести или хотя бы ограничить рамками съемочной площадки? Я не могу никому рассказать об этом раздвоении, даже Гринсону, очень надеюсь, что он поймет сам. Временами, кажется, понимает, даже пытается помочь, но почти сразу выясняется, что понял не так.

Глупости, глупости, глупости!

Но где-то же осталась Норма Джин Бейкер, та, которую превратили в Мэрилин Монро?! Она не могла погибнуть, исчезнуть, пропасть, она где-то есть?

После встречи с Вами вернулась домой, растерянно сжимая в руке помятый листочек в клеточку, вырванный из записной книжки, почему-то казалось, что именно в нем мое спасение. Даже ладони вспотели от предвкушения близости освобождения…

Вы правы, это должно помочь. Я справлюсь, смогу возродить Норму Джин, я не сдамся.

Цвет волос не признак ума или глупости, глупо то, как меня воспринимают. Сначала проецируют на мое тело свои сексуальные фантазии, а потом меня же за это осуждают. Не меня – ЕЕ, просто люди не видят, что нас двое.

Вот почему я все-таки нарисовала картинку и попыталась все объяснить. Вам или себе – не знаю, это даже не важно.

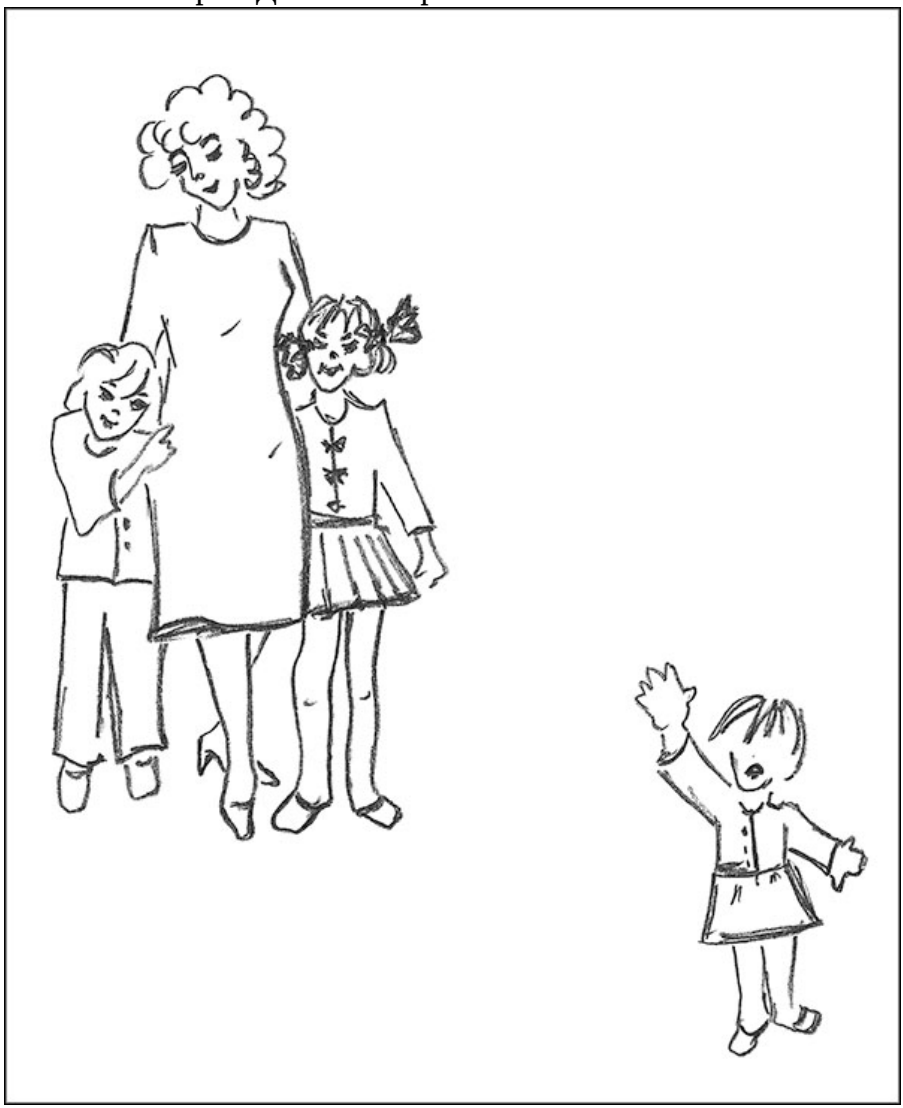
В фильме «Река, не текущая вспять» Мэтт говорит: «Если человек не знает, что ему делать, куда идти, нужно вернуться назад и начать сначала».

Детство

Говорят, в детстве я была очаровательным ребенком – не болела, не капризничала, вовремя спала и хорошо ела. А еще радовалась жизни, не подозревая, что меня едва не придушили подушкой. Честно, честно! Есть маленькая фотография, где я в младенчестве. Там я вот такая – с толстыми щечками и чубчиком.

Правда, видели все это чужие люди, а не моя мама. Глэдис отдала меня в семью Болендеров в двухнедельном возрасте, испугавшись, что не справится с ребенком сама. Потом забрала

обратно, потом снова отдала. Я всего этого не помню, но Болендерам за заботу благодарна. У них многолюдно, шумно и по-детски беззаботно, может, я была слишком мала, чтобы замечать проблемы, но ничего плохого за те годы не помню. Там точно жила Норма Джин Бейкер.



У меня есть фотография, на которой мы с мамой где-то на пляже и я совсем маленькая. Мама у меня красивая, даже сейчас после стольких лет психиатрических лечебниц, стольких лет болезни она сохранила остатки былой красоты. Возможно, это кажется, ведь в клинике меня встречает вечно недовольная, раздраженная женщина, не всегда узнающая дочь, но всегда готовая отругать.

Глэдис Бейкер хотела вырастить дочь великой киноактрисой,

копией Джин Харлоу, но очень боялась ответственности и переложила ее на других. Оправданием служило то, что Глэдис время от времени ложилась в психушку. Удивительно, она запрещала называть себя мамой («Зови меня Глэдис!»), но отказывалась дать согласие на удочерение другими, поэтому мне пришлось часть детства прожить в приюте и во временных приемных семьях. А мне так хотелось иметь постоянный дом.

Как я представляю свое детство? Вот так, видите – они все вместе, а я одна, всегда одна и отдельно…

Конечно, ко мне относились неплохо, особенно Болендеры, но никто не позволял называть себя мамой! Очень обидно быть ничьей. Я думала, это потому, что я плохая, старалась быть приветливой и чаще улыбаться. Мне и сейчас кажется, что нужно улыбаться, чтобы нравиться людям…

Скажу по секрету (почему незнакомым людям секреты раскрывать легче?): во мне всегда жило вот это желание быть приятной, никому не надоесть, не досаждать, получить одобрение. Наверное, из-за необходимости подстраиваться под жизнь разных семей, чтобы меня не отдали, не прогнали, не выбросили вон, как щенка…

Фрейд прав, все идет из детства. Я и сейчас заискиваю, как безродный щенок, и цепляюсь за каждого, кто может меня приласкать или пнуть ногой, и от всех завишу.

Не помню, заикалась ли с самого начала или это результат испуга.

Мама едва не сунула меня в таз с кипятком, видно желая искупать и просто не сознавая, что не добавила туда холодной воды. Я кричала так, что переполошила соседей, от стресса маме стало совсем плохо, теперь кричала уже она. Меня заперли в дальней комнате, чтобы ничего не видела, но не слышать сумасшедшие вопли и дикий хохот невозможно.

В памяти осталось, что это я позвала на помощь и маму забрали в больницу. Умом понимаю, что она едва не сварила меня заживо, и призыв о помощи спас если не жизнь, то здоровье, но в душе вина: из-за меня маму упекли в психушку. Помешательство в нашей семье наследственное, говорят, в младенчестве меня едва не задушила подушкой бабушка, чудом спасли соседи.

Но бывали и в моем детстве счастливые годы, когда я жила у Болендеров или у мамы случалась ремиссия. Она заботилась обо мне, даже купила в рассрочку дом и привезла туда белый рояль в надежде, что ее Норма Джин научится играть и петь, но пока играла сама, я была слишком мала. Вернее, Глэдис не играла, а просто лупила по клавишам, звуковая какофония помогла ей

снова свихнуться и попытаться засунуть меня в кипяток.

Рояль был замечателен тем, что раньше принадлежал Фредерику Марчу. Но его давным-давно не настраивали, у мамы на настройщика денег не было, зато была мечта купить еще два кресла и слушать мою игру, сидя в одном из них.

Став состоятельной, я разыскала и выкупила этот рояль. Где-то есть снимок – мы с роялем, хороши оба, но у белого рояля стоит Мэрилин Монро. А дом забрали за невыплату кредита.

Фотографии тоже помогают вспомнить… Я достала большую коробку, в ней тысячи снимков, и на многих я такая смешная…

Почему-то, представляя рояль, я вспоминаю не звуки (пусть даже какофонию), а грузчиков, которые его доставили. Особенно одного, он был такой огромный, чуть меньше самого рояля, во всяком случае, тогда мне казалось так. Я думала, что если бы захотел, то он смог бы взвалить эту белую махину себе на спину и понести.

Но он оказался водителем грузовика, развозящего мебель, и ничего не носил! Рояль тащили два довольно хилых мужичка, нанятых мамой на улице. Смешно?

А я все равно вижу рояль у него на спине – большой рояль на спине большого мужчины.

Меня взяла к себе тетя Грейс. Наверное, мы жили бедно, я была слишком мала, чтобы это понимать, но часовые очереди за вчерашним дешевым черным хлебом по двадцать пять центов помню. Тогда я думала, что все живут так же… Грейс – мамина подруга, они вместе проявляли пленки на киностудии, и обе обожали Кларка Гейбла и знаменитую блондинку Джин Харлоу. Грейс тоже мечтала, что я стану кинодивой, она водила меня в кино и все время твердила, что я красавица.

Я так в это поверила, что, когда Грейс уже не смогла меня содержать и отдала в приют, оказаться среди не столь приветливых людей и понять, что ты ничем не лучше других, было особенно тяжело. Увидев слово «приют», я отчаянно цеплялась за Грейс и кричала, что не сирота, у меня есть мама!

Не знаю, как выглядела в то время, фотографий приютских лет нет. Тех, кто имел две блузки, две юбки, заштопанное и уже ношенное кем-то нижнее белье и такие же заношенные башмаки, не завивали, не водили в кино и не фотографировали. У воспитанницы номер 3463 не было фотографий счастливого детства. Чтобы выжить, там надо стать как можно незаметнее и ни на что не жаловаться. Я научилась.

С тех пор я терпеть не могу нижнее белье, даже новое, оно кажется мне уже ношеным.

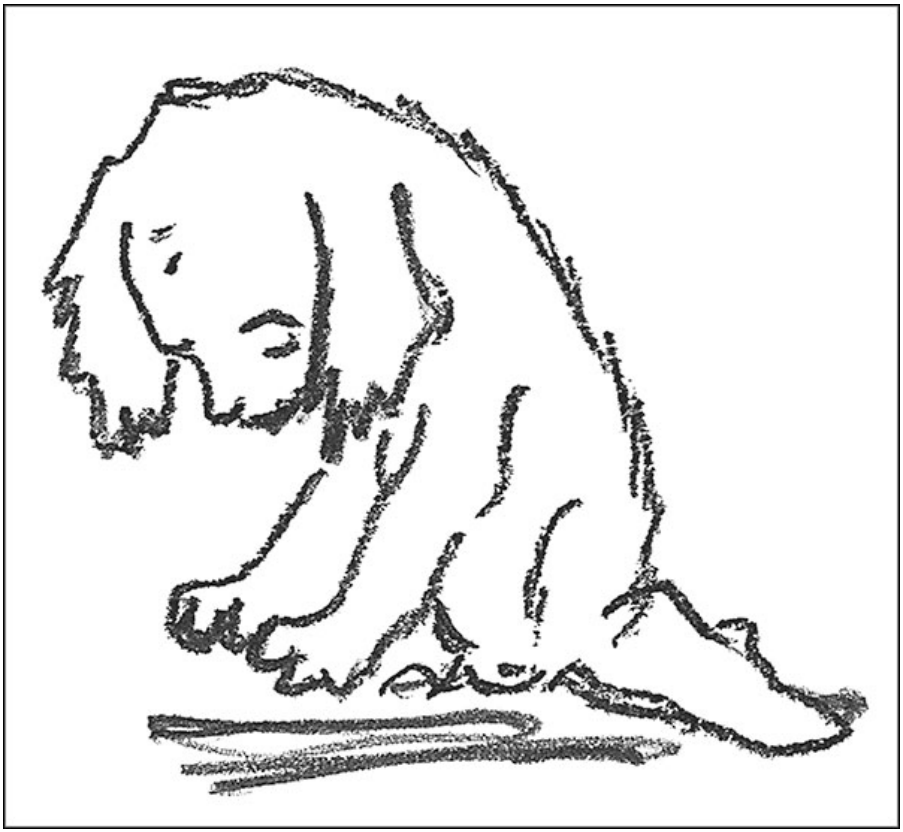
Потом Грейс нашла работу и забрала меня к себе, снова мы сидели в темном зале, наблюдая, как на экране белокурые красавицы влюбляются в ковбоев или принцев и выходят за них замуж. Наглядевшись экранных страстей, Грейс тоже влюбилась, ее мужу Эрвину Годдарду вовсе не нужна Норма Джин, у него были свои дети. Годдард пил, вместе с ним прикладывалась к бутылке и Грейс. Я вернулась в приют.

На одном из снимков они вместе – голова к голове, такие чистенькие, ухоженные и красивые, у Грейс укладка и шляпка, Док в костюме и при галстуке. И трезвый, что бывало все реже. Док – это его прозвище, хотя он вовсе не доктор и никакого отношения к докторам не имел. Грейс навещала меня по субботам, привычно водила в кино и обещала забрать, как только наладятся дела. По ее голосу я понимала, что дела не наладятся никогда.

Меня хотели удочерить, и не раз, хотя детей в таком возрасте берут в приемные семьи редко. Говорят, я была хорошенькой, не знаю, в нашем приюте зеркал не водилось и фотографий не делали. Но мама не позволила, в момент просветления она из больницы не вышла, зато оформила отказ в удочерении ее девочки. Даже когда я сама написала Глэдис письмо с просьбой согласиться и обещанием не забывать ее и помогать, когда вырасту, в ответ получила сплошные материнские проклятья неблагодарной дочери. Неблагодарной дочери пришлось остаться в приюте вместо того, чтобы жить в нормальной фермерской семье на довольно большом ранчо.

В школе на нас показывали пальцем, издевались над одинаковыми блузками и юбками, много над чем, а у меня и над заиканием. Я привыкла помалкивать, а мне так хотелось быть разговорчивой и общаться наравне с остальными! Заика из детского дома, к тому же вдруг вымахавшая, как телеграфный столб! Сейчас у меня рост всего на полдюйма больше, чем был в одиннадцать-двенадцать лет. Одежда мала, всюду углы и никакой миловидности. Какая уж тут Джин Харлоу!

Грейс стало совестно, и она снова забрала меня из приюта, но снова ненадолго, правда, теперь возвращать не стала, а принялась передавать из семьи в семью своих родственников. Тем, кто брал приемыша, пусть и ненадолго, платили – пять долларов в неделю.



На пять долларов, наверное, содержать ребенка невозможно, поэтому я была обузой. Как щенок или котенок, которого подобрали на улице, забыв, что на уик-энд придется уезжать и по делам время от времени тоже. А еще тетушка не выносит запаха животных, поэтому, когда она гостит, щенка лучше подсунуть соседям и на праздники куда-то деть, чтобы гостям не мешал…

Тогда я мечтала, как, став звездой, богатой звездой, обойду все семьи, в которых жила за это время, и всем доплачу до двадцати долларов в неделю за Норму Джин, чтобы они не чувствовали себя обиженными.

Всем заплачу, даже Эллиотам, у которых спала в уголке у самой двери, кушать садилась последней, потому что не было места, а ванну принимала, когда в ней помылись уже все. Пусть знают, что я не жадная.

Почему я не могла жить у Грейс за те же пять долларов, почему она отправляла меня ко всем своим родственникам подряд? Может, если бы платили больше, то подкидыша не возвращали обратно в приют? Меня неотступно преследовала мысль: как стать дороже? Я даже подрабатывала в приюте мытьем посуды, хотя это тошнотворное занятие, и все же скопила только 20 долларов…

Но для тех, у кого я жила, даже двадцать центов были деньгами, а уж двадцать долларов почти богатство. Это не нищета, но очень-очень скромная бедность.

Не подозревала, что у меня есть собственная сестра Бернис, которая старше на целых семь лет, что они с братом живут у первого мужа нашей матери и меня даже готовы были бы приютить у себя, если бы знали о беде. Почему Грейс ничего не сказала о первой семье Глэдис Бейкер?! Почему она так легко швыряла меня из дома в дом, не думая, каково быть всегда и во всем последней, отвечать на насмешки девочек в школе: «Из какой семьи ты сегодня пришла на занятия, Норма Джин?» Я не могла огрызаться, наоборот, всем улыбалась и молчала, даже если меня называли «человеческим бобом». Пусть лучше смеются, чем не замечают совсем. Никто не знает, как это тяжело – быть никому не нужной и незаметной, когда ты есть, но тебя нет. Как хотелось иногда крикнуть: «Я Норма Джин! Я есть, и я здесь!»

И все-таки родственники «кончились», однажды меня некому стало забирать, Грейс стоически решила, что возьмет беднягу в свою семью. Удивительно, но Годдард не был против, мы даже подружились с его дочерью Элинор, которую все звали Бебе, я считала ее своей сестрой. Снова был дом, была семья, пусть и приемная, даже была сестра и свой постоянный уголок. Почти счастье…

Фотографии той Нормы Джин у меня были, нас снимали всей семьей, но все снимки у Грейс, ведь это их семья, а я просто подкидыш.

Вы не были подкидышем? Тогда Вам здорово повезло, потому что сознание, что ты ничья и никого не можешь назвать мамой или папой, сильно отравляет жизнь в детстве, даже если в остальном все хорошо. Понимаете, это внутреннее ощущение затаившегося зверька. Я наблюдала за играми детенышей хищников, как бы они ни играли, они всегда настороже. Вот так и ничьи дети, можно улыбаться, стараться быть веселой и всем нравиться, но внутри живет ожидание, что кто-то ткнет в тебя пальцем и скажет:

– Эй, Норма Джин, ты ничья! У тебя нет мамы и папы.

У меня была мама, но она запретила называть себя так, боялась ответственности. И я ничего не знала об отце.

Фрейд прав: у человека все идет из детства. Мое одиночество, как бы старательно я ни прятала его за широкой улыбкой и приветливостью, все равно со мной. Три замужества, множество любовников и никого рядом. Только вот это отражение – Мэрилин Монро. Или это уже я ее отражение?

У нас в классе была Лизбетт, считавшаяся авторитетом, потому что она умела правильно целоваться и у нее был взрослый парень, о свиданиях с которым Лизбетт рассказывала небылицы. Позже я поняла, что действительно небылицы, поскольку закатывать глаза от одних только французских поцелуев смешно.

Меня Лизбетт не любила и звала тощей жердиной с выменем. Это потому, что у меня первой из класса вдруг начала расти грудь. Ни у кого другого, даже у Лизбетт еще ничего не было. У старших девочек была, и они этим страшно гордились. Зато Лизбетт гордилась умением целоваться.

Не поверите, но я радовалась тому, что меня обзывают. Ведь это куда лучше, чем не замечать, правда?

Все равно для меня жизнь у Годдардов казалась вполне счастливой, пусть и не слишком обеспеченной, вернее, совсем не обеспеченной, но я другой не знала. Мы экономили на всем, и двадцать пять центов были заметными деньгами, а от десяти долларов приходили в восторг. О кино пришлось забыть, водить на киносеансы двух девочек Грейс уже не могла, расходы и так превышали доходы. Но я все равно помнила Кларка Гейбла и Джин Харлоу.

Однажды в минуту просветления Глэдис показала мне портрет мужчины, чем-то напоминающего молодого Гейбла, и сказала, что это и есть мой отец. Остальное доделало воображение, я стала говорить всем, что моя мама больна, но мой отец Кларк Гейбл, что тоже было поводом для насмешек.

Ван-Нейси – пригород Лос-Анджелеса, а мама и Грейс работали на киностудии, правда, проявляли пленки, но ведь могли же быть знакомы с актерами? Этого оказалось достаточно, чтобы поверить в свою придумку. Той фотографии у меня нет, я так никогда и не увидела своего отца, хотя позже нашла его. Он отказался разговаривать со своей дочерью даже по телефону, ведь Норма Джин еще не была знаменитой… Я не знаю, действительно ли он похож на Кларка Гейбла. И даже не знаю, действительно ли он мой отец.

Любила меня только тетя Энн. Энн Лоуэр я не забуду никогда. Она не ругала, не кричала, в ее доме и в душе царили любовь и ласка! Что это такое, может представить себе только тот, кто никогда прежде такого не знал. Но тетя Энн была старой и очень больной, потому взять меня к себе не могла. Я просто ходила к ней помогать по хозяйству и отогреваться душой.

Мой любимый снимок, где тетя Энн сидит позади меня, а еще две соседки просто стоят. У нее очень доброе лицо, она и сама очень добрая.

Когда случилась беда, именно к тете Энн я прибежала искать защиту. Это когда пьяный Годдард попытался научить меня тем самым французским поцелуям. Получается, что французские поцелуи сильно повлияли на мою судьбу, потому что обеспокоенная тетя Энн оставила несчастного подкидыша у себя. Жить в доме Годдардов было уже нельзя, он сам часто пил, а Грейс стала смотреть на меня косо. Тогда я этого не понимала, просто испугалась. Куда девать меня, непонятно, пятнадцатилетняя рослая, уже вполне оформившаяся девушка была обузой еще большей, чем пятилетняя девочка.

А Доку Годдарду предложили работу в Западной Вирджинии. Брать меня с собой никто и не подумал, но и оставлять насовсем у тети Энн тоже нельзя.

И Грейс решила, как всегда не спросив меня. Она договорилась с соседкой Этель Догерти о том, что ее сын Джим… женится на мне! Джим – хороший парень, но мне-то всего пятнадцать! Конечно, я была рослой и с приличной для своего возраста фигурой, но Джимми почти на шесть лет старше. Грейс только фыркнула:

– А ты хотела, чтобы он был моложе?

После случая с Годдардом она относилась ко мне так, словно я виновата в поведении ее пьяного мужа.

Выбор невелик – замужество или снова приют. Тетя Энн могла подержать меня у себя лишь несколько месяцев.

Меня выдали замуж за Джима. Но я расскажу потом, сейчас устала…

Миссис Догерти

Док, можно я буду рассказывать все, что придет в голову? Мне так легче. Я никогда не отличалась последовательностью, а теперь тем более.

Я так много и подробно рассказала о детстве, что даже сама удивилась. Но мне больше не хочется, во всяком случае, не сейчас…

Однажды я уже пыталась рассказать о себе Б. Х., а он все рассказы облагородил и превратил в книгу. И даже не поставил свое имя в качестве автора. Он очень-очень талантливый, даже гениальный, и очень добрый.

Но когда все было готово, я вдруг ужаснулась – вот уж где точно не было Нормы Джин! Х. все написал правильно, даже не знаю, что меня испугало, тогда я не смогла объяснить, что именно, а сейчас вдруг поняла – я отказывалась от Нормы Джин, старалась ее забыть! И, если честно, многое приукрасила. Понимаете, когда знаешь, что это прочитают другие, хочется выглядеть и умнее, и лучше, чем ты есть на самом деле, хочется оправдаться.

Пока смотрела детские фотографии, пришла одна мысль: а ведь на многих видна Мэрилин! Понимаете, она уже была во мне, может, именно ее видела Грейс, когда прочила будущее кинозвезды?

Вы читали «Лолиту» Набокова? Конечно, читали. Помните, как там называли юных девушек, в которых проснулась чувственность? Нимфетками.

Я смотрю на свои фотографии и понимаю, что на них нимфетка. Настоящая нимфетка. Но во мне еще ничего не проснулось, правда, правда. Однако взгляд, позы, какая-то особая аура… Я ничего не чувствовала, никакого ни к кому влечения, улыбалась и смотрела зовущим взглядом бессознательно, но Мэрилин во мне уже проснулась. На меня заглядывались, предлагали поднести книги и пакет с бутербродами, свистели вслед, зазывали, редко кто из молодых людей (и не только молодых) мог спокойно пройти мимо, не обернувшись или не скосив глаза.

Я все это замечала и даже быстро научилась пользоваться. Полуулыбка, зовущий взгляд легко обманывали всех вокруг. Чуть приоткрытые губы появились именно тогда. Получается, что, не сознавая, играла роль сексапильной блондинки. Играла или уже была ею?

Иногда кажется, что два человека во мне жили всегда и сильнее становилась то одна, то другая. Это тоже разновидность сумасшествия, только иная, чем у моей мамы? Я всегда до смерти боялась последовать за ней.

Мое первое замужество было странным, оно не сделало меня несчастной, но и ничего не дало. Единственной положительной стороной оказалось то, что я перестала быть сиротой. Я уже не была ничьей, живущей в семье из жалости. Это я так думала, в действительности же Джим женился, именно пожалев. Этель объяснила сыну, что если меня не взять замуж, то я снова отправлюсь прямиком в сиротский приют до совершеннолетия, а это страшно.

Конечно, я нравилась Джиму, и он мне тоже. Но в таком возрасте ничего не знала о любви и старалась общаться либо с детьми, много меньше себя, либо со взрослыми женщинами, которые не разговаривали в моем присутствии на фривольные темы. В качестве невесты я была совершенным ребенком, даже спрашивала у Грейс, можем ли мы с Джимом, поженившись, остаться только друзьями.

Понимаю, что, рано оформившись внешне, такими вопросами производила впечатление либо полной дурочки, либо настоящей хитрюги, играющей невинность. Кажется, Грейс, помня интерес своего супруга ко мне, больше склонялась ко второму. В ответ было сказано, что вполне созрела для нормальных супружеских отношений, тем более пройдет несколько месяцев, пока мне исполнится шестнадцать и Джим сможет взять меня в жены, и я успею окончательно повзрослеть.

Конечно, Джим тоже времени зря не терял, он научил меня целоваться уже не по-французски, а по-настоящему, но дальше дело не пошло, он не глуп и прекрасно понимал, что может быть наказан за связь с несовершеннолетней.

На нашей свадьбе с моей стороны была только тетя Энн, Годдарды уже уехали, а Болендеры почему-то не пришли, наверное, не смогли оставить кучу своих приемных детей.

Джим сбрил усы и сразу стал моложе своих лет, на фотографии я выгляжу даже старше его, хотя в действительности мне только исполнилось шестнадцать. Джим хороший, он меня не обижал, напротив, старался немного баловать. Мы сразу сняли квартирку из двух крохотных комнат, чтобы жить самостоятельно, и я принялась воплощать свои мечты о доме и семейном уюте.

Я была очень благодарна Джиму за то, что он избавил меня от клейма сироты, и очень старалась угодить, особенно в постели, просто не представляя, как это сделать.

Я так подробно рассказываю о своем первом браке, который, в общем-то, ничего мне не дал, хотя и не сделал несчастной, потому что он поучителен. Сейчас, пережив уже три брака, которые были разными, могу сказать, что этот первый был самым спокойным и самым крепким, хотя разрушила его я сама.

Это совершенно обычный, очень похожий на тысячи других брак, просто двое начинают жить вместе, спят друг с дружкой по обязанности, рожают детей, работают, чтобы содержать семью, иногда ссорятся, но чаще всего молчат, по вечерам играют в карты, старятся и умирают, оставив дом и долги детям.

Нет, мы с Джимом не ссорились, но молчали. Молча проводили вечера, молча отправлялись в постель… нам не о чем было разговаривать, у нас не было общих интересов. В выходные шли в кино или на танцы, но это быстро прекратилось, потому что наблюдать, как на его жену откровенно глазеют другие, Джим не мог, страшно раздражался.

Школу мне пришлось бросить, туда не ходят замужние женщины. Работать рано, никуда не брали, приходилось сидеть дома, поджидая супруга с работы, в то время Джим работал на авиационном заводе и мечтал о подвигах, как я мечтала о кино. Когда-то Грейс зародила во мне опасную мечту стать звездой экрана, но ничего не сделала, чтобы эта мечта могла осуществиться, напротив, выдав замуж за Джима, совсем перекрыла дорогу к ее исполнению.

Я была не слишком прилежной женой, просто не представляя, как собирать мужу завтрак на работу, как за ним ухаживать, не умела многое. Зато открыла для себя мир книг. Читать любила и раньше, но теперь делала это с особым рвением. Я не умею читать понемногу и вдумчиво, если взяла книгу в руки, то должна «проглотить» ее и не способна заниматься чем-то еще, пока не закончу. Правда, не всегда дочитываю, мне кажется, ни к чему знать, чем же закончится та или иная история, достаточно понять характеры героев, а окончание даже интереснее придумать самой. А еще мне всегда нравились красиво построенные фразы, в которых слово цепляется за слово, складываясь в цепочку и обретая особый ритм. Именно поэтому люблю белый стих и так называемый поток сознания…

Но откуда взять хорошую литературу в доме Догерти? Книги стоили дорого, покупать их никому не приходило в голову, а в библиотеке на полках обычно стояло то, что не представляло особой ценности и читалось легко. Все же наш район Лос-Анджелеса славился вовсе не библиотеками или театрами, а пивными и драками.

Я все равно читала, как потом выяснилось, всякую ерунду, так и не получив представления о настоящей литературе. С ней меня познакомили много позже. Становится обидно, когда понимаю, сколько лет пропало, сколько прочитала книг, которые можно и не брать в руки, и сколько не успела прочесть! Но прошлых лет не вернешь, я и сейчас очень люблю читать, хотя из-за разных лекарств делать это становится все труднее.

Джима такие интересы юной супруги вовсе не устраивали, он предпочел бы порядок в доме, вкусный ужин, а не жену, отгородившуюся книгой. Сам Догерти не слишком любил чтение, зато не меньше меня мечтал. Джиму очень хотелось отправиться воевать, казалось преступлением, что он сидит дома, а настоящие парни где-то сражаются с врагом. Думаю, Этель Догерти настояла на нашей свадьбе, отчасти надеясь присутствием молодой жены удержать своего сына. Возможно, Джим действительно ушел бы в армию добровольно, он даже пытался это сделать сразу после свадьбы, но я не пустила, вцепившись в него, как клещ. Казалось, если он уйдет, то это навсегда, и я снова останусь никому не нужной.

Работа на авиационном заводе тоже вклад в победу на фронте, но Джим так не считал, ему хотелось подвигов, настоящей мужской дружбы, хотелось на флот. Он часто говорил, что настоящие мужчины только там, на кораблях, где среди бушующих волн чувствуется надежное плечо товарища.

Я была бы не против мужественного, героического мужа, если только для этого ему не пришлось отправляться куда-то далеко. Едва обретя семью и перестав быть одинокой, я не могла оставаться одна, отъезд мужа равносилен предательству.

Джим решил, что останется в Лос-Анджелесе, но станет пожарным.

Но он все равно ушел на флот, и не последнюю роль в этом сыграла нимфетка Мэрилин.

Единственным доступным нам развлечением были танцы по выходным или пляж. Но если для меня это радость, то для Джима любой выход из дома вместе со мной превращался в пытку. Мне вслед снова свистели, отпускали шуточки, зазывали, не обращая внимания ни на демонстрируемое обручальное кольцо, ни на присутствие супруга. Джимми бледнел, краснел и требовал вернуться.

Подозреваю, что ему просто надоела супруга, мало что умеющая дома, но столь привлекательная для других.

А еще он мне изменял, я знаю точно. Все же мы поженились не по страстной любви, и у Джима была девушка – «Мисс Санта-

Барбара», очень красивая, красивее меня. Муж часто пропадал по вечерам, а то и ночью, отговариваясь приятелями, которых тоже было немало, но я знала, что он с женщиной. Потом однажды получила подтверждение… Но что я могла – потребовать верности, развестись? Джим дал бы мне развод, ему уже не столь нужна наша семья, куда проще одному, хотя относился муж ко мне хорошо.

Развод не могла допустить я сама, потому что это означало бы снова одиночество и ненужность. К тому же мне просто некуда было идти! Годдарды уехали, тетя Энн очень больна, работы нет, мама в больнице… Но я не столько боялась, что негде и не на что будет жить, сколько того, что и эта семья отказалась от меня! Чем больше я цеплялась за Джима, тем больше ему хотелось вырваться.

Наверное, я слишком прилипчивая, стараюсь прицепиться к любому, кто хоть как-то выскажет свою приязнь настолько, что хочется оторвать от себя. Может, потому от меня сбегают мужья, любовники и даже друзья? Но я не могу иначе, до сих пор боюсь остаться одна. Одиночество – это очень-очень страшно, Док.

Джима призвали в армию, он перебрался на остров Каталина. Я больше всего боялась, что он откажется брать с собой меня. Не отказался, взял, но там не очень много женщин, зато много сильных молодых парней, которые свистели и улюлюкали вслед куда чаще, чем в Лос-Анджелесе. Муж злился и постоянно был мной недоволен: я никудышная кухарка, слишком много внимания уделяю своей внешности, а еще нарочно привлекаю внимание мужчин. Я готова была не выходить из дома, чтобы не привлекать ничье внимание, научиться готовить лучше всех американских поваров вместе взятых, только бы он не отказывался от меня, но, кажется, не могла удовлетворить его в постели.

Джимми был рад, когда через несколько месяцев его направили служить далеко от дома и Санта-Каталины. Подозреваю, что он сам напросился.

Не оставаться же мне одной на учебной базе? Пришлось перебраться в дом к свекрови. Этель Догерти относилась ко мне прекрасно, жизнь у нее была спокойной и комфортной, хотя тоже не слишком обеспеченной, но я не капризна и не требовательна. Этель устроила меня работать на завод «Радиоплан», где собирали небольшие самолеты-разведчики – наносить лак на крылья за 20 долларов в неделю. Я не одна, но все равно чувствовала одиночество и скучала…

Почему я вдруг стала сниматься для журналов? Уж точно не из-за денег. Хотя и из-за них тоже. Деньги давали некоторую свободу.

Понимаете, Док, я всегда от кого-то зависела, сначала от людей, у которых жила, от Грейс, от тети Энн, от одноклассников, боялась чужого осуждения и даже просто оценки. Потом стала зависеть от Джима Догерти. Семья Догерти относилась ко мне хорошо, Этель – прекрасная свекровь, да и Джим не обижал. Но я была словно довеском в их жизни.

Когда вспоминаю нашу с Джимом семью, понимаю, что ее и не было вовсе. И дело не в изменах, просто Джим женился на мне под давлением и из жалости, он был не готов стать настоящим мужем и главой семьи, а я тем более. Ну какая из меня супруга? Наверное, если бы Грейс не внушала мне мысль о том, чтобы стать киноактрисой и даже звездой, я смирилась бы с положением жены, ждущей мужа из очередного плаванья и прекрасно понимающей, что рогата. Но киноэкран и мечты о карьере вроде Джин Харлоу навсегда вторглись в мое сердце и мои мысли, жизнь просто в качестве мисс Догерти казалась никчемной.

И все равно ничего не изменилось бы, не будь той съемки в цеху. Я работала на авиационном заводе, покрывая страшно вонючим лаком фюзеляжи самолетов. Нет, это не были лайнеры, мы делали маленькие самолеты-разведчики, но какая разница?

К этому времени Джим снова отбыл далече. Я прекрасно понимала, что он должен это делать, потому что служит на флоте, но невольно чувствовала себя брошенной. Меня снова предавали, как щенка, брали к себе и бросали, уезжая.

Я была уже достаточно взрослой и не плакала, однако обвиняла себя сильно. Казалось, что я снова не угодила всем, я не такая, как надо, неправильная, не способна удержать мужа дома. Этель успокаивала, твердя, что Джим давно, задолго до нашей свадьбы мечтал о дальних путешествиях и о море, но легче от ее рассказов не становилось. Понимаете, я снова не соответствовала каким-то требованиям, из-за чего меня бросали. Ведь если бы я была очень хорошей еще до рождения, наверное, отец не отказался бы признать меня своей дочерью. И если бы я была замечательной девочкой, меня не передавали бы из семьи в семью. Вот и теперь я не смогла стать настоящей хорошей женой, без которой муж не смог бы прожить и дня, а потому ему не пришло бы в голову уйти в море надолго. Я не такая, я неправильная, я недостойна… Я не заслужила.

Вот этот рок – недостойна – висит надо мной всю жизнь. Я НЕ СМОГЛА. Джимми приезжал домой на Рождество, и я очень надеялась, что смогу уговорить его уйти со службы и жить дома

постоянно, но Догерти на уговоры не поддался и по окончании отпуска снова отбыл на свой корабль. Муж ушел в море, а я осталась соломенной вдовой. Конечно, можно было бы просто завести себе приятельниц и приятелей, даже любовника, но мне вовсе не хотелось вот так размениваться. И потекла очень нудная и скучная жизнь. Правда, недолго.

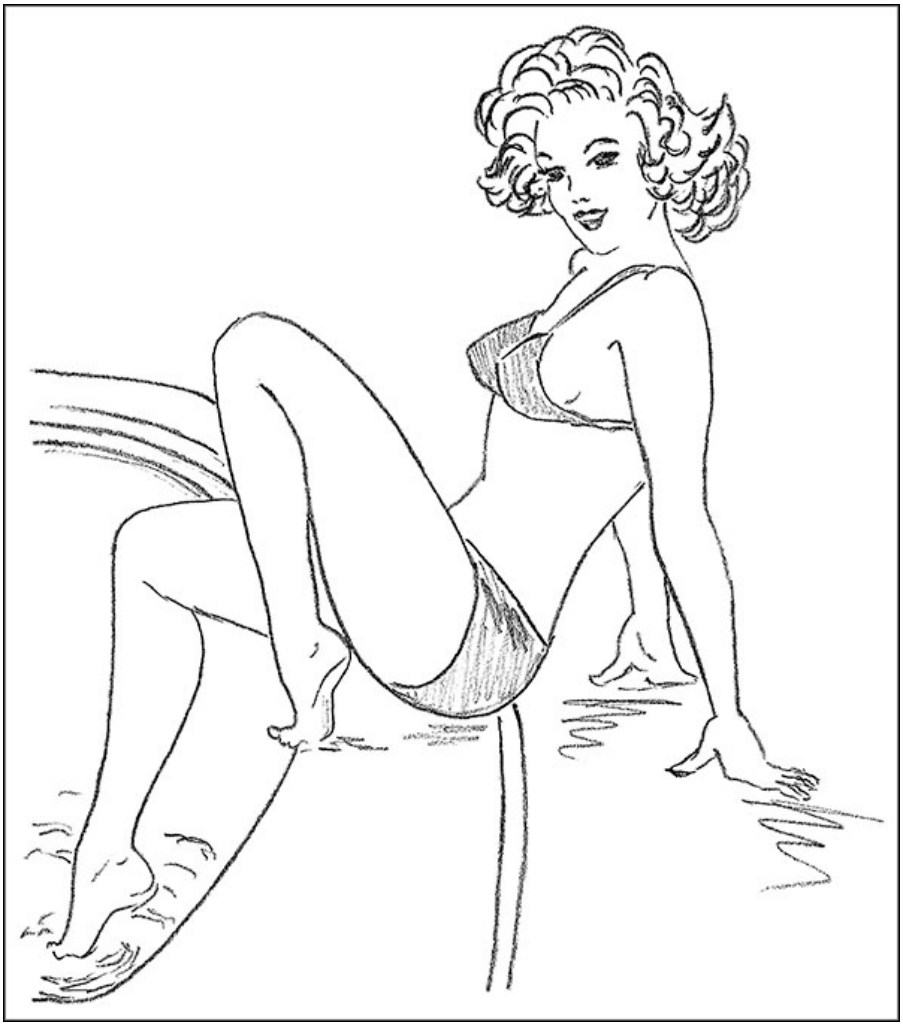
К нам на завод приехала группа фотокорреспондентов делать снимки для разных журналов с военной тематикой. Их репортаж должен рассказывать, как девушки в тылу стараются ради победы. В Лос-Анджелесе мало заметно, что идет война, разве изредка видны корабли на рейде, но это не слишком волновало, к тому же война подходила к концу. В остальном жизнь текла сама по себе. Но мы работали на заводе, который поставлял продукцию для военных, потому о войне не забывали.

Я оказалась в числе тех, кого принялись снимать. Мне всегда нравилось фотографироваться. Обычно перед публикой я смущаюсь, даже сейчас, когда сделаны тысячи моих снимков, сыграно множество ролей, даны десятки интервью и много раз пришлось выступать перед огромными толпами поклонников и даже недоброжелателей, я все равно делаю первый шаг с содроганием, только усилием воли. А тогда смущалась до заикания.

Но, знаете, позировать перед публикой и перед объективом камеры не одно и то же. Когда выходишь к людям, страшно услышать или увидеть сиюминутное неодобрение, понять, что что-то не так, а исправить уже нельзя. А перед камерой иначе: во-первых, ты не видишь будущих зрителей, и можно разговаривать с ними мысленно, представляя себе очень доброжелательную публику. Во-вторых, снимок всегда можно переделать, отретушировать, переснять, в конце концов! И вот когда ты знаешь, что все можно исправить и это зависит только от фотографа (обычно настроенного доброжелательно) и от тебя самой, тогда можно работать спокойно.

Нет, позирование – это даже не работа. Я была перед камерой не просто спокойна, я была раскована от этого спокойствия. Сейчас я понимаю, что тогда еще не было множества придирок со всех сторон, поучающих наставлений, критических замечаний, недовольства, а только просьбы:

– Норма Джин, давай! Ну-ка, детка, повернись другим боком. А теперь улыбнись на камеру так, словно хочешь соблазнить всю Америку сразу!



Плаваю плохо, но покрасоваться в купальнике люблю

Я поворачивалась, улыбалась, покоряла. Сначала на заводе, где делались снимки для армии, потом в фотоателье, где меня снимали для журнала (безо всякого эротического налета), потом в модельном агентстве.

Думаете, это просто – едва обретя семью, пусть и с отсутствующим мужем, но все же со свекровью, с домом, которого у меня никогда не было, с родственниками, пусть и со стороны мужа, вдруг все бросить и решиться начать новую жизнь, совсем ненадежную и неизвестно к чему ведущую?

Тогда я не смогла послушать фотографа Конновера и стать настоящей моделью, не была готова. Ведь впервые за всю пусть и короткую жизнь у меня была семья, родственники, готовые меня любить, но одновременно впервые за столько лет у меня были

деньги.

Когда на Рождество в отпуск приехал Джим, я смогла себе позволить принять его почти по-королевски, во всяком случае, тогда нам казалось так. Муж уже знал, что я подработала фотомоделью, но не придал этому значения, правда объяснив, что это ненадолго, как только он приедет в следующий раз, мне придется забыть обо всяких глупостях, потому что уже пора подумать о ребенке. Нет, не сейчас, пока рановато, но в следующий раз, пожалуй, будет пора…

Удар! Муж не собирался оставаться дома и становиться моей каменной стеной, он снова меня бросал. Никто не смог бы убедить меня, что служба заставляет Джима бывать дома наездами, я воспринимала это как предательство.

Но у меня была еще одна зацепка, я копила деньги для подарков не только Джиму и Этель Догерти, не только для тети Энн и Грейс, но и для… отца! Грейс открыла мне имя моего отца – Стэнли Гриффорд. Это сейчас я понимаю, что все очень неточно, что отцом мог быть вовсе не Гриффорд, у матери было немало поклонников, но тогда показалось, что стоит мне увидеться с отцом и все наладится. Что все? А все в жизни, ведь теперь у меня были сестра, племянники, муж, свекровь, немало родственников и даже отец! Знаете, это может оценить только тот, кто долго-долго был ничьим, никому не нужным, одиноким.

Мир уже не просто улыбался мне, казалось, жизнь расцвела всеми красками. Да, конечно, Джимми прав, он вынужден заработать немного денег, но он вернется, у нас будет ребенок, а мой отец станет счастливым дедом! Я не могла просто так смириться со своей ненужностью никому, даже Джиму. Ничего, он почувствует, что не может без меня и дня, и быстро вернется. Разве может служба на флоте заменить горячие объятья супруги?

Но сначала нужно разыскать отца, Джим должен знать, что женился не на безродной сиротке, которую из жалости пригревали то в одном, то в другом доме. Моя мать больна, а отец просто не подозревал о моем существовании, если бы знал, то наверняка обрадовался. Обрадовалась же сестра!

Я сумела раздобыть телефон Стэнли Гриффорда.

Так я представляю себе обрывание крыльев у птицы… Стэнли Гриффорд не захотел разговаривать с какой-то Нормой Джин! А его супруга посоветовала обратиться к адвокату, если у меня есть какие-то материальные претензии.

У меня не было материальных претензий, я просто хотела подарить отцу подарок на Рождество, а еще хотела, чтобы он

знал, что я любила его все эти годы, даже когда было очень плохо и одиноко, даже не зная, кто он и жив ли вообще. Мне не нужна материальная помощь, я уже могла зарабатывать сама, мне нужен отец, пусть не рядом, но чтобы он знал о своей дочери, а я знала, что он знает.

Теперь он знал, но не желал этого знания…

У меня снова не было отца, а мой муж сбегал от меня. Даже имея родственников, я снова оказалась никому не нужна, всеми отвергнута. Снова одиночество…

Но и это оказалось не все. Дэвид Конновер, тот самый, что сначала делал мои снимки на заводе, а потом у себя в ателье, пригласил поснимать на природе. Я видела, что Дэвид неравнодушен, но мне так нравилось фотографироваться и все получалось так хорошо, что я согласилась. Наверное, со стороны это выглядело совершенно неприлично: молодая замужняя женщина разъезжала по всей Калифорнии с молодым же фотографом, иногда ночуя с ним в одной комнате (просто не было других свободных). Конечно, это вызвало бурю негодования со стороны Этель Догерти, какой свекрови понравится такое поведение невестки. Джиму полетели разоблачающие меня письма, но тот остался спокоен, подозреваю, что муженьку было все равно, чем там занимается его жена, он занят своими делами.

Мы сделали большое количество прекрасных снимков, часть которых Конновер опубликовал в журналах, часть подарил мне. Я осознала, что могу стать фотомоделью, хотя Грейс всегда прочила большее.

Но фотомоделями хотят стать тысячи красивых девушек, у

многих прекрасные фигуры, многие фотогеничны. Где гарантия, что повезет именно мне?

И все же, когда стало ясно, что выбор невелик – тоскливое замужество или новая жизнь, я решилась.

О, как это было трудно. Полдня я собиралась, красилась и перекрашивалась, меняла одно дешевенькое платьице на другое, переобувалась и снова переодевалась… В результате волосы лежали хуже некуда, дыханье перехватывало так, что и без заикания звука не выдавить, колени дрожали, и походка стала совершенно нелепой…

Доведя себя до полной непригодности, я вдруг отправилась в агентство.

Мисс Снайвли оказалась дамой очень тактичной, она не выгнала меня с порога, а попросила пройтись. Единственным желанием было вцепиться в край стола и остаться сидеть, потому что идти на деревянных ногах, с подгибающимися коленями очень тяжело. Голос дрожал, губы тоже, в глазах мольба, видно, она и заставила мисс Снайвли взяться за меня.

Решительности мисс Снайвли можно позавидовать, сначала она раскритиковала во мне все: походку, волосы, голос, манеру двигаться вообще… потом заявила, что если я твердо решила стать моделью и готова приложить для этого немало усилий, то у меня получится все, потому что во мне есть шарм, а это многого стоит.

Однако были нужны деньги для оплаты занятий, и деньги немалые, для меня тогда недостижимые – сто долларов за трехмесячный курс подготовки модели. Я сникла:

– Прошу извинить, у меня нет денег.

– Вам не придется сейчас платить, занимайтесь в долг, все вычтут из Ваших будущих заработков.

Понимаете, когда Вас берут на работу, о которой мечтают тысячи других, да еще и согласны учить в долг, рассчитывая на будущие заработки, это похоже на сказку. Меня больше всего поразила именно уверенность в будущем.

– Вы полагаете, они будут?

– У Вас? Конечно, если Вы не дура и не лентяйка.

Даже если я была до того момента дурой и лентяйкой, то мгновенно излечилась от обоих недостатков (хотя мой муж Артур Миллер вовсе так не считал).

Начались занятия, во время которых Мэри Смит учила нас ухаживать за лицом и телом, основам макияжа, миссис Гэвин Брэдсли – двигаться при демонстрации одежды, а сама мисс Снайвли – принимать красивые и выигрышные позы во время съемки.

Мной она занималась, кажется, особо, потому что мисс Снайвли не нравилось многое – слишком громкий смех, разболтанная вихляющая походка, слишком широкая улыбка, из-за которой нос расплывался картофелиной и становился очень большим… Но я очень старалась научиться все делать правильно, и мы исправили все, что возможно исправить. Конечно, денег на операцию по уменьшению носа и исправлению неправильного прикуса, из-за которого верхние клыки несколько заходили за нижние, у меня не было, эти дефекты были исправлены позже на средства Джонни Хайда, как и мой овал лица.

Учиться ходить, владеть своим телом, принимать эффектные позы и делать эффектные жесты… что может быть лучше и интереснее, тем более потом меня фотографировали.

Я очень люблю фотографироваться, это совсем не то, что кинокамера. Уже рассказывала, чем привлекателен фотоаппарат, в том числе и возможностью переделок. Но я довольно быстро научилась работать сразу «набело», как говорили многие фотографы. У меня со всеми наладились хорошие отношения. Иногда мне кажется, что это лучшее время в моей жизни. Пока еще ничего особенного не требовалось, все получалось, снимки были хорошими, фотографы мной довольны, реклама зубной пасты или лыж в купальнике меня не утомляла. Иногда я задавала дурацкие вопросы вроде того, к чему рекламировать зубную пасту полуголой, но довольно быстро осознала, что красивое женское тело привлечет внимание и к зубной пасте.

Я часами простаивала перед зеркалом, вернее, принимала разные позы и строила физиономии, чтобы понять, в чем моя слабость и сила, а также просто научиться. Конечно, это никак не могло понравиться свекрови, Этель написала Джиму о неприличном поведении его жены, тот прислал мне очередное письмо с обещанием прекратить это безобразие, как только вернется.

Из дома Догерти пришлось уйти, я отправилась жить к тете Энн, сняв маленькую квартирку у нее на первом этаже.

Я не была приучена к большим деньгам, а потому заработка вполне хватало, чтобы одеваться и сносно питаться. По меркам Нормы Джин Бейкер, я могла себе многое позволить.

А мои снимки – это Пинап, знаете такие картинки, на которых хорошенькие женщины в соблазнительных позах и обязательно с обнаженными ножками делают вид, что занимаются обычными делами – убирают квартиру, ходят за покупками, играют со щенком…

Правда, при обычном Пинапе с фотографий делали рисунки, где фигуры девушек значительно улучшали, как и черты их лица,

требовалось только умение принимать соблазнительные позы. С моих фотографий никто ничего не срисовывал, их сразу размещали, как есть.

Док, я очень много якаю, да? Но как же иначе, ведь рассказ идет обо мне самой? Наверное, когда я (снова «я»!) начну говорить о Мэрилин Монро, тогда буду и Вам, как доктору Уэкслеру, говорить в третьем лице: «Мэрилин сказала… Мэрилин подумала…» А пока терпите мое ячество.

Вы вообще терпеливый, это очень удобно. Вы есть, и Вас вроде нет. Я не задумываюсь, слушаете ли Вы мои записи и как можете потом их использовать. Важнее, что я проговариваю все сама, не по требованию психоаналитика или его заданию и под строгим взглядом, а просто сама, о чем хочу и что хочу. Знаете, так удобнее. Хотя доктор Гринсон тоже не давит на меня, но он зачем-то старается вытащить негативные воспоминания о детстве, а мне удобнее и легче вспоминать не только трудности, но и хорошее.

А еще мне удобно представлять Вас таким, каким я хочу в данный момент, не ждать оценки своих слов и мыслей, не ждать их разбора.

Когда рассказываешь свободно, кажется, что жилось не так уж и плохо, были счастливые минуты, была радость, что за спиной нет ничего страшного, что могло бы исковеркать мою нынешнюю жизнь.

Док, а вдруг это поможет снять мои страхи совсем? Тогда я расцелую Вас при всех и всем расскажу, что Вы лучший доктор в мире, что не нужны длительные мучительные сеансы психоанализа с погружениями и вытаскиванием негатива. Нет, может, кому-то они и нужны, но только не мне. Вытаскивая негатив, я не освобождаюсь, а лишь глубже в него погружаюсь. У меня был такой тяжелый опыт с доктором Крис, когда все закончилось психушкой. Сейчас не буду об этом вспоминать, но потом расскажу обязательно. Что я была в психушке, всем известно, но не все знают, как страшно оказаться в четырех стенах с зарешеченными окнами, стеклом в двери и отсутствием надежды когда-либо оттуда выйти. А тебя при этом еще и тысячу раз спрашивают: «Почему Вы чувствуете себя несчастной в этом помещении?!»

Нашла для себя занимательное занятие – срисовывать старые фотографии. Вот одна из них. Самая глупая роль – словно болонка в корзинке

Если Вам удастся вытащить меня из прошлого негатива, из неуверенности, из сомнений и отчаянья, моей благодарности не

будет предела. Этим Вы спасете меня.

Но я вернусь в то время, когда еще не было Мэрилин Монро, а Норма Джин решала для себя, кем ей быть.

Мисс Снайвли настояла, чтобы я осветлила волосы. Она приводила множество примеров успешных блондинок, в том числе и Джин Харлоу. Я могла бы в ответ привести не меньше примеров успешных брюнеток, но довод в виде Джин Харлоу был слишком серьезен, ведь это мечта моей мамы, Грейс и моя собственная.

Наступление шло со всех сторон, и я наконец оказалась в студии Рафаэла Вольфа, который потребовал ради рекламы какого-то шампуня перекраситься. Вольф тоже настроен против моих каштановых волос и отправил в салон «У Фрэнка и Джозефа».

Приговор в салоне был однозначен: волосы выпрямить, укоротить и перекрасить в светлый цвет, потому что они слишком вьются и на фото выглядят слишком темными. Кажется, я даже заплакала, словно предчувствуя изменения всей жизни. Знаете, такое бывает, когда, меняя внешность, человек сильно изменяется сам.

– Я буду слишком неестественной.

– Если самой краситься пергидролем, конечно. Нужно посещать специалиста и ухаживать за волосами постоянно. Поверьте, Ваш цвет – платиновая блондинка, как Джин Харлоу.

Стоит ли говорить, что упоминание Харлоу было последней каплей. Правда, я не рискнула стать совсем светлой, только перекрасилась в золотисто-белокурый цвет.

Понравилось всем, особенно вернувшимся в Лос-Анджелес Годдардам (им не удалось прижиться на востоке, и они предпочли вернуться из Западной Вирджинии в Калифорнию). Понравилось и мне, особенно когда меня сняли в небольшом фильме без звука, где пришлось демонстрировать купальник.

Не понравилось только Джиму. Он приехал в Лос-Анджелес на побывку после полуторагодичного отсутствия. Но сейчас я вполне понимаю Джима, никому не понравится, если твое место на супружеской кровати занято. Нет, нет, Док, не подумайте, что я привела в дом любовника (хотя таковой у меня появился)! Сейчас расскажу, что произошло, это очень важно.

Мисс Снайвли очень старалась показать меня самым знаменитым и талантливым фотографам, если только узнавала об их присутствии в Лос-Анджелесе. Так случилось и с Андре Де

Динсом, с которым мы познакомились еще осенью (тогда я не была золотоволоской).

Андре – фотограф от Бога, как бывают таковыми музыканты, живописцы, поэты… Он и камера составляют во время работы единое целое, мне иногда казалось, что они впрямь срастаются. Андре гениально чувствует освещение, позу, но не любит работать в студии. Все верно, там нет легкого ветерка, развевающего платье или треплющего волосы, нет солнечного света, нет запахов, а ведь все это очень важно.

Де Динс пригласил меня поработать на натуре и увез за город. Я уже проходила съемки на природе с Конновером, но с Де Динсом все совсем иначе. Никаких наигранных поз, никаких заученных движений, все естественно и безумно красиво, а еще целомудренно.

Голосование на шоссе босиком и в довольно растрепанном виде (мы страшно мешали движению, но ни один водитель не возмутился, все терпеливо ждали, принимая меня за звезду) не производило впечатления «девицы с шоссе», казалось, мой велосипед просто упал с обрыва и мне нужна помощь. Многие водители, вынужденные ждать, так и решили, наперебой предлагая нам подвезти до города.

На фотографии у забора, где у меня открыт живот, потому что рубашка завязана прямо под грудью, ничего крамольного, просто девушка только что возилась с козленком или лошадью и сейчас вернется в дом. Кстати, козленок, вернее, ягненок тоже был, он такой миленький и так доверчиво прижимался ко мне, вовсе не протестуя, что его снимают.

Всем снимки очень нравились, кроме семейства Догерти. Если честно, то возмутись Джимми основательно, запрети он мне любые фотосессии или общение с Андре, тогда я еще послушалась бы и не знаю, как сложилась бы моя жизнь. Но приехавший в отпуск Джим равнодушно разглядывал фотографии, на которых я действительно хороша, равнодушно слушал мои рассказы об успехах в карьере фотомодели, равнодушно отбрасывал в сторону журналы, на глянцевых обложках которых красовалась его жена. Ему было все равно.

В большой степени именно равнодушие мужа подтолкнуло меня согласиться с предложением Андре Де Динса отправиться в новое путешествие, только теперь уже подальше, причем на Рождество.

Я ждала бури, опасалась, что Джим побьет меня, опасалась скандала, готовая отступить при первых признаках недовольства, а столкнулась… только с неудовольствием по поводу своего отсутствия на Рождество. Нет, возмущалась Этель Догерти,

ужасалась тетя Энн, злился и сам Джим, но он не сказал мне ни слова. Не стукнул кулаком, не запер меня в квартире, не побил, в конце концов. Джим злился молча, что разозлило меня тоже. Я уехала с Андре на съемки.

Мы объездили чуть не все Западное побережье, посетили многие штаты, фотографировали на пляже и в пустыне, в горах и у водопадов Йосемитского национального парка.

Конечно, Андре очень хотел, чтобы я стала его любовницей, я долго держалась, но все решила встреча с мамой. Во время телефонного разговора с Грейс та сообщила, что Глэдис выпустили из больницы и она живет в Портленде в штате Орегон. Мы были совсем рядом, в штате Вашингтон, и решили заехать проведать мою маму.

Это была ужасная встреча! Дело не в том, что мы давно не виделись и Глэдис просто не узнала меня, она была безразлична ко всему. Жалкая, потерянная женщина даже не протянула навстречу руку, не приподнялась с плетеного кресла. Она не обняла меня в ответ, не посмотрела фотографии, не взяла принесенный подарок.

Мы не знали, что делать и о чем говорить, Андре страшно нервничал, не в силах мне помочь. Когда я просто опустилась на пол у ног матери, размышляя, как быть, она вдруг тихо произнесла:

– Я хотела бы жить с тобой, Норма Джин.

Трудно передать мой ужас от этих слов. С одной стороны, я понимала, что не должна бросать беспомощную мать вот в таком состоянии одну, с другой, куда могла бы забрать, в крохотную квартирку, в которую вернется после увольнения Джим? Но там и кровать-то одна. Да, я уже зарабатывала достаточно, чтобы содержать и маму тоже, но это значило забыть о своей мечте, забыть о возможности стать еще кем-то.

А карьера фотомодели невечна, довольно скоро меня перестанут снимать так интенсивно, и можно снова оказаться не у дел. Тогда снова завод и нищета. И как Джим, который недоволен моей карьерой, отнесется еще и к необходимости терпеть в доме душевнобольную тещу?

А Андре вдруг стал говорить, что мы скоро поженимся и переедем в Нью-Йорк! Это означало отказ в помощи моей матери. Мне стало плохо, я попыталась смягчить заявление Андре, как-то обещать помочь.

– Мама, мы скоро увидимся с тобой снова.

Если бы я могла, наверное, забрала бы ее сразу, хотя очень страшно взваливать на себя такой груз ответственности. Но я сама зависела от всех: Андре, Джима, Этель, Энн…

А еще очень страшно видеть перед собой, возможно, собственное будущее. Разве не была безумна бабушка, брат мамы, отец бабушки?.. В моей семье у предков достаточно много примеров странного помешательства, это какой-то уход в себя, когда человек и существует на Земле, но его словно нет. Меня часто упрекают, что я отсутствую, внешне присутствуя. Джонни Хайд даже говорил, что мне нельзя заниматься актерством серьезно, потому что это подразумевает копание в психике, что я должна играть легкие, комедийные роли. А я очень люблю психоаналитиков, люблю читать Фрейда и разбираться, что чувствую и почему. Это плохо и вредно? Может, Хайд был прав? О Хайде я Вам расскажу потом, он замечательный и много для меня сделал.

Всю дорогу обратно я проплакала, Андре старался утешить меня во всем, мы стали любовниками. Это совсем не то, что Джим, я чувствовала, что со мной спят не по супружеской обязанности, а по любви. Наверное, Джимми тоже любил меня, но как-то иначе, как свою жену, которую любить положено.

Поездка меня сильно изменила, даже сильнее, чем все предыдущие месяцы учебы и работы фотомоделью. Я стала неверной женой и вдруг осознала свою ответственность за кого-то еще.

Дома ждал разъяренный Джим. Его наконец прорвало, но Джимми не поднял руку, он просто устроил один за другим несколько скандалов, требуя, чтобы я прекратила сниматься и разъезжать по всей стране с мужиками. Ему нужна нормальная жена, а не фифа с журнальных обложек, я должна родить ребенка и прекратить фривольные съемки!

Впервые я огрызнулась.

– Какого черта?! Тебя нет дома два года, а я должна сидеть на пороге и ждать? Я тоже хочу жить и зарабатывать деньги. Что плохого в том, что я снимаюсь?!

Мы поссорились, а потом, к моему ужасу, показалось, что я в положении. Несколько дней я просто сходила с ума, все складывалось так плохо, что не придумаешь, как выпутаться. Я даже не могла точно сказать, от кого этот ребенок, он мог быть и от Де Динса, чего Джимми не простил бы мне никогда. Всю жизнь быть под таким подозрением или развестись и воспитывать ребенка одной, как это делала моя мама? К тому же существовала и она сама, забрасывавшая меня письмами с просьбой позволить приехать и жить со мной.

Андре Де Динс и его любовь отошли на задний план. Я знаю, он признал бы ребенка своим, хотя тоже сомневался в отцовстве, но ему не нужна Глэдис Бейкер, значит, всю жизнь мучилась бы

совестью я.

Слава богу, опасения оказались напрасными, беременность с непонятным отцовством не состоялась, с души свалился хотя бы этот камень.

Джим отбыл на свой корабль, в этот раз я уже не провожала его со слезами на глазах и не цеплялась за рукав, умоляя не бросать. Мы оба понимали, что следующий приезд будет означать развод. Просто Джим поставил меня перед выбором – либо он и семья, либо карьера, жена с обложки ему не нужна. Я была не против развода, понимая, что нормальной семьи уже не будет, но, как всегда, не решалась сделать это сразу.

Но теперь я не могла спокойно жить, зная, что моя мать где-то там в плохоньком отеле одна-одинешенька и очень хочет переехать ко мне. Прекрасно понимала, что ни на какую работу ее не возьмут (она писала мне, что постарается сразу же устроиться на киностудию снова на обработку пленок, потому что не потеряла навыки), никто не станет связываться с женщиной, пробывшей в психушке столько лет.

Понимала и то, что Глэдис будет страшной обузой для меня, а также то, что это станет последней каплей, которая переполнит чашу терпения Джимми. Хотя последнего как раз не боялась, пусть, все равно развод. Но я уже не могла оставить маму без помощи. Знаете, пока не видела ее вот такой – беспомощной и ни на что негодной, – думала о Глэдис спокойно, как о чужом человеке, но теперь картина безучастно сидящей в кресле женщины не выходила из головы. Вопреки всем советам – тети Энн, Грейс, даже Снайвли – я отправила маме деньги, чтобы расплатиться с долгом за отель и купить билет в Лос-Анджелес.

В крохотной квартирке две комнатушки и всего одна кровать, где и стали спать мы вдвоем. Конечно, я могла выкинуть что-то из мебели и поставить вторую кровать, оставив большую для нас с Джимом, но я этого не сделала. Приехав в очередной раз на побывку (он теперь служил неподалеку от дома), Джим застал дома Глэдис, а на кровати ее ночную рубашку. Безо всяких объяснений Джим развернулся и полчаса спустя жил дома у своей матери. Слово «развод» прозвучало твердо. Я понимаю, что ему вовсе не нужна самостоятельная жена, уже не подвластная его воле и приказам, к тому же с таким довеском, как сумасшедшая мать.

Мы остались с мамой, а Джим снова ушел в море.

Но мама долго в нашей квартирке не прожила, она сама почувствовала, что ей лучше, когда вокруг больничные стены. Глэдис забрали в клинику в Южной Калифорнии.

Тогда я не понимала, что это такое, пока сама не оказалась в

клинике. Правда, мама жила в обычных условиях, а я была в палате для буйных помешанных (это устроила доктор Крис, я потом расскажу!), но все равно психушка есть психушка. Я старалась присылать туда деньги, даже когда у меня самой нечего было есть, а потом, позже, когда появились средства, перевела ее в частную клинику.

Мама так и осталась беспомощной, все понимающей и даже помнившей, но не способной что-то сделать самостоятельно, а уж решить тем более. Даже дети сами решают, как им быть, а человек с вот такой болезнью не способен. Что это за безволие, не знает ни один врач. Психиатры не знают, что за болезнь эта заторможенность, эта беспомощность, не знают, чем и как лечить. Они радуются только тому, что Глэдис безопасна.

Я ни на одну минуту жизни не забывала, что случилось с моей мамой, какой она стала. Правда, не помню, какой была, но ведь была нормальной, если даже работала на киностудии? Неужели сумасшествие – это действительно проклятье нашего рода и оно когда-то захватит и меня саму?! Только не это!

Знаете, рассказывая о своей матери, я вдруг поняла, почему так доверяю Вам. Со мной работали многие психоаналитики и наставники, но сейчас я вдруг поняла, что никто не сделал главного – не вселил в меня уверенность, что я могу сама! Я спотыкалась, и мне тут же подставляли руку, я забывала текст – подсказывали, не знала, как играть, – объясняли, надзирали, наставляли, диктовали, все говорили, что сейчас помогут, но никто, никто не сказал:

– Малышка, ты сможешь сама!

Вы первый, кто сказал:

– Вы во всем разберетесь сами, все сами поймете.

Док, Вы поверили в то, что я могу сама, потому что плохо меня знаете или я действительно могу?

Сейчас кажется, что могу.

Это я поняла, когда задумалась над поведением моей мамы.

Я давно оплачиваю ее содержание в хорошей частной клинике, уход за ней, но я знаю, что она не живет, а существует, беспомощная сама перед собой. Ей ежеминутно нужен не просто наставник, а почти поводырь, который бы указывал, что делать, о чем думать, как поступать. ОНА НИЧЕГО НЕ МОЖЕТ САМА, понимаете?

Сейчас я вдруг поняла, что все мои помощники и наставники низвели меня до подобного состояния! Я ничего не могу сама! Нет, я могу жить, даже играть, но для всего мне нужно чье-то одобрение, чья-то поддержка, чье-то наставление.

Док, это страшно, Вы даже не представляете, насколько это страшно! В кого я превращаюсь – в куклу-марионетку или в мамино подобие?!

Наверное, потому вот эти пленки, попытки рассказать о себе, разобраться без чьих-либо вопросов, указаний, наставлений возрождают меня. Вы первый, кто поверил, что я смогу. Когда-то в меня поверила мисс Снайвли, но это было так давно…

Я должна все это обдумать, осознать. Сама, Док, сама!

Мама переехала в клинику, я осталась одна. Мне очень хотелось начать новую, совсем иную, чем до сих пор, жизнь.

Оставались две препоны – мой муж Джимми Догерти, который вот-вот вернется и прервет мою карьеру фотомодели, и моя мечта стать киноактрисой, даже звездой.

Однажды я поделилась этими проблемами с мисс Снайвли. Та согласилась, что, если хочешь попасть на киноэкран и стать звездой, нужно решиться и многим пожертвовать, а еще быть готовой к немалым трудностям. Трудностей я не боялась, жертвовать была готова, оставалось решиться.

– Я не могу просто развестись с Джимом, это будет нечестно.

– Но и оставаться с мужем ты тоже не можешь, Норма Джин. Супруг не позволит тебе сниматься, а ты уже привыкла и к вспышкам камер, и к вниманию, и пусть и к небольшим, но свободным деньгам. Представь, что снова придется ожидать возможности купить себе новые чулки и ходить в них целый сезон…

Мисс Снайвли была права и неправа одновременно. Разведясь с Джимом и пустившись в свободное плаванье в Голливуде, я большую часть года была вынуждена вообще ходить без чулок, потому что не имела денег на них даже раз в сезон. И сыта не бывала неделями, а деньги имела крайне редко и совсем крошечные, пока не стала получать зарплату на студии.

Но она была права в том, что я уже не могла быть прежней, не принимала жизнь в семье Догерти, какую вела мать Джимми Этель. Нет, из меня никогда не получилась бы добропорядочная миссис Догерти, я бы испортила Джиму жизнь.

Зато появилась зацепка: на голливудских киностудиях предпочитают не связываться с замужними женщинами, опасаясь беременностей. Конечно, это смешно, потому что до актрисы мне было так же далеко, как и до роскошных особняков владельцев студий Голливуда, но я ухватилась за эту зацепку и отправилась оформлять развод в Лас-Вегас, где сделать это было совсем нетрудно, даже в отсутствие мужа.

Отсутствие Джима тоже стало своеобразным козырем. Война закончилась, он был не столь уж нужен на флоте, мог бы и вернуться, но Джим явно не торопился. Когда симпатичная молодая женщина страдальческим голоском сообщает, что хотела бы развестись с супругом, который не торопится к ней, предпочитая где-то там других, у судей возникает желание защитить малютку.

Единственный вопрос:

– Вы намерены жить в нашем штате?

Я не намерена, и почему судья спросил, не знаю, может, потому что разводить тех, кто бывает в их штате наездами, нельзя, а может, просто имел какие-то виды… Я сделала честные глаза:

– Да, я сняла квартиру и поселюсь в Лас-Вегасе, мне здесь нравится.

Вообще-то после такого заявления меня следовало отправить к мужу под присмотр в наручниках, потому что Лас-Вегас не то место, где молодые женщины ведут себя образцово, но судья, видно, привык ко всему, кивнул.

Оставалось только дождаться положенного времени, чтобы получить документы о разводе, мне не стали его затягивать. Это существенно, потому что Артуру пришлось ждать немало времени, пока его развели с женой. Я знаю многих, кто долго добивался нужного решения даже в Неваде. Но мы с Джимом не столь важные особы, чтобы насильно удерживать в браке.

И словно чтобы я не передумала, в Лас-Вегасе произошло событие, словно подсказавшее мне будущий успех.

В Лас-Вегасе снимал какой-то фильм (я не удосужилась поинтересоваться какой!) Рой Роджерс. В ожидании документов от нечего делать я много времени проводила на улицах, глазея на красивую жизнь и на киносъемки. И в какой-то момент окружающие приняли меня за актрису, попросив автограф. Я объяснила, что никакого отношения к кино не имею, не поверили, парни даже обиделись, решив, что набиваю себе цену. Пришлось расписываться даже на их ковбойских шляпах!

А потом меня позвали на родео, и мы пошли обедать большой компанией, в которой был и король ковбоев Рой Роджерс, который тоже принял меня за актрису, пусть и начинающую. Когда Рой разрешил мне прокатиться на его лошади, я почувствовала, что взлетаю к небесам. Обожаю его фильм «Под западными звездами»! Тогда Рой был кумиром всей Америки.

Король ковбоев поил нас своим фирменным коктейлем, правда, я просила не наливать в мой стакан «Гренадера», надо мной смеялись, потому что без «Гренадера» остаются только кола

и лед.

К вечеру я не сомневалась в своем великом будущем, в том, что стану звездой, непременно стану, а потому совесть из-за развода с Джимми Догерти меня уже не мучила. Пусть Джим простит меня, но ведь мы не любили друг дружку, вернее, любили, но как-то по необходимости. Мой муженек не страдал от тоски и ревности у себя на корабле, ведь он действительно не слишком спешил демобилизоваться даже после окончания войны. Мы развелись летом 1946 года, когда все, кто торопился к своим семьям, давно были дома.

Так я снова стала свободной. И снова одинокой, но теперь я таковой себя не чувствовала, моя мечта начала осуществляться, и некогда было страдать. Вернее, я страдала, но из-за другого.

У моего ухода из фотомодели в Голливуд была еще одна причина кроме опасности завязнуть в тягостной семейной жизни. Я примелькалась. Слишком много снимков для слишком большого количества журналов привели к тому, что мои лицо и фигура примелькались, перестали вызывать большой интерес у читателей. Нельзя все время фотографировать одних и тех же, предстояло либо уезжать из Лос-Анджелеса, чтобы начинать карьеру фотомодели в другом месте, либо пробовать себя в кино.

Я выбрала второе, все-таки это была моя мечта, к тому же в Лос-Анджелесе Голливуд.

О Голливуде в следующий раз, это очень большой и серьезный разговор.

Голливуд

Голливуд… Это самое непостижимое место на свете. В нем есть все: блеск и отчаянье, роскошь и откровенная нищета, чувства и фальшь, правда и ложь, невероятный успех и столь же сокрушительные провалы… Спросите любого актера, и он ответит, что в Голливуде никогда нельзя знать наверняка, что ждет тебя завтра. Все мечтают о славе и успехе, но никто не может быть уверен, что они надолго, если вообще будут.

Вряд ли Вы связаны с Голливудом, но даже если это так, я все равно расскажу о нем, об этом монстре, производящем сказки сотнями и ради этого уничтожающем людей тысячами. Да, да, уничтожающем, потому что назвать живыми тех, кого Голливуд перемолол и выплюнул, как ненужную вещь, не повернется язык. Если кто-то сумел остаться на ногах после такой мясорубки, то он сделан из стали высочайшей пробы.

В Голливуде нет середины – либо все, либо ничего. Те, кто годами играют роли из нескольких слов, показываясь позади главных героев только ради того, чтобы не пустовала площадка, не живые люди, это манекены. Пока молоды, манекены мечтают вырваться в звезды, а когда время прорыва уходит, умирают внутри. Свет софитов на площадке выжигает душу куда сильнее любого пожара.

Есть те, кто попадает в Голливуд со сцены или со съемочных площадок Европы, они другое дело, они не видят самых низших ступеней, как не видят их самих те, кого приводят за руку покровители.

Меня никто не приводил и никто не приглашал, я пришла сама, а потому должна была пройти все круги унижения и пыток. Нужно иметь очень стойкий характер или безумно мечтать сниматься в кино, чтобы вынести то, что уготовано девушкам, появившимся на пороге любой из голливудских студий без покровителя или запаса сыгранных где-то ролей.

Десятки кастингов для самых разных фильмов, бесконечные «Сегодня для Вас ничего нет», «Мы перезвоним», «К сожалению, пока ничего»… Не верьте этим сожалениям, служащие отделов по набору сотрудников произносят такие фразы, как хорошо заученную роль.

Тысячи девушек, робких и нахальных, растерянных и самоуверенных, действительно красивых или только думающих, что они такие, рослых и маленьких, худых и толстых, самых разных обивают пороги киностудий в надежде стать хотя бы старлетками с ролью в два слова, а то и вовсе без слов. Только бы

взяли, только бы заметили.

Что такое старлетки? Каждая студия набирает по нескольку десятков симпатичных девушек и юношей, чтобы при необходимости заполняли собой задник съемочной площадки, а еще мелькали на разных приемах и праздниках, улыбаясь гостям и создавая приятную атмосферу. Старлетки получают постоянную заработную плату, которая позволяет хоть как-то существовать, имеют возможность наедаться на приемах и надевать студийную одежду. Это большое подспорье, потому что выпить шампанское или съесть что-то вкусное с зарплатой старлетки можно только там.

Большинство старлеток так никем и не становятся, они годами ждут случая быть замеченными, переходят из студии в студию и ничего не получают. Считается, что старлеткой можно пробыть половину жизни. Ничего подобного, потому что каждые полгода договор возобновляется, и нет никакой гарантии, что тебе предложат его продлить.

Вы меня понимаете, Док? Это жизнь в подвешенном состоянии, когда ты не знаешь, будешь ли сыт завтра и не окажешься ли через полгода на улице, потому что нечем платить за жилье.

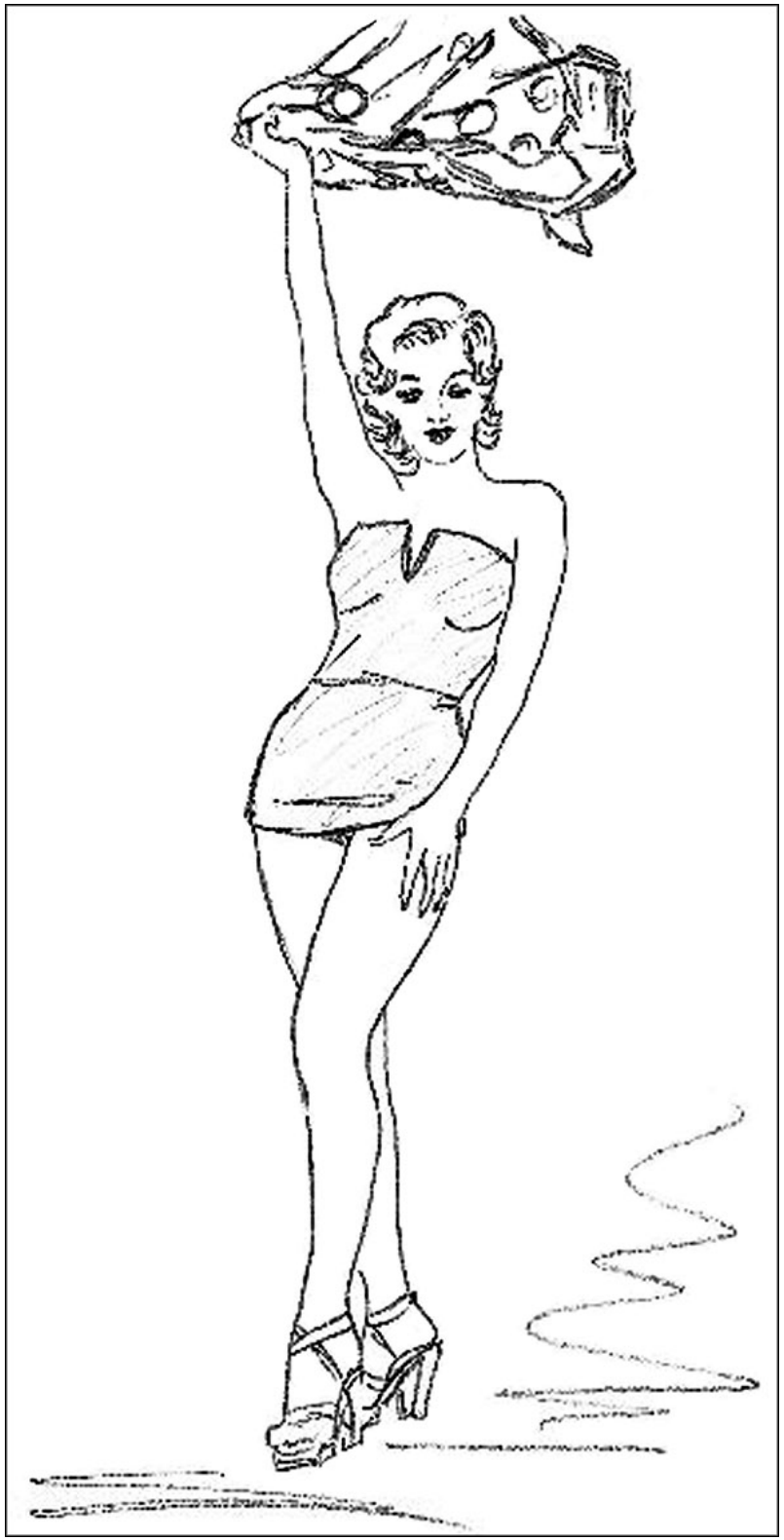
Но даже среди старлеток есть градация. Те, кто хоть изредка имеет роли со словами, считаются счастливицами, они почти закрепились. Большинство после первого года оставались ни с чем. На студии «Фокс», куда я набралась смелости прийти, компанию старлеток называли «конюшней», она насчитывала по семьдесят девушек и семьдесят молодых людей. В «конюшне» надо быть послушной, не отказываться ни от какой работы и ни от каких приглашений, какими бы шокирующими и непристойными они ни выглядели, боссы не любят строптивых лошадок.

Когда смотришь на холмы, покрытые лесом, то не различаешь в этой темно-зеленой массе отдельных деревьев. Разве можно заметить, что вон то ровное и стройное. А рядом довольно кривое и с неровной вершиной? Так и в «конюшне», среди семидесяти красивых девушек заметить одну очень тяжело.

Но все равно это хорошая система, она позволяет хотя бы попробовать себя в кино. Старлетки получают содержание – 75 долларов в неделю в первые полгода, потом, если договор продлевают, оплата повышается каждые полгода на 25 долларов и к концу седьмого года (на столько может быть заключен контракт) она достигает 1500 долларов в неделю. Конечно, всех манят призрачные 1500 долларов в неделю, они кажутся огромными (по сравнению с 75), никто не задумывается, что

контракт может быть и не продлен.

Но даже 75 долларов в неделю позволяли снимать комнатку в общежитии, основанном женами киномагнатов именно для вот таких будущих звездочек или неудачниц, чтобы они не ошивались на улице и не попадали куда попало. Все равно ошивались и попадали, потому что жить на что-то надо.



По сравнению с оплатой труда на заводе и 75 долларов были сказочными деньгами, но как фотомодель я зарабатывала больше. Однако какими бы привлекательными ни были мои снимки для журналов, на скольких бы обложках я ни появлялась, никто в кино не звал и главных ролей не предлагал. Идти и просить пришлось самой.

Теперь после стольких занятий в модельном агентстве мисс Снайвли и позирования перед камерами я считала себя способной произвести впечатление на любого продюсера, который только встретится. Я умела хорошо позировать, неужели не сумела бы сыграть? Это казалось так просто – выйти под свет софитов и произнести нужную фразу. Если я чего-то не умела, то рассчитывала, что подскажут и научат.

О том, что меня могут не взять или не заметить, даже не думалось. Это в агентство к мисс Снайвли я шла на трясущихся ногах, теперь уже была немного уверена, тем более после встречи с Роем Роджерсом в Лас-Вегасе. Мне и в голову не приходило, что Рой просто был любезен с хорошенькой молодой женщиной, ему это ничего не стоило, а обещать успех в Голливуде можно кому угодно.

Но храброй я была только до того момента, пока не открыла дверь студии «XX век – Фокс». Почему именно этой? Снова помогла мисс Снайвли, ее приятельница подсказала, к кому обратиться именно в этой студии – к Бену Лайону, который занимался подбором новеньких. Если бы не стали разговаривать, отправилась на следующую, потом еще… пока не выдохлась или не потеряла веру в себя окончательно.

Но мне повезло.

Оказывается, на прием к руководителю актерского отдела студии нужно записаться. Я записана не была, но секретарь, окинув меня внимательным взглядом с ног до головы, мило улыбнулась и попросила подождать. Потом по селектору связалась с Беном Лайоном, позже ставшим моим приятелем, и сообщила, что некая красивая девушка хочет его видеть. Видно, Лайон разрешил войти, что мне и было предложено сделать.

Вот теперь ноги затряслись основательно, хорошо, что Бен предложил сесть, иначе я просто позорно грохнулась бы на пол. Но руководитель актерского отдела так часто видит перед собой перепуганных девушек, желающих стать актрисами, что привык ко всему, он оглядел меня, как и секретарь, и улыбнулся:

– Чего же Вы, собственно, хотите?

Как я умудрилась выдавить из себя ответ, не заикаясь, не помню.

– Хочу попасть в кино.

– Вы уже в кино. Расскажите о себе.

Пришлось врать, не могла же я сказать, что отца не знаю, вернее, он отказался от меня совсем, а мама в психушке. Сказала, что сирота, жила у родственницы, была недолго замужем. Образование? Только школа… О том, что окончить ее не удалось, тоже пришлось промолчать. Но Лайона это интересовало мало.

– Где Вы живете?

– В Студио-клаб…

Он удовлетворенно кивнул, словно Студио-клаб был хорошим местом для проживания. Но это лучше, чем на улице, да и присмотр за девушками в этом общежитии был неплохой. Это была неправда, потому что я жила у тети Энн, но мне совсем не хотелось рассказывать о тех, кто меня брал на время к себе, почему-то казалось, что как только на студии узнают, что я подкидыш и никому не нужна, сразу изменят отношение с благосклонного на негативное. Однако Лайону было все равно, где именно я живу, не под забором, и ладно.

Потом Лайон провел меня к гримерам и костюмерам, попросил переодеть, загримировать и причесать, а потом посадили на стул, и некоторое время мы беседовали, а камера снимала нашу беседу. Я поняла, что съемка идет без звука, это хорошо, потому что от волнения все равно начала заикаться.

Вывод был в мою пользу: работать нужно много, но есть над чем. Я подошла студии, и Лайон предложил опционный контракт с перспективой на семь лет. Понимаете, переступить порог студии на негнущихся ногах с дрожащими коленками и сразу получить контракт на 75 долларов в неделю – это ошеломило!

Предстояло выбрать имя. Лайону категорически не нравилась Норма Джин. Вот тут наступил момент, когда мне пришлось впервые отказаться от самой себя. Пока Бен перелистывал толстенные актерские справочники в поисках подходящего имени, я тосковала, словно в ту минуту действительно прощалась со своим прошлым, своим неприкаянным детством, своим неудачным замужеством – со всем, что составляло жизнь до сих пор. Почему-то казалось, что как только имя будет найдено, возврат назад станет невозможен.

Кажется, Лайон сказал, что я должна стать Мэрилин, потому что такое имя было у звезды мюзиклов.

– А можно мне остаться Джин? Джин Монро?

– Вы ведь Норма Джин Бейкер? Почему Монро?

Я объяснила, что это фамилия моей бабушки, которая была настоящей красавицей. Уточнять, что бабушка едва не придушила меня подушкой и в конце концов сошла с ума, не стала, ни к

чему.

– Нет, Джин слишком просто. Джин Монро… Нет, это просто. Давайте, Мэрилин Монро.

Он несколько раз повторил, потом написал имя на листе бумаги, покрутил и удовлетворенно кивнул:

– Вы будете Мэрилин Монро. Звезда экрана Мэрилин Монро. Или я ничего не понимаю в этой жизни.

Так я попала в «конюшню» «Фокса» и стала одной из старлеток.

Это не означало ничего, кроме возможности крутиться среди сильных мира кино, бывать на разных приемах, но главное – учиться.

Старлетки имели право не просто болтаться под ногами на студии, но и посещать занятия по пантомиме, движению, танцам, постановке голоса… Кроме того, можно было репетировать в пустых помещениях при условии, что не будешь мешать, смотреть, как играют или пробуются на роли другие. Это очень полезно, если хочешь чему-то научиться. Я очень хотела, потому пропадала на студии с утра до вечера, впитывая в себя что-то новое, как губка воду.

Пусть меня считают несерьезной блондинкой, но я всегда очень серьезно относилась и отношусь сейчас к работе, считала, что, чтобы чего-то добиться, нужно много учиться. У меня слабый голос, поэтому требовались многие занятия, чтобы он зазвучал сильнее. О заикании и говорить не стоит, любое волнение вызывало ступор в горле, и я подолгу не могла выбраться из первой буквы своего нового имени:

– Ммм…

Заикающаяся актриса не имела никаких шансов на роли со словами, потому над голосом приходилось работать особенно. На съемках, неважно фотосессия это или кино, никому нет дела, что у тебя сводит живот или болит горло, что ты с утра ничего не ела или не выспалась. Фотографу нужна довольная жизнью, красивая девушка безо всяких проблем, потому что такая нужна зрителю и читателю, проблем у всех хватает своих.

Этому меня научили еще в бытность в модельном агентстве, а потому и на студии я никому не показывала, что голодна, что мне плохо или у меня что-то болит. А такое бывало часто. Чтобы иметь деньги на косметику или на дополнительные уроки, например по вокалу, приходилось отказывать себе в обеде, а ужинать на каком-то приеме.

Я так старательно занималась, пытаясь схватить все, что только можно, все запомнить и усвоить, чтобы потом применять на площадке, что надо мной иногда даже посмеивались. Но

большей частью все мои новые знания совершенно не требовались, потому что нас чаще использовали в качестве красивых кукол на праздниках, когда мы приветственно размахивали руками, стоя на разных платформах в качестве живых декораций.

Тогда мне казалось, что судьба состоялась, ведь я в Голливуде, имею контракт на целых полгода! О… я им за полгода такое покажу… такое покажу… Все просто сойдут с ума от возможностей новой актрисы Мэрилин Монро, бывшей Нормы Джин! Меня завалят предложениями ролей, я не буду успевать учить тексты сценариев, придется бегать с одной съемочной площадки на другую, чтобы сниматься везде.

Мне и в голову не приходило, что может быть иначе, ведь была же я нарасхват у фотографов, иногда действительно приходилось бегать почти бегом, чтобы успевать сняться у всех желающих. Я фотогенична и не боюсь объектива, я научена красиво ходить перед камерой, принимать грациозные позы, оставалось только научиться играть, и все в порядке.

Боже, какая наивность и самоуверенность! Таких, как я, десятки, даже более красивых и умевших двигаться, не менее уверенных в том, что именно их завалят предложениями ролей. И стоять перед кинокамерой оказалось вовсе не то, что перед фотокамерой. С фотографом у нас тут же устанавливались приятельские отношения, а я даже в свете прожектора была одна. А здесь камера наезжала на целый десяток девушек, и среди них нужно выделиться.

Огромное впечатление произвела одна реплика, она была брошена раздраженным режиссером не мне, а девушке, стоявшей впереди:

– Ну что за пустые глаза! Вы способны о чем-то думать, когда находитесь перед камерой, или в Вашей голове одна вата?! Мысль, где, черт возьми, мысль в глазах?!

Я моментально растеряла всю свою уверенность, осознав, насколько тоже пустая, толстая и неуклюжая, никакая. Как хорошо, что позорные кадры полетели в корзину и не попали на глаза продюсерам! Ничего, все впереди, в следующий раз я сделаю куда лучше, обязательно научусь чувствовать свое тело, научусь им управлять, а главное – поумнею, в моих глазах появится та самая мысль, которую требовал режиссер.

Если честно, я была даже рада, что не получила ролей в первые полгода, потому что усиленно занималась. Вся зарплата уходила не на обновки или развлечения, а на уроки танцев и вокала, на книги. Я же прекрасно понимала, что, бросив школу, в которой к тому же училась не слишком хорошо, осталась

совершенно необразованной. Не знала многого, что знали даже девушки из самых простых семей.

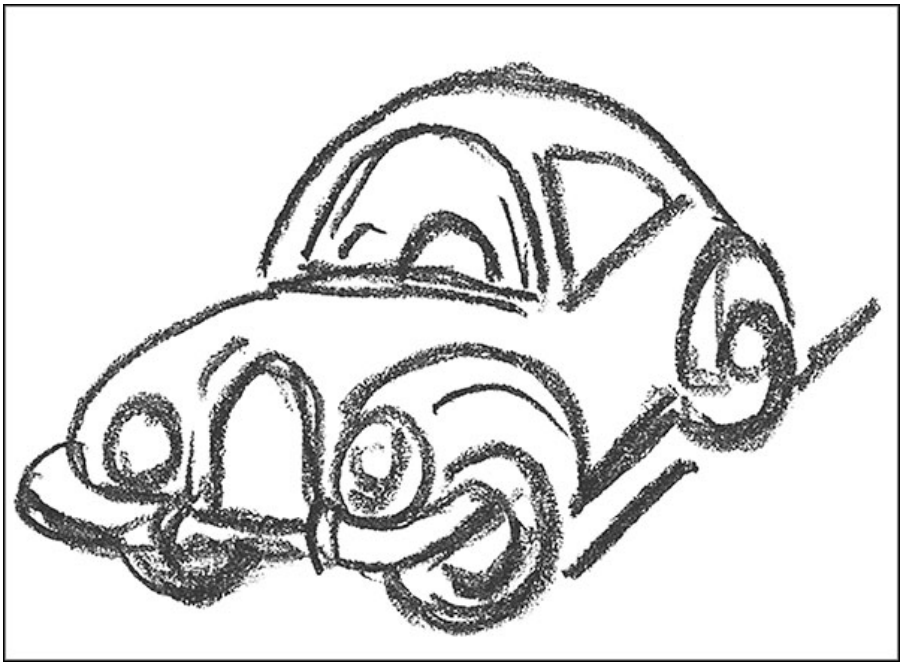
Мне катастрофически не хватало образования, потому каждую свободную минуту приходилось тратить на чтение. Если бы тогда рядом оказался умный человек и направил мои усилия в нужное русло, я, пожалуй, сильно повысила бы свой образовательный уровень. Но кто мог подсказать? Тетя Энн сама не слишком грамотна, Грейс и вовсе быстро спивалась, все мои знакомые едва ли имели даже простое школьное образование, не говоря уже о чем-то большем.

Знаете, какой я нашла выход? Принялась читать справочники. Сначала это был общий справочник вроде энциклопедии, потом я сообразила взять в библиотеке справочник о кино – толстенный, страшно заумный, не помню название… Он наводил скуку, с которой я отважно боролась. Как и с постоянным желанием есть. Голод был обязательным спутником, на 75 долларов в неделю можно либо питаться, либо учиться, но тогда я спокойно выбирала второе, убеждая себя, что голод полезен для тонкой талии и нет ничего лучше плоского животика.

Ничего, вот пройдут полгода, повысят зарплату до 100 долларов в неделю, тогда я смогу выделять целых двадцать пять долларов на еду. Это казалось просто-таки роскошью – обедать каждый день! А ведь нужно еще одеваться и как-то поддерживать тетю Энн и маму в клинике.

Я уже не надеялась «показать всем» за первые полгода, хотелось только научиться как можно большему и закрепиться на студии.

Через пару месяцев у меня была даже крохотная подержанная машина, вернее, машинка, но своя! Нет, не своя, а взятая в кредит, который еще предстояло выплатить. За рулем этой букашки я казалась себе такой важной и успешной! О том, что не сумею выплатить кредит, и мыслей не было, ведь меня зачислили в штат, а через полгода повысят зарплату. Будущее казалось радужным, а впереди только успех, пусть не сразу (я уже поняла, что просто так ничего не дается), но я готова работать день и ночь, буду стараться, и все будет прекрасно.



Вот это моя машинка, немного не такая, конечно, но столь же маленькая. Без машины в Голливуде никуда, это всем известно.

Первое время я восторженно расписывала тете Энн свои перспективы и то, что происходило на студии. Подумать только – я работаю в Голливуде актрисой! Моя мечта почти сбылась, осталось только стать звездой.

Постепенно восторженный тон сменился на спокойный и даже критический. Нет, я не критиковала Голливуд, какой в этом смысл, он такой, какой есть. Я критиковала себя за неумение двигаться, запоминать текст, правильно произносить фразы, неумение выделиться из толпы таких же искательниц приключений и славы.

Но о том, что увидела изнанку Голливуда, не рассказывала.

В Голливуде девушку ценят не столько за то, что она собой представляет, сколько за то, как выглядит. Умеешь ты играть или нет, выяснится потом, сначала надо на площадку попасть, а роли дают за внешность. И за уступчивость…

Я выглядела беззащитным ребенком, но была достаточно умна, чтобы понять, что придется быть уступчивой, иначе дальше старлетки не продвинуться. Это практически обязательно и никого не шокировало. Напротив, большинство девушек сами искали такие контакты, потому что иначе обратить на себя внимание трудно.

Частенько возможность появлялась на разных приемах. Я любила приемы по нескольким причинам. Во-первых, там можно познакомиться или хотя бы попасть на глаза важным персонам

(так я позже познакомилась с Джозефом Шенком), во-вторых, понаблюдать за поведением знаменитостей и либо взять с них пример, либо учесть ошибки и, в-третьих, попросту покушать. Подозреваю, что очень многие молодые актеры и актрисы ходили ради этого.

На приемы нужно что-то надевать, обычно я брала вечерние платья напрокат у костюмеров, это тоже стоило денег, на которые можно было поужинать, но игра стоила трат, ведь можно ненароком попасть в колонку светских сплетен, оказаться на снимке рядом со знаменитостью или даже быть замешанной в небольшом скандале, что играло на пользу популярности.

Я научилась приходить на приемы не сразу, а часа через два после начала, когда большинство гостей уже полупьяны, критических взглядов куда меньше, гости разделились на группы и легче обратить хотя бы чье-то внимание на себя.

Мне никакие приемы не помогли, видно, была слишком простенькой и молчаливой, знаменитости не обращали на меня внимания, и скандалов со мной тоже никто не затевал. Главное убеждение, которое я вынесла из этих мероприятий, – улыбки фальшивы, за приветствиями часто кроется самая настоящая зависть, а многие звезды никого не замечают, кроме самих себя.

Это тоже часть работы старлетки, в штат зачисляли, но пробиваться дальше нужно самой.

Все свободное от такой «работы» время я учила роли, забирая сценарии даже на дом и с сожалением убеждаясь, что память у меня плоховата. Хотя на съемках не нужна замечательная память, потому что за день даже преуспевающему актеру приходилось произносить всего с десяток фраз, а остальное время тратилось на бесконечное ожидание, пока поставят свет, оформят площадку, придет кто-то из опаздывающих актеров, режиссер и оператор решат, как лучше снимать сцену – общим планом или крупным, когда свое дело сделают гримеры, костюмеры и так далее. Казалось, за это время можно выучить не только десяток фраз, но и целую книгу даже тому, кто плохо запоминает текст. Я еще не подозревала, что со временем из-за большого количества употребляемого снотворного это превратится для меня в настоящую проблему.

Тогда я бессонницей не страдала, напротив, спала в любую свободную минуту, вовсе не мучаясь от яркого света или шума.

Мучилась я только от отсутствия ролей, первые полгода их не было вовсе, ни со словами, ни без. Кто-то невидимый наверху откладывал мою фотографию в стопку ненужных, когда проходило утверждение на роли в новом фильме. Позже я узнала, кто это был – всемогущий Даррил Занук.

Довольно долго в Голливуде многое определялось враждой двух руководителей студии «XX век – Фокс»: президента Спироса Скураса и Даррила Занука. Третий – Джозеф Шенк – был посередине, сдерживающей силой. Возможно, без Шенка эти двое перегрызли бы друг другу горло или пустили по пуле в лоб, а может, и нет, иногда мне кажется, что существовать без этой вражды они тоже не смогли бы.

«Фокс» – студия очень влиятельная, от ее успеха или неуспеха много зависело на кинорынке, ее мечтали свалить, а потому внимательно следили за всеми перипетиями и противостояниями внутри студии, тем более между руководителями.

И Даррил Занук и Спирос Скурас работали почти круглые сутки, отвлекаясь только на короткий сон, еду и девочек, но у каждого был свой подход.

Занук отвечал за производство фильмов, а Скурас за их прокат, и оба терпеть не могли вмешательства в свои дела. Официально президентом студии был Скурас, которого называли «старым греком». Это действительно бог сбыта: если Скурас сказал, что фильм будет иметь успех, значит, будет. Кажется, Скурас смог бы при желании продать прокатчикам чистую пленку, выдав за шедевр.

Сначала я столкнулась, конечно, с Даррилом Зануком. У Занука вовсе не бульдожье лицо, напротив, он красив, высоколоб, сразу чувствуется недюжинный ум и стальная воля. Весь вид Даррила Занука излучал уверенность в том, что он Хозяин. Хозяин всего: студии, производства, всей жизни, которая вокруг, как Занук решил, так и будет, причем повлиять на его решение, заставить изменить мнение невозможно. Те, кому он однажды показал на дверь, могут к студии больше не приближаться. Но и те, кому он эту дверь открыл, тоже не могут быть уверены ни в чем.

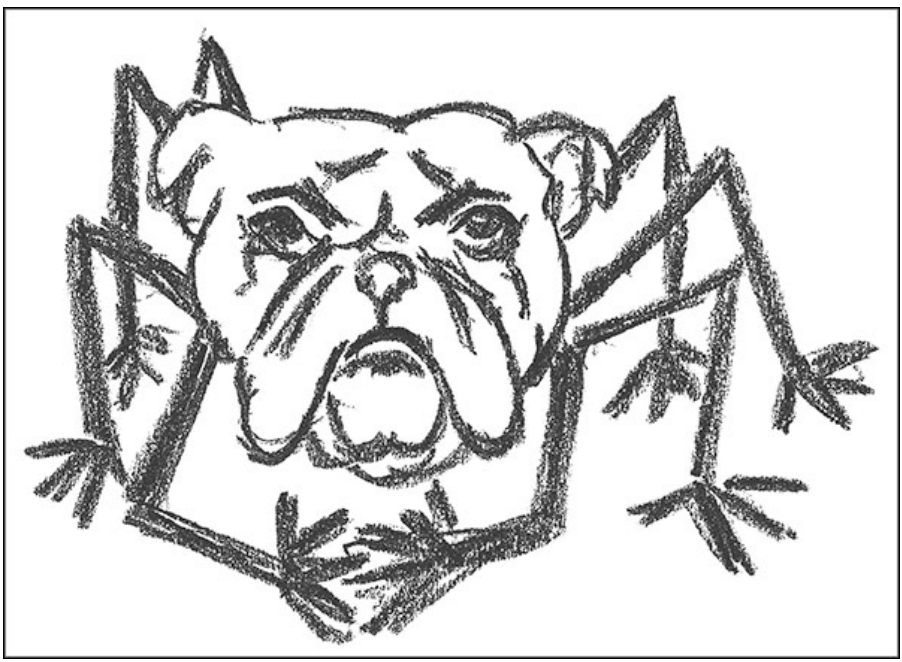
Нет, Занук не самодур и не капризен, но завоевать его благосклонность тяжело, а потерять очень легко. Работая по шестнадцать часов в сутки, практически живя в студии и ее делами, Даррил Занук и свои потребности удовлетворял там же, благо хорошеньких старлеток на студии хватало, и никто не смел отказать всесильному Зануку. Те, кто смел, больше в «Фоксе» не работали.

У Даррила Занука все было расписано по минутам, секс в том числе, он занимался плотскими потребностями строго с 16.00 до 16.30. Вызванная на это время старлетка прекрасно понимала, что нужно принять ванну и не надевать нижнее белье.

Ужасно? Ничуть, ведь все знали, что актрисам приходится спать с продюсерами и режиссерами, а уж с руководителем

студии и подавно, но если другие это как-то скрывали (например, Шенк, у которого я часто дневала и ночевала в его роскошном доме с бассейном, и не я одна), то Занук все делал открыто. Зато о нем не ходили никакие сплетни и пересуды. Побывала девушка в кабинете в определенное время, отметили ее как вызывавшую интерес Занука и перестали болтать. Позовут в следующий раз – хорошо, но чаще если и звали, то очень не скоро, хватало других.

Никому не приходило в голову противиться, это воспринимали как должное. Думаю, спокойнее было и жене тоже, потому что два раза в неделю новая старлетка – это не любовницы, которых голливудские жены боялись, как лесного пожара. Опасно подцепить болезнь, но думаю, он не вставал с кресла, девушки просто становились перед всемогущим боссом на колени, недаром говорили (и говорят), что роли получают в позе на коленях.



Вот именно так мне представлялся Даррил Занук: в виде паука с бульдожьей хваткой. Он держал в своих руках в студии все производство и судьбы актеров тоже

Те, кого не вызывали к Зануку хотя бы раз, считались едва ли не пропащими, у них не было будущего на «XX век – Фокс».

А как же я?

О… это очень интересная история, едва не стоившая мне карьеры вообще.

Первые полгода меня никто не трогал, и Занук тоже, видно,

выглядела уж слишком по-детски или простовато. Я училась, шлифовала свою внешность и свои умения. Ждала ли я вызова к Зануку? Если честно, ждала, но не получала. Не знаю, почему не заинтересовала его совсем, но контракт со мной продлили, это означало, что Даррил Занук меня на студии терпит.

Хотите, честно расскажу, почему меня вышвырнули со студии даже после двух вполне сносных ролей и долго не брали обратно. Приличную роль на «Фоксе» я получила только благодаря вражде Занука со Скурасом через несколько лет, помыкавшись перед этим и без работы, и на «Коламбии»!

На одном из приемов, оказавшись рядом с Зануком, я сделала все, чтобы он обратил на меня внимание. Возможно, все закончилось бы благополучно, но прежде чем это произошло, услышала, как Даррил презрительно отзывается о нынешних молодых актрисах, только и способных… в общем, работать стоя на коленях перед боссом, сидящим в кресле. Мол, за это ждут ролей, а потом проваливают фильм за фильмом.

И столько было в его голосе брезгливости, что я даже содрогнулась. Я знаю, что актрис, которых он любил, Занук мог хлопнуть по заду в знак симпатии и потом спокойно продолжить разговор. Это не казалось чем-то страшным, как и услуги, оказываемые старлетками, но презирать…

Через несколько минут один из знакомых буквально подтащил меня к Зануку и полушутя посоветовал:

– Ну, дайте Вы ей роль, мучается же без дела!

Роли уже были, потому что подходил к концу год работы, значит, Занук меня помнил (он помнил всех, кто работал на студии).

Наши глаза встретились. У Даррила Занука взгляд стальной даже после нескольких коктейлей и при разглядывании симпатичной девушки.

– Зайдите ко мне завтра в 16.00.

Это был тот самый шанс…

Знаете, я человек уступчивый и отказывала редко. Обычно всем нужно мое тело, но это оболочка, поэтому я дарила ее свободно, секс не задевал душу и не казался чем-то позорным. Никогда и ни с кем не спала за деньги, но Ли Страсберг, сказавший, что внутри я шлюха, наверное, был прав. Однако шлюхи тоже бывают разные – продажные и… вот такие, как я.

В ответ я спокойно… покачала головой. У Занука лишь слегка приподнялась бровь:

– Вольному воля.

Я прекрасно понимала, что контракт не продлят, но в глубине души теплилась надежда, что Занук, наоборот, оценит

мою неуступчивость. Очень хотелось верить, что он заметит мое желание стать настоящей актрисой, готовность много работать, стремление стать лучше…

Но, наверное, таких устремленных, как я, Занук видел немало… Не оценил, а вот отказ запомнил.

Я никому не рассказала об этом отказе, потому что никто не понял бы. Девушка, готовая спать с другими, отказала тому, в чьих руках ее судьба? Дура, да и только! От меня не убыло бы, но что-то заставило помотать головой, внутри сидела уверенность, что если соглашусь, то потеряю что-то очень ценное.

Такое я делала трижды, и все три раза это дорого обошлось. Потом были еще Гарри Кон и Кроуфорд, которая вылила на меня в прессе столько грязи, сколько не смог никто другой.

Но пока контракт еще действовал, и я даже появилась в двух фильмах – «Скуда ху! Скуда хей!» и «Опасный возраст». Первым сняли «Скуда…», где я играла ученицу средней школы. Всего несколько минут, несколько реплик, но когда я попыталась в готовом фильме найти и услышать себя, то была потрясена: почти все сцены оказались вырезаны, а из реплик осталась одна: «Привет, Рэд!» Когда актер отвечал: «Привет, Пеги!» – меня на экране уже не было. Шикарно, не правда ли?

В «Опасном возрасте» немного больше, даже одна смешная фраза, но фильм прошел незамеченным и ни славы, ни новых предложений не принес.

Отдушиной стали мои занятия в «Лаборатории актеров». С начала 1947 года я по направлению «Фокса» начала посещать эту студию. В «Лаборатории» актеры, режиссеры и драматурги с Бродвея показывали свои работы как бы в черновом варианте, которые потом, будучи основательно переработанными, ставились на Бродвее, а еще вели неофициальные курсы повышения актерского мастерства. Не скажу, чтобы эти занятия были строго спланированы или продуманы, даже просто систематичны, но они очень много давали молодым актерам, желавшим научиться.

Мы под руководством и при участии опытных театральных актеров читали пьесы, анализировали их, пытались что-то играть. Я впервые в своей жизни увидела настоящую актерскую игру и поняла, как можно выразить чувства словом, взглядом, движением. В кино совсем иное, там все дробится на отдельные реплики, минутные съемки, которые снимаются вовсе не в той последовательности, которая должна быть по сценарию, а так, как удобнее режиссеру, реквизиторам, как позволяют условия. На съемочной площадке невозможно создать цельный образ, он

неминуемо раздробится на мелкие осколки, и хорошо, если его удастся собрать, как красивую мозаику…

Здесь я видела иное: во время сценического действия образ рождался не за месяц съемки, а за час-полтора, он казался живым, казалось, игру актеров можно потрогать. Это было потрясением, потому что я никогда раньше не видела театральных постановок и поняла, что такое искусство несоизмеримо серьезнее и сложнее, что ему нужно долго учиться, а любую роль не просто схватывать на лету и наспех играть, потому что свет поставлен и камера ждет, а репетировать. А еще, что в спектакле ничего нельзя сиюминутно исправить, как сыграно, так сыграно, в следующий раз можно сыграть лучше или иначе, но каждый раз как единственный.

Это понимание меня потрясло. Возможно, я не сознавала тогда, но невольно встала перед выбором, который мучает меня до сих пор: долго и упорно учиться, чтобы играть серьезные роли в серьезных спектаклях, или добиться быстрого успеха яркими, но менее глубокими выступлениями.

Понимаете, Док, у меня уже было имя Мэрилин Монро, под которым я числилась на студии, но представлялась как Норма Джин и все еще была ею. Мне очень хотелось учиться, я училась, читала, слушала, репетировала сама.

Очень стыдилась своей необразованности, если бы кто-то умный и опытный посоветовал, как заняться самообразованием, какие книги читать, я быстро бы освоила многое, но никого интеллектуальный уровень Нормы Джин не интересовал. В «Лаборатории» мне пеняли на неразвитость, но и только. До сих пор я интуитивно читаю все, что вызовет интерес, даже Артур Миллер не стал заниматься моим образованием, хотя должен бы вместо того, чтобы пенять на интеллектуальную неразвитость супруги. Теперь уже бывшей супруги.

В библиотеке Голливуда не было в то время более жадной читательницы, хотя и там никто не посоветовал лучшие образцы литературы, не поинтересовался тем, как именно я читаю. Меня часто упрекали в поверхностном чтении, в том, что «проглатываю» книгу, мало что из нее вынося, но это из-за желания прочесть как можно больше, скорее догнать тех, кто начитан и образован.

Наверное, если бы не «Лаборатория», я позже не стала бы заниматься ни у Наташи Лайтесс, ни у Михаила Чехова, ни у Ли Страсберга, с меня вполне хватило бы уроков танца и вокала. «Лаборатория» зародила во мне желание научиться играть всерьез, что Голливуду тех времен не очень-то нужно, во всяком

случае, от старлетки не требовалось вовсе. Меня не видели актрисой, а потому продлевать контракт еще на полгода отказались.

Лайон смущенно бормотал, что студия в тяжелых финансовых тисках, что приходится сокращать многих, не только меня, это было правдой, но жизни мне не облегчало.

«Мистер Занук считает, что Вы совершенно нефотогеничны и вряд ли когда-либо станете настоящей актрисой».

Если бы от чьей-то ненависти умирали, то Занук должен свалиться в ту же минуту! Не было в мире человека, которого я ненавидела больше, чем Даррила Занука. Он считал меня нефотогеничной! Меня, которую без конца фотографировали для обложек самых лучших журналов настоящие профессионалы! Мне практически не дали возможности показать себя и уже увольняют. Это нечестно, несправедливо.

Меня не видели в игре, увольняли только за нефотогеничную внешность. Это тоже была катастрофа, потому что я надеялась научиться играть, петь, танцевать, однако стать выше или фотогеничнее просто не могла. Получалось, что я зря считала себя привлекательной?

Несколько дней я просто прорыдала, уткнувшись в подушку. Успокоить некому, тетя Энн болела и вынуждена была лечь в больницу, причем все понимали, что это серьезно и надолго. Я оставалась одна, потому что общаться с постоянно пьяной Грейс не хотелось совсем. И вот теперь меня отвергла студия, вышвырнул вон Голливуд.

Понимаете, это страшно не только потому, что я оказалась старлеткой-неудачницей, таких тысячи, а потому, что отвергала очередная приемная семья, в которой я пыталась удержаться. Я столько раз в своей жизни оказывалась выброшенной вон, что казалось, этот уже не переживу. Тем более надежды не оставалось никакой.

Из зеркала на меня смотрела вовсе не красотка с журнальной обложки, а простенькая, глупенькая, ни на что не годная пустышка. Я снова не соответствовала требованиям и снова оказалась никому не нужна. Умения принимать выигрышные позы перед фотоаппаратом оказалось мало, а большего просто не было.

Однако реви не реви, жизнь продолжалась, в ней надо было как-то устраиваться.

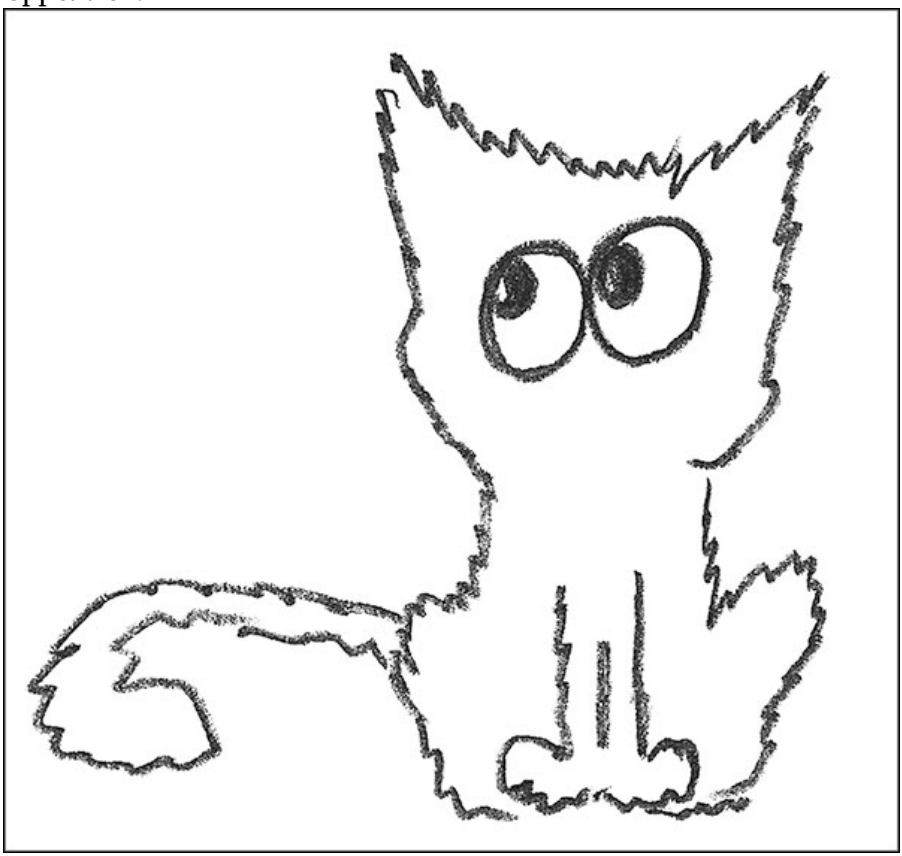
Денег оставалось совсем немного, возвращаться снова к позированию для обложек журналов не хотелось, заниматься чем-то еще, кроме кино, тем более. Но это факт – ровно через год после появления на студии, сыграв всего две незаметные роли и

не будучи даже упомянута в титрах (нет, кажется, была, но это почти насмешка), я оказалась на улице безо всяких средств к существованию и надежды вернуться обратно. Просто какой-то там новый закон запрещал студиям навязывать вместе с хорошими фильмами, которые прокатчики брали с удовольствием, второсортные дешевые картины. Это перекрывало путь к зрителю таким фильмам, как «Скуда ху! Скуда хей!», а значит, делало ненужным толпу старлеток. Большинство тех, кто играл слишком мало или не играл вообще, как и меня, уволили.

Цена карьеры

Сейчас поймете, что я нарисовала. Вот так – несчастным приблудным котенком – воспринимала меня Люсиль Кэрролл.

Не представляю, что бы делала, не встреться мне чета Кэрроллов.



Я знаю, многие обвиняли меня в том, что бессовестно использовала добродушие Кэрроллов на пользу себе. Возможно, так и было, но почему бы не воспользоваться, если у людей есть возможность помочь. Когда у меня есть возможность, я тоже помогаю и даю деньги, я нежадная.

А не принять тогда любую помощь я просто не могла, потому что, оставшись без работы, я осталась и без самой возможности жить. Принимая девушек на студию, никто не предупреждает их, что в случае непродления контракта они могут вообще забыть о работе на киностудии. Все очень просто: если контракт на следующие полгода не подписан, то идти на другую студию почти бесполезно, значит, либо девушка совершенно ни на что не годна, либо слишком строптива, что никому не нравится. Объяснять, что

у студии проблемы с финансами, бесполезно, проблемы у всех одинаковы, и никто не станет давать еще один шанс той, которая не воспользовалась таковым у других. Если шанс и дают, то крайне редко и только по чьей-то протекции, пришедшим с улицы никогда.

С Кэрроллами я познакомилась незадолго до окончания контракта с «Фоксом», когда была отправлена в гольф-клуб носить здоровенную сумку с клюшками за игроками. Такое не редкость, свою крошечную заработную плату от студии мы отрабатывали сполна не на съемочной площадке, а больше вне ее. И «носильщицами» тоже бывали частенько.

Меня прикрепили к Джону Кэрроллу, красивому киноактеру, женатому на Люсиль Раймен, которая руководила подбором актеров на студии «Метро-Голдвин-Майер». Блестящий шанс попасть на глаза нужному человеку. Разве можно меня судить за то, что использовала его сполна?

После игры, во время которой я стоически таскала клюшки за Джоном, все собрались на небольшую вечеринку. Но я не хотела пить, я хотела есть. Однако ни наесться, ни даже просто попасть домой не могла – не на чем, я просрочила ежемесячную оплату машины, ее отобрали, и оставалось только возвращаться из клуба пешком. Те, кто бывал в Лос-Анджелесе, прекрасно понимают, что это просто невозможно.

На меня обратили внимание немало мужчин, присутствующих на вечеринке, но я интересовалась только Кэрроллами, почувствовав во взглядах Люсиль готовность помочь. Пришлось честно признаться ей, что у меня нет денег, чтобы добраться до дома, а в животе пусто со вчерашнего дня. В результате Джон отвез меня поужинать, а потом доставил к дому. Но этим все тогда и закончилось.

Позже Люсиль говорила, что я казалась ей маленьким, потерянным котенком, промокшим и несчастным. Она пожалела это создание…

Когда вспоминаю Люсиль Раймен-Кэрролл, мне всегда представляется котенок, хотя себе казалась щенком, тоже маленьким и несчастным. Хотелось прижаться к кому-то и попросить:

– Возьмите меня в дом, я не буду оставлять следов грязными лапами и грызть мебель…

Но Лос-Анджелес не то место, где дают приют несчастным щенкам, к тому же имеющим неплохую фигуру. Есть ли на земле такое место? Тогда казалось, что нет.

Я была в отчаянии, потому что единственная надежда на Кэрроллов рухнула, чтобы хоть как-то прожить, оставалось

попросту идти на бульвар. Научившись обходиться даже без машины, я все же не могла обходиться совсем без еды. Сейчас скажу то, за что Вы, возможно, перестанете меня уважать, но это было, и отказываться от своего поведения я не собираюсь. Последние доллары, скопленные за время работы на студии, я тратила на оплату ничтожного жилья, потому что тетя Энн легла в больницу, и надолго, а в ее квартиру въехали другие жильцы, которым я была вовсе не нужна. На еду мне приходилось зарабатывать своим телом. Да, да, я делала это за еду.

Противно? Но я никогда не занималась сексом за деньги, только за кормежку, чтобы попросту не подохнуть с голода. Когда я однажды рассказала об этом Ли Страсбергу, он поморщился, мол, такой факт наложил отпечаток на все мое поведение. Наверное, но я все равно его не отрицаю.

А вот Трумэн Капоте меня понял, он сказал, что лучше уж так, чем отдаваться за деньги.

Кэрроллы пришли мне на помощь тогда, когда я уже ни на что не надеялась. Всюду были долги, за крошечную комнату не оплачено, и никакого света в конце тоннеля. Они пригласили меня на ужин. Когда бывала возможность, я старалась наедаться впрок. Основательно накормив и расспросив, Джон и Люсиль сделали мне роскошный подарок – предложили пожить в гостевой комнате их огромной квартиры в Эль-Паласио. Такое могло только присниться! Кроме того, они дали мне денег на выкуп машины и на разные расходы, чтобы я не чувствовала себя нищенкой и не вздумала идти на бульвар.

Мы заключили договор о том, что они выплачивают мне еженедельно по сто долларов, я живу в их доме и ищу работу, а когда найду, то постепенно верну деньги и найду себе жилье.

Я не понимала только одного: почему Люсиль не хочет просто пригласить меня на «МГМ» и дать работу там. Но она сказала, что я не подхожу студии, нужно попробовать в другом месте, а пока лучше поучиться.

Но я не подходила Кэрроллам так же, как не подходила Годдардам, мне показалось, что Джон неравнодушен ко мне, как и Годдард, больше того, готов сделать решительный шаг. Конечно, я была моложе и заметно красивее Люсиль, хотя до ее интеллекта мне далеко, она образованная и начитанная, но мужчинам далеко не всегда нужен у женщины ум, достаточно тела.

Вообще, вращаясь среди знакомых Кэрроллов, я с удивлением наблюдала, как красивые, умные, богатые мужчины, которым не отказала бы ни одна женщина, обожают своих немолодых и

некрасивых жен, а красавицы с потрясающими фигурами влюблены в невзрачных мужей. Почему так? Люсиль на мои вопросы отвечала, что это любовь. Любовь… тогда я вообще не понимала, что это такое. Спать вместе? Но рано или поздно все равно надоест.

Я видела экранную любовь, когда страсти преувеличены, но теперь прекрасно знала, что это выдумка, а ни в какую другую не верила. Поэтому мне и в голову не приходило, что Джон не способен соблазниться мною, будучи женатым на Люсиль. Тетя Энн, узнав, что я тогда сделала, пришла в ужас:

– Они просто вышвырнут тебя из своего дома!

Но Кэрроллы не вышвырнули, хотя я открыто поинтересовалась у Люсиль, даст ли она развод Джону, чтобы тот женился на мне. Люсиль оказалась на высоте (не представляю, что сделала бы я сама на ее месте!), она спокойно ответила, что, если Джону нужен развод, пусть скажет об этом сам. Тогда я спросила у Джона, тот пожал плечами и ответил, что просто оказывает мне посильную поддержку и финансовую помощь.

Но теперь было понятно, что что-то должно измениться, оставлять меня в доме дальше нельзя. Док, я не собиралась замуж за Джона, я хотела стать актрисой и, сыграв наивную и немного испорченную дурочку, просто вынудила Люсиль активно помочь мне получить работу, чтобы убраться из их жизни. Воспользовалась своим положением и жалостью к себе. Помогло!

Если бы не это, можно еще долго жить на птичьих правах у Кэрроллов, не имея никакой перспективы. Понимаете, Люсиль хотела, чтобы я серьезно училась актерскому мастерству, она поддерживала мои занятия в «Лаборатории…» и в любительском Театре Хейденов, откуда сама Люсиль временами приглашала актеров на съемки в свою студию.

Вообще-то я рассчитывала, что Люсиль пристроит меня к себе, ведь она занималась подбором актеров в «Метро…», но она категорически отказалась, мол, там не нужен тот типаж девушек, какой есть у меня. Из этого следовало, что мне либо нужно менять свой типаж, либо учиться актерскому мастерству, чтобы играть не глупых красоток, а серьезные роли.

Я очень хотела бы играть серьезные роли, играть так, как я видела в «Лаборатории», чтобы за душу брало, чтобы от волнения дух перехватывало, но, если признаться честно, у меня ничегошеньки не получалось, вернее, я даже не могла решиться выйти вперед и произнести несколько слов перед собравшимися. Оказалось, что смотреть на экран и думать, что сможешь выразить страсть, радость, боль… это одно, а действительно что-то сделать перед камерой или перед зрителями совсем другое. Но

я верила, что научусь, обязательно научусь.

А пока во мне словно жили два человека, одну тянуло выйти на свет прожекторов, стать звездой, вторую, наоборот, спрятаться подальше и только наблюдать. В театре побеждала вторая, я скромно сидела на заднем ряду, и выйти на сцену было очень трудно. К тому же обнаружилось, что у меня отвратительная память, нет, сам текст я запоминала довольно быстро, а вот вытащить нужную реплику из памяти в нужное время не могла никак. Это моя беда и сейчас, я помню роли, помню каждую реплику, не только свою, но и всех партнеров, но когда приходит время произносить, словно что-то эту память замыкает. Знаменитое неумение Мэрилин Монро выучить свои реплики…

Никто ничего поделать с моей памятью не может.

Мне было очень трудно выставить себя на всеобщее обозрение и оценку, когда требовалось сыграть что-то серьезное. Но происходило нечто удивительное, когда я пыталась сыграть пустые роли, особенно комедийные, или те, где требовалось петь и танцевать. Понимаете, Док, когда я изображала Мэрилин Монро, я забывала о зрителях, об оценке, о своих страхах, заикании и плохой памяти. Однажды Артур Миллер сказал, что единственная роль, которая мне удалась, – это роль Мэрилин Монро. Наверное, он прав, потому что, будучи Мэрилин Монро, я словно становилась самой собой, тогда и реплики не забывались, и дыхание не сбивалось, и тело слушалось. И страшно не было тоже.

Док, а может, правда, моя единственная и самая успешная роль – Мэрилин Монро? Но если бы ее не считали глупой Блондинкой! Я согласна играть мечту миллионов Мэрилин Монро, если бы люди поверили, что внутри этой Блондинки не пусто, что у нее есть мозги, если бы не относились ко мне как к красивому котенку. Есть роковые брюнетки, почему нет роковых блондинок? Я согласна стать роковой блондинкой, только не надо думать, что глупой.

Но я отвлеклась.

Люсиль и Джон почти не жили в своей квартире, предпочитая ранчо, поэтому я чувствовала себя там достаточно свободно, разгуливая нагишом, подолгу простаивая перед зеркалами, примеряя купленные платья и бюстгальтеры. Бюстгальтеры – моя страсть: чтобы не провиснуть, грудь всегда должна иметь поддержку, если у Вас есть жена или любовница, обязательно скажите ей об этом.

На занятиях в любительском театре я сидела позади и

молчала. В «Лаборатории» тоже. Слова «погружение», «проникновение в подтекст драмы» и прочее были для меня свидетельством заоблачных знаний и высот, но, как туда попасть, никто не подсказал. Оставалось пялиться в небо, раздражая наставников. Никто не мог понять, как я намерена чему-то научиться, если из меня слова клещами не вытащить.

Это было так, но не потому, что от волнения начинала заикаться, а потому, что я представляла их всех где-то вверху и большими-большими, а себя внизу и маленькой. Казалось, если что-то не получится, эти небожители, которые, выходя на сцену, спокойно и свободно произносят любые диалоги, голосом, жестами, телом выражая потаенные эмоции, поймут, что я приблудный щенок, и вышвырнут за дверь. Нет уж, лучше сидеть молча, чтобы как можно дольше не догадались.

Зато, одевая облегающее, даже обтягивающее платье и выходя на бульвар (нет, не за тем, чтобы заработать, а просто прогуляться!), я совершенно менялась. Под восхищенными взглядами мужчин забывалась робость и страх перед разоблачением, откуда-то сама по себе бралась грация, я чувствовала себя уверенной, красивой…

Наверное, руководители Театра миниатюр Лили Блис и Гари Хейден сказали Люсиль, что меня бесполезно учить, что я слишком робкая, а может, Кэрроллы догадались сами, но они наконец решили взяться за мое трудоустройство. Конечно, никто не собирался принимать меня в театр на постоянной основе, оставалось пристроить куда-то на студию, а лучше сначала показать кому-то всесильному.

Люсиль все еще не желала приводить меня на свою студию, но она посоветовала обратить внимание на Джозефа Шенка. Шенк был одним из трех руководителей все того же «Фокса», и все знали, что против Занука он никогда не пойдет, но у Джо возможностей куда больше, чем у Люсиль Раймен.

Кэрроллы познакомили меня с Де Чикко, а тот ввел в дом Джо Шенка.

Джозеф Шенк прилип ко мне с первого вечера. Он был один из трех всесильных в «ХХ век – Фокс», возвращаться куда мне не слишком хотелось. Но если выбирать между голодной жизнью с сексом в машинах за еду и студией «Фокс», я выбираю второе. Кэрроллы сумели от меня отвязаться, потому что опеку принял Шенк.

Джозеф Шенк заслуживает отдельного разговора не меньше Даррила Занука.

Кэрроллы очень не хотели, чтобы я рассказывала об их участии в знакомстве с Де Чикко, хотя я не видела в этом ничего

дурного, но согласилась и стала всем говорить, что сумела соблазнить Шенка одним-единственным взглядом, когда случайно встретила выезжающим со студии. Вообще-то я действительно соблазнила Джо единственным взглядом, но он был уже слишком стар, чтобы сразу кидаться на молоденькую старлетку, однако помог мне по-настоящему.

В то время Джо был председателем правления студии, однако с Зануком у Шенка существовала четкая договоренность: никогда, ни при каких обстоятельствах не пристраивать на студию своих подружек, поэтому все знали, что обращаться к Шенку за протекцией бесполезно. Вряд ли Люсиль рассчитывала, что Шенк заставит Занука принять меня обратно, но она знала связи Джо на других студиях и все рассчитала верно.

Джо Шенк на время стал моей тихой гаванью, в которой удобно спрятаться в случае бурь или неудач. Я всегда знала, что у Джо могу вдоволь поесть и даже пожить, правда, не слишком долго, Шенку вовсе не хотелось, чтобы кто-то считал меня его любовницей. Почему? Это налагало определенные обязательства, а связывать себя чем-либо никто в Голливуде не желает.

Знаете, я сразу почувствовала, что на Шенка нельзя давить, оставалось только ждать, когда он решит помочь сам. Джо всегда умел обхаживать женщин, даже если ему ничего не было нужно, он сразу понял, что я не возьму деньги, а дорогие подарки мне просто не нужны, и стал просто приглашать к себе.

Я вовсе не была одинока в богатом доме Шенка, таких девочек, подносивших собравшейся компании сигареты и выпивку и забиравших пустые стаканы, было несколько, нет, нас не звали к столу, мы были чем-то вроде обслуги. И когда Шенк вдруг стал выделять именно меня, со стороны других появилась зависть. Со временем я уже сидела за столом рядом с Джо, но в тесном кругу у бассейна все равно подавала напитки.

Но это все равно была возможность поесть, а заодно послушать разговоры о звездах кино, их причудах, капризах, талантах. И это лучше, чем зарабатывать ланч на заднем сиденье автомобиля. Однажды Шенк строго наказал мне в случае необходимости не лезть в машину к кому попало, а просто позвонить и сказать, что хочу есть. Я ответила, что предпочла бы зарабатывать на еду, снимаясь в кино.

У Джо Шенка я нередко встречала Даррила Занука, все же они были коллегами и даже приятелями, но ни разу не осмелилась попросить вернуть меня на студию. Возможно, он ждал, но не дождался, лучше подавать напитки гостям Шенка, чем выпрашивать что-то у мерзкого Занука! С Зануком мне пришлось еще много раз сталкиваться и испытывать его

ненависть, с трудом сдерживая свою собственную, Даррил никогда не упускал возможности унизить и поставить на место, но наступил момент, когда я смогла ответить ему тем же! Тогда до этого было еще очень долго….

Знаете, что я поняла сейчас – во мне всегда была Мэрилин, даже когда я ходила в школу в старых юбках и блузках, а мальчишки спорили за право нести мои книги и пакет с бутербродами. Просто тогда Мэрилин была нимфеткой, а потом повзрослела. Именно она заставила меня сладострастно выгибаться на фотографиях, особенно когда меня снимали обнаженной для календаря.

Уже тогда я была в душе курвой-блондинкой, потому что смущавшаяся Норма Джин ни за что не смогла бы напроситься в дом к Кэрроллам, нагло претендовать на место рядом с Джоном, разгуливать по бульвару, выпятив грудь ради привлечения внимания мужчин, а потом спокойно принимать участие в вечеринках у Шенка. Мэрилин Монро придумал не Бен Лайон, он только дал имя, Мэрилин существовала давным-давно, и Джим Догерти понимал это, когда сбегал от меня в море.

Свет мой зеркальце, скажи…

Я выглядела Нормой Джин – златокудрая смущающаяся девушка, которую нужно жалеть и опекать, этакий потерявшийся, промокший котенок. Карен Бликсен сказала, что я львенок, симпатичный детеныш, которого она, однако, не рискнула бы оставлять рядом навсегда, потому что львята вырастают в больших львов. Она права.

Получается, что в те времена я внешне была Нормой Джин, а внутри Мэрилин, и мне предстояло выбрать, кто должен одержать верх. Норме Джин очень нравились занятия в «Лаборатории актеров», нравились серьезные роли в серьезных пьесах, хотелось научиться играть профессионально, стать настоящей актрисой…

Но ничего не получалось.

Мэрилин откровенно тянуло в другую сторону. Я сознавала, что могу стать успешной быстро, достаточно использовать свою фигуру и не быть слишком строптивой. Курва-блондинка желала получить все и сразу, а еще доказать всем и самой себе, что не зря решилась попытать счастья в кино. И ей удавалось многое, причем удавалось легко, будь то чье-то сочувствие или звездная роль.

Понимаете, именно тогда, а не раньше или позже мне пришлось делать главный выбор в жизни. Останься я Нормой Джин, можно было бы найти второго Джима Догерти, еще раз выйти замуж, нарожать и растить детей, изредка посещая кинотеатр и в темноте зрительного зала вздыхая о несбывшейся мечте. Очень многие девушки, которых отвергли киностудии, так и поступали, они превращались в степенных женщин и осуждали девиц, которым удалось пробиться: «Знаем мы, какой ценой!»

Цена действительно была всем известна, недаром говорили, что роли у режиссеров и продюсеров выпрашиваются в позе на коленях и голышом. Для Нормы Джин это было неприемлемо, Мэрилин не смущало.

Выбор был не слишком трудным. Да, я очень хотела стать серьезной актрисой, но я просто хотела есть, и где-то надо жить. Пристанище в гостевой комнате у Кэрроллов было очень удобным, даже роскошным, но оно временное – это понимали все. Мэрилин победила, Норма Джин послушно выполняла все требования Джона Шенка и тех, к кому он меня отправил.

А ведь все, с кем я так или иначе общалась, с кем работала, от кого зависела, все чувствовали эту двойственность – Мэрилин и Норма, а я сама всегда ею пользовалась. Когда нужно, чтобы пожалели, вперед выступала Норма, а когда нужно взять свое – Мэрилин.

Вот до чего договорилась!

Но это так и есть, эта двойственность помогла мне стать звездой, а потом превратилась в кошмар. Знаете, что произошло потом? Мои наставники просто поменяли нас местами, вытащив наружу Мэрилин и упрятав Норму Джин внутрь. А я сама уже несколько лет пытаюсь ее вернуть.

Док, а может, лучше плюнуть и остаться Мэрилин во всем, все равно меня воспринимают именно такой и страшно разочаровываются, узнав, что это только образ, внешность. Никому не нужна сомневающаяся, страдающая Норма Джин, зато всем нравится Мэрилин, может, лучше пойти на поводу у всех?

Шенк не мог вернуть меня на «Фокс», это означало бы

скандал с Зануком и ни к чему хорошему не привело, отправил на студию «Коламбия» к Гарри Кону, с которым частенько проводил вечера за картами. Мне было сказано просто: сумеешь очаровать Гарри – сможешь получить от него контракт. Норма Джин засомневалась бы, Мэрилин согласно кивнула.

Я очаровала Гарри Кона, которого дружно ненавидели все актеры Голливуда, и получила полугодовой контракт и сто двадцать пять долларов в неделю.

Мэрилин делала куда большие успехи, чем Норма Джин, потому что в любительской актерской студии у супругов Хейденов, куда меня пристроили ради развития актерского таланта Кэрроллы, успехов не было никаких, роли на сцене не давались категорически, Норма Джин предпочитала тихо сидеть в сторонке.

Именно по требованию Кона я окончательно стала блондинкой. На сей раз сомнений не было вообще, я прекрасно понимала, что любой каприз или несогласие будут означать новую потерю работы безо всякой надежды получить ее еще раз. За меня взялись всерьез, укоротив волосы, выпрямив их и обесцветив, потом сделали нужные снимки и отправили учиться актерскому мастерству к Наташе Лайтесс, которая стала моей наставницей надолго и сыграла в судьбе немалую роль.

Я пришла в Голливуд за полтора года до этого, успела помаяться в качестве старлетки, поголодать, оказаться выброшенной за ворота, испытать весь ужас безнадежности, понять, что есть настоящее искусство и актерское мастерство, но оно мне просто не по карману, и сделать выбор в пользу успешной Блондинки, у которой по крайней мере будут деньги на один бутерброд в день.

Наверное, этот путь проходят очень многие, если не все актрисы Голливуда, редко кому удается не встать на колени перед режиссером, для этого нужно иметь надежный тыл и средства к существованию. Если содержать тебя некому, выбора не остается.

К тому же я осталась совсем одна, потому что умерла моя любимая тетя Энн. Грейс почти спилась, а мама… о, мама в очередной раз убедила всех, что мы ее плохо знаем! Она выписалась из больницы и вышла замуж за какого-то коммивояжера. Я не могла поверить: если можно выйти замуж, значит, она не столь уж безумна и просто прикидывалась? Тогда зачем вся эта игра, к чему осложнять жизнь мне?

Тогда я не знала, что у Глэдис просто временное просветление, которое довольно скоро обернется новой больницей, теперь уже окончательно. Но сумасшедшую мамочку

мне еще не раз припомнят, а в те дни была даже рада, что она исчезла из моей жизни, ведь на студии я по-прежнему числилась круглой сиротой.

Началась работа в «Коламбии», это был очередной виток, я словно ходила по замкнутому кругу, никуда не приходя в результате. И мало что изменили съемки в «Хористках». Сейчас вспоминаю, что не испытала большой радости, получив вместе с контрактом маленькую роль в этом фильме, словно чувствовала, что все это ненадолго.

Но «Хористки» меня обнадежили и дали наконец имя в титрах.

А еще в это время я снова попыталась создать семью. Просто в «Хористках» требовалось петь, значит, нужны вокальные репетиции. Моим музыкальным наставником стал Фред Каргер, которого все считали красавцем. Он таковым и был, светловолосый, с правильными чертами лица, очень музыкальный Фред понравился мне почти сразу. И я ему тоже, хотя говорили, что он женоненавистник. У Фреда имелся негативный семейный опыт и развод, причем ребенок остался с отцом, а не с матерью. О бывшей жене Каргер разговаривать не желал совсем, что я вполне понимала, мне тоже не хотелось вспоминать Джима Догерти.

У Каргера была немаленькая семья – мать и сестра с детьми, тоже разведенная. С его матерью миссис Энн Каргер у нас моментально установились прекрасные отношения, ей нравилось опекать бедную девушку, не всегда имевшую деньги на оплату обеда. Энн Каргер обожала готовить, а потому чувствовала себя просто счастливой, когда слышала мои искренние комплименты своим кулинарным талантам.

Сам Фред вовсю старался развить другие мои таланты и очень преуспел, во всяком случае, критика из всего фильма отметила только мои песни. Бедному Фреду пришлось нелегко, потому что белый рояль, купленный мамой, вовсе не означал, что я умею играть или знаю нотную грамоту. Но чтобы понравиться Каргеру, я готова выучить не только нотную грамоту или несколько песен, а целую оперу (хорошо, что этого не пришлось делать, в опере скучно, я не люблю, когда только поют и ничего не говорят).

Фред занимался со мной часто и подолгу, гораздо больше, чем требовалось согласно его обязанностям, нам не хватало времени в студии, и мы пели дома. Что могло быть лучше – Фред за роялем, а я у рояля?

Я пела и пела, а потом старалась отблагодарить Фреда так, как умела – любовью. В те месяцы казалось, что счастье найдено –

у меня такой прекрасный любовник, я нравлюсь его семье, карьера актрисы наконец начала складываться (всем было ясно, что мои музыкальные номера звучат куда лучше, чем у остальных). Наташе Лайтесс я сказала, что Фредди – мужчина моей мечты, но она почему-то не слишком верила в мое такое близкое счастье. Честно, с Фредом я поняла, что заниматься сексом можно не только в качестве благодарности или за еду, но и по любви! Такое открытие многого стоило и сделало меня счастливой.

Конечно, я мечтала о семье, о замужестве с Каргером, ведь многие актрисы были замужем и при этом прекрасно справлялись с ролями в кино. Наверное, если бы тогда меня поставили перед выбором – кино или семья, я выбрала бы семью, потому что уверенности в своем актерском будущем уже не чувствовала. Но никто не поставил.

Почти месяц я жила у Каргеров, обманув их с самого начала. Обманула не со зла или большого расчета, а просто, чтобы меня пожалели. Отправляя меня на «Коламбию», Люсиль Кэрролл оплатила полугодовое проживание в «Студио-клаб», чтобы я не заботилась хотя бы о жилье. Это было замечательно, но мне хотелось дома, семьи, и я схитрила. Когда Фред подвозил меня домой, назвала не «Студио-клаб», а адрес своей знакомой актрисы-старлетки, от квартиры которой на всякий случай держала ключи. Квартирка – настоящая конура в очень дешевом районе, до Кэрроллов я жила в похожих условиях. Каргеры, услышав от Фреда об увиденном ужасе, пожалели меня и позвали жить к себе.

Конечно, в их доме мне было очень трудно отвыкать от своих привычек – спать нагишом при открытой двери в спальню, расхаживать по дому раздетой, разбрасывать вещи где попало… Видите, Док, какая я с Вами честная, ничего не скрываю. Нет, скрываю, но то, что знать вовсе не обязательно. У женщин должны быть секреты даже от гинекологов.

Все шло прекрасно, конечно, Фред не торопился делать меня своей женой, но его мама и сестра во мне души не чаяли, а потому я надеялась, что совместными усилиями мы добьемся своего. Налаженная жизнь рухнула в одну минуту. Из «Студио-клаб» позвонили на студию с вопросом, куда это я подевалась, потому что снова не прихожу ночевать. Надо же такому случиться, что свидетелем звонка оказался Фред! Он без разговоров собрал мои вещи и отвез в «Студио-клаб», заявив, что если я обманула в такой мелочи, то способна обмануть и во всем остальном.

Меня снова вышвырнули прочь, как щенка!

К тому же съемки фильма закончились, а контракт «Коламбия» продлевать не стала, Гарри Кон счел свой карточный долг Шенку оплаченным и потому не был обязан держать меня дальше. Это тем более несправедливо, что пресса отозвалась о моей игре в «Хористках» хорошо, обругав всех остальных. Но Кону наплевать на певичку во второразрядном убыточном фильме, я вовсе не была звездой, и никто не желал меня таковой делать. А ублажать бугая Гарри Кона я желала ничуть не больше, чем Даррила Занука.

Фред не порвал со мной, он даже оплатил исправление моего прикуса, чтобы зубы стали ровнее, и процедуры их отбеливания, постоянно давал советы по этикету, подбору гардероба, манере поведения. Но это был уже не тот Фред, он словно получил подтверждение каким-то своим злым мыслям. Каргер постоянно поучал, причем резким, даже неприятным тоном, высмеивал, внушал, что я ни на что не способна, кроме постельных утех.

Если вспомнить, что меня снова вышвырнули со студии, его слова казались очень справедливыми. Иногда мне кажется, что Фред сыграл свою роль в моем увольнении, на студии уже пошел слух, что он собирается на мне жениться, это совсем не нравилось Каргеру, который постоянно подчеркивал, что мы любовники, и только… Наверняка, он где-то обронил нехорошее слово, потому что захлопывать двери перед актрисой, которую только что похвалила пресса, нелепо.

Сам Фред откровенно меня стеснялся, относился все более пренебрежительно. Почему, ну почему все, кого я любила, кому была готова отдать всю себя, мной пренебрегали?! Наташа Лайтесс говорила, что Каргер презирает меня, потому что я сама под него стелюсь и ему угождаю. Она не любила Фреда и всячески старалась, чтобы мы расстались. Наверное, Наташа права, потому что чем больше я старалась угодить Каргеру, тем хуже тот ко мне относился. Фред совсем со мной не считался, вел себя так, как удобно ему, но не мне, а я страшно боялась потерять любимого, словно это последняя надежда выйти замуж. Нет, даже если бы он не женился на мне, а хотя бы не стеснялся и не презирал, я готова оставаться любовницей, но и в таком качестве я страшно раздражала Каргера.

Фред был недоволен всем: тем, как я одеваюсь, как веду себя, как разговариваю, моей уступчивостью или неуступчивостью, моей необразованностью и стараниями наверстать упущенное, тем, что я мало читала, и тем, что у меня в руках постоянно книга… Иногда казалось, что он вымещает на мне свою злость на самого себя за невозможность меня бросить. Фреду (наверное, как и всем остальным моим мужчинам) нравилось мое тело, но не

нравилась я сама, однако отказаться от тела он не мог.

Док, здесь снова борьба между Нормой и Мэрилин, да? Каргеру нужна Мэрилин, а во мне была еще только ее половина. Удивительно, но Фред ненавидел как раз сущность Мэрилин, обожая ее форму. Ему было нужно, чтобы оболочка Мэрилин вела себя скромно и разумно, как Норма Джин. Но разве это возможно?

К сожалению, не один Фред, всем нужна красивая оболочка Мэрилин, миф, выдумка, и все оказываются недовольны, когда понимают, что внутри есть нечто другое. Но если я прячу это другое глубоко-глубоко и веду себя только как Мэрилин, следует другая обида – на глупость, пустоту, никчемность…

Роман с Фредом после моего увольнения со студии довольно быстро заглох, хотя я продолжала поддерживать отношения с его мамой и сестрой.

Наверное, у меня была бы страшная депрессия, потому что снова оказалась без работы и в отставке у Фреда, но меня не оставляли без помощи Кэрроллы и Наташа Лайтесс, а еще в моей жизни появился Джонни Хайд.

Знаете, к тому времени я снова чувствовала себя никем. Меня взяли на студию, я даже подружилась с Каргерами, но внутри уже жило чувство, что все это ненадолго, что скоро снова придется собирать свои вещи и уходить в никуда. Я еще сопротивлялась, еще верила, что с Фредом и его семьей все сложится, я буду приветливой, заботливой, услужливой, я понравлюсь всем, и меня оставят, пусть даже на коврике у двери, но позволят жить в их семье. Я так хотела быть чьей-то!

Может показаться, что это навязчивая мысль, которую я повторяю и повторяю. Но это так, всю свою жизнь я хотела и хочу быть чьей-то, хочу, чтобы меня не бросали, не прогоняли, как собачонку, не выбрасывали из своей жизни, хочу добиться успеха не только телом, но и душой.

Иногда я задумываюсь, не зря ли разорвала брак с Джимми, и понимаю, что не зря, в душе я уже чувствовала, что ничего не получается, что еще немного и Джим откажется от своей неугодной супруги. На сей раз я словно опередила и ушла сама.

Но какая же разница, когда ты не нужна ребенком (это очень страшно, но детей редко бросают на улице, их хотя бы подбирают приюты) и одинока уже взрослой, когда не хватает не просто чьей-то поддержки, ласки, доброго слова, а денег на жилье, на чулки, на еду. Я была достаточно взрослой, чтобы никто не считал себя обязанным протягивать мне доллар на гамбургер, вернее, это делали, но в качестве оплаты за определенные услуги.

Я всегда просила лучше купить еду, но не платить, почему-то казалось, что стоит взять сами деньги и скачусь так низко, что больше не смогу подняться.

Была еще одна причина – я так верила в свое блестящее будущее, в то, что смогу стать звездой, так уверяла в этом остальных, что возвращаться и просить помощь стало невозможно. Да и у кого просить, если тетя Энн лежала в больнице, Грейс спилась, а мама помогать мне никогда не могла. С семьей Догерти я рассталась и осталась совсем одна.

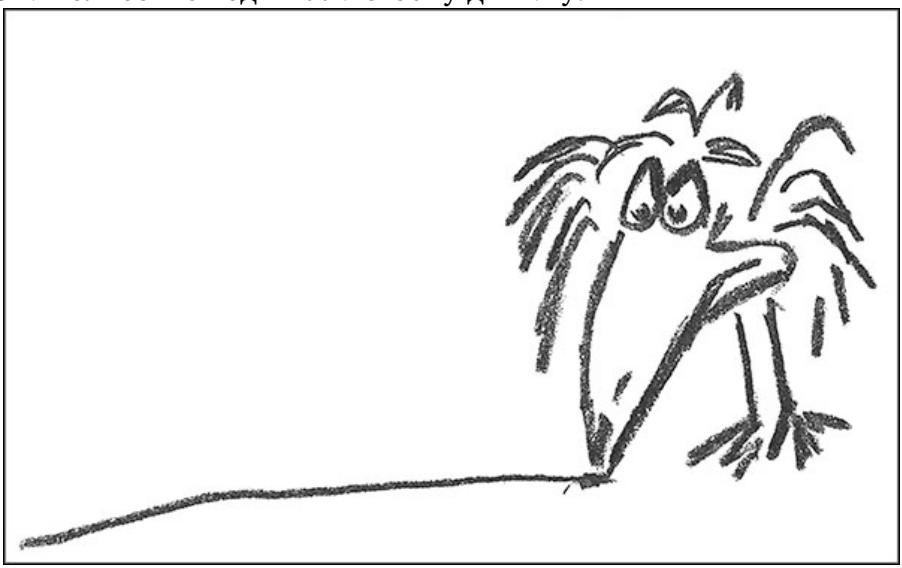
Я пришла в Голливуд веселой, уверенной в будущем девушкой, готовой улыбаться всем, а через два года была совсем другой. Наверное, в этом виноват не Голливуд, а мои мечты и надежды. Необходимость зарабатывать на нищенское существование и еду даже своим телом, угождать приятелям Шенка, зависеть от Кэрроллов (хотя они очень помогли мне), потом унижаться перед Каргером, заглядывать в глаза всем, кто мог дать работу и возможность не голодать хотя бы еще один день, не могли не сказаться. Улыбка осталась, но теперь она не была радостной, а стала вымученной. Жизнь оказалась куда более жестокой, чем виделась миссис Норме Догерти. Но я продолжала барахтаться, пытаясь выбраться наверх и не скурвиться при этом окончательно. Лучше зарабатывать на гамбургеры в автомобиле, чем в кабинете Занука. Пусть меня зовут шлюхой по натуре, но никто не может сказать, что я брала деньги или приходила к Зануку по вызову в 16.00. Это предмет моей гордости, может, и глупо, но иначе я не могла.

И все-таки, если бы ни Хайд, я бы погибла.

Но сначала о Наташе.

Мэрилин Монро

Наташу Лайтесс многие называли черной вороной. Знаете, так и есть, мне она представляется именно такой, причем очерчивающей вокруг меня границу, которую переступать нельзя. Она полностью подчиняла своему диктату.



Наташа считает, что Мэрилин Монро сделала она, мол, это она поставила мне чуть вихляющую походку, научила говорить, научила вообще играть. В какой-то мере это так, без Наташи я снова запуталась бы в ролях и потеряла веру в себя. Хотя, если вдуматься, именно из-за нее я эту веру и потеряла.

Но попробую по порядку, это тоже становление Мэрилин и мучения Нормы Джин.

Наташа говорила, что она русская, хотя в Америку приехала из Германии. Но у нее действительно были русские корни, а еще она обожала и прекрасно знала русскую литературу и систему Станиславского.

Лайтесс работала на студии кем-то вроде репетитора с неопытными актерами, но поскольку небольшой зарплаты на жизнь не хватало, давала частные уроки актерского мастерства. Наташа некрасивая (этого не отрицает даже она сама), высокая, жилистая и очень энергичная особа. Она уже не играла сама, а только учила других, то и дело напоминая, что некогда работала с самим Рейнхардтом.

Первая встреча с ней была ужасной. В комнате, куда я вошла, сидела строгая, неприветливая дама, которой не было никакого дела до моего неумения играть. Наташа делала вид, что занята

чтением, она лишь окинула меня почти презрительным взглядом и кивнула на стул. Я понимала, что она сердита из-за моего опоздания, но я задержалась, потому что долго не могла выбрать, в чем идти. Переодевалась и переодевалась. Не подумайте, что я меняла наряды, вытаскивая их из огромного шкафа, это было всего одно платье на выход и два скромных на каждый день, просто мне то казалось, что я слишком ярко наряжена, то что слишком скромно. Бывает, что и три заношенных платья создают проблему.

Трудно поверить, что «девушка Шенка», как меня звали, не имела достаточно одежды? Но это так. Я уходила от всех, у кого жила, почти без ничего и норковое манто, купленное Шенком, оставила у него дома, словно взятое напрокат. Это страшно удивляло всех, но мне казалось, что так и есть, пока Шенк пользуется мной, он меня одевает, но когда меня зачислили на студию, он перестал быть обязанным меня одевать.

Но к Наташе это не имело никакого отношения, разве что она работала с актерами «Коламбии».

Строгая, какими бывают старые девы, злые на все человечество, она откровенно поморщилась, обозрев мою фигуру. Я заметила, что она вовсе не читает справочник, который держит перед собой на столе, репетитор решила проучить меня за опоздание и заставить также ждать. Я не была в обиде, Наташа имела на это право.

– Прочтите несколько строк. – Наташа протянула мне тот же толстенный справочник.

– Какие?

– Любые! – Ее голос вовсе не стал мягче в ответ на мою растерянность.

Читать справочники вслух – не самое легкое и приятное занятие, особенно под недовольным взглядом старой фурии. Наташа вовсе не была старой, но фурию изображала очень убедительно.

– Громче, я ничего не слышу!

Ей не понравилось все: моя фигура, походка, голос, полное неумение звучно произносить фразы, неумение читать с выражением, даже бугорок на носу! О ярко-красном платье с глубоким вырезом и говорить не стоило. Я не стала объяснять, что другого просто нет, а вырез растянулся, потому что платье одевается слишком часто.

А в отсутствии актерского опыта призналась и в том, что слабый голос, что меня охватывает ступор, стоит зажечься осветительным приборам, а камере начинать наезжать. О себе сказала, что сирота, что очень хочу стать кем-то не столько для

успеха, сколько для себя, что мне очень нравится в «Лаборатории актеров», потому что там настоящая игра, а не вихляние бедрами перед камерой…

– Вы хоть понимаете, что от меня требуют невозможного?! За три недели превратить полную неумеху в актрису!.. Этого не смог бы даже доктор Хиггинс!

– Кто?

– Вы не читали «Пигмалиона» Бернарда Шоу?!

Пришлось честно признаться, что нет.

– А что Вы читали? Вы вообще читаете?

– Я очень люблю читать…

Она усомнилась.

– А в театр часто ходите?

– Нет, только в «Лабораторию…».

Наташа буквально застонала:

– Только не говорите, что не слышали о Шекспире.

Она говорила близким к обмороку тоном, но не могла же я лгать, что знаю какого-то там Шекспира наизусть.

– У Вас хорошая библиотека… – Я кивнула на стеллажи, заполненные книгами, и этим, кажется, предотвратила обморок будущей наставницы.

– Толстого?.. Достоевского?.. Знакомы с системой Станиславского?..

При этом имени я чуть оживилась, ничего не зная о Станиславском, я все же слышала это имя в «Лаборатории…».

Оживилась и Наташа, видно поняв, что я не совсем пропащая. После этого она прочитала целую лекцию о русской литературе, русской культуре, системе Станиславского и многом другом. Наташа с жаром говорила о Московском Художественном театре, о Михаиле Чехове, который вынужден жить в Америке, о влиянии Антона Чехова на современную драму… Это был фейерверк знаний, суждений, эмоций… Казалось, судьба свела меня с самой эрудированной, самой замечательной женщиной Голливуда (наверное, так и было), но в то же время она не подавляла, позволяя и мне чувствовать себя причастной к великой культуре, словно я, Норма Джин или уже Мэрилин Монро, сыгравшая в крошечных эпизодах вихляющих задом дурочек, тоже могу что-то сделать для развития этой культуры.

Соучастие… наверное, это потрясло даже больше эрудиции и напора Наташи.

Но она мгновенно опустила меня на землю. Феерическое выступление закончилось утверждением, что я никуда не гожусь! Это было ужасно, словно меня подняли над землей, показали, как все прекрасно, а потом грубо шлепнули лицом в густую грязь!

Я разрыдалась, чувствуя, что если и эта женщина меня бросит, то жить больше незачем. Недоброжелатели говорили, что Наташе только этого и было нужно. Возможно, так, потому что она погладила меня, ревущую в три ручья, по волосам и обещала, что мы будем работать и превратим меня в настоящую актрису.

– Научить играть можно любого, нужно только, чтобы человек хотел этого, не ленился. И еще чтобы ему встретился опытный педагог.

Я обещала желать, не лениться и благодарила педагога. Все это от души. Я действительно очень хотела стать не просто звездой, у которой замечают лишь внешность, а настоящей актрисой, от игры которой люди бы лили слезы или задыхались от эмоций.

Док, конечно, я не помню дословно все, что спрашивала или рассказывала Наташа, что отвечала я, но смысл был именно таким: она показала мне перспективу, объяснила, что я никто, и обещала сделать кем-то. А еще сказала, что у меня прекрасные внешние данные, только нужно прекратить одеваться как шлюха и кое-что подправить в лице.

Я разыскала в библиотеке «Пигмалиона», прочитала и была счастлива, что Наташа решила стать для меня доктором Хиггинсом.

Наташа предоставила мне свои книги, не написанные ею, таких не было, а те, что стояли на полках в ее квартире. Вот тогда я и поняла, что все чтение надо начинать сначала, потому что ни одна библиотечная книга, побывавшая в моих руках, в фаворитах у Наташи Лайтесс не числилась и у нее не имелась. Зато были другие…

Нет, Наташе не удалось приучить меня читать медленно и вдумчиво, я все равно «глотала» книги, получая наслаждение уже от одного того, что держу их в руках. Позже, когда у меня уже появились деньги, я скупала в книжных магазинах все, что привлекало внимание, даже записалась на вечерние курсы по литературе и искусству. Они не давали никакой профессии, были организованы для таких, как я, тех, кто хочет читать хорошие книги и слушать, что говорят о таких книгах умные люди.

А пока это была русская литература… Какое это очарование и удовольствие, Док! Я была совершенно влюблена в тургеневских героинь, обожала Грушеньку из «Братьев Карамазовых», страшно жалела Анну Каренину… Я и сейчас мечтаю сыграть Грушеньку, это по-настоящему женский характер, как мог мужчина так хорошо понять женскую суть? Наверняка ему помогала умная женщина, пусть тайно, но помогала.

Я не очень понимала рассуждения Толстого о русских просторах и русской душе, но Наташа говорила, что это потому, что я не жила в России и не видела этих самых просторов. А о русской душе сама Лайтесс могла говорить часами, утверждая, что она останется непостижимой, сколько бы ни пытался понять. И в ее голосе был настоящий восторг!

– Я должна показать тебя Михаилу Чехову!

– Энтони?

– Нет, Антон Павлович давно умер, а его племянник живет здесь и даже дает уроки актерского мастерства. Михаил Александрович Чехов.

Видите, я даже сейчас выговариваю это с трудом, а тогда жалобно протянула:

– Можно просто Майкл?

Ответом был строгий взгляд и выговор:

– Ты можешь не говорить Александрович, но Михаил научись. Михаил Чехов – это не Майкл Чехов! Это твой Джонни Хайд может разрешать так себя называть!

Джонни Хайд в действительности Иван Хайдабура, его родители в десятилетнем возрасте привезли из России в Америку. Знаете, иногда мне казалось, что Голливуд вообще русская колония, потому что русскими были или имели русские корни почти все мало-мальски значимые люди в Голливуде, и мой Джо Шенк тоже. Михаил Чехов действительно один из немногих, кто не переиначил свое имя, переехав в Америку. Наверное, правильно, кто хотел с ним общаться, мог выучить даже «Александрович», хотя я все равно звала его Мишей, так проще. Наташа говорила, что это слишком демократично, что в России так не принято, но я не понимала, почему демократично, значит, плохо? К тому же мы не в России, а в Америке.

Это Джонни Хайд.

Не смейтесь, Док, он ангел, для меня он ангел.

Я знаю, сколько гадких сплетен и слухов ходило в Голливуде о наших с ним отношениях, знаю, как меня ненавидела его семья.

Джонни очень смешной, знаете, с чего я хотела бы начать

рассказ о нем? Хайд брал с меня положенные проценты, как агент! Это тем более нелепо, что он просто содержал меня. Но у Джонни профессионализм прежде всего, он агент милостью Божьей.

Хайд маленького роста и даже по сравнению со мной смотрелся гномом, но он очень добрый гном. Джо Шенк тоже невелик, маленький и Трумэн Капоте, я в жизни встречала много невысоких людей, но они разные. Капоте вот язвительный гном, а Хайд добрый. Во всяком случае, ко мне.

Джонни влюбился с первого взгляда, втюрился без памяти! Я могу так говорить, потому что так говорили все, в первую очередь он сам. Кто для кого был игрушкой? Рядом с Хайдом я чувствовала себя какой-то здоровенной бабой, он вертелся вокруг меня, оберегая от всего, словно пытаясь защитить своими маленькими ручками от невзгод. Джонни сразу поверил в мое будущее, но если Наташа Лайтесс твердила, что мы должны без устали работать, чтобы чего-то добиться, что меня нужно учить играть, то Хайду не нужно ничего!

– Мэрилин, ты должна просто кое-что поправить во внешности, следить за собой и сиять на экране.

Я верила и не верила, меня не замечали на студии, а Хайд говорил о сиянии. С необходимостью следить за собой я согласна, стоило начать есть все и вволю, как на боках откладывался жирок, что при моем небольшом росте совершенно недопустимо, мои кости и так не выпирали углами никогда. Есть люди, особенно женщины, у которых, сколько ни ешь, одни углы, а есть такие, как я, – сколько ни голодай, формы при нас.

Я снова начала бегать по утрам, заниматься с маленькими гантельками – Джонни сказал, что большие брать нельзя, вырастут мышцы на руках, и все будет испорчено, а еще стала следить за своим питанием. Но тогда у меня еще был хороший желудок и хорошая поджелудочная, я их испортила позже таблетками, я это знаю, просто изменить ничего не могу.

А еще Хайд оплатил и заставил меня сделать несколько операций. Было очень страшно, но Джонни убедил, что, если не убрать чертов бугорок на носу, никакой грим не поможет. Я действительно замазывала это безобразие толстым слоем грима, но Хайд прав – не помогало. Кроме того, мне исправили овал лица, добавив в подбородок морскую губку, чтобы линия была ровнее. Сама я ни за что не решилась бы на такую операцию, это все Хайд.

Знаете, какой был шок, когда в зеркале после операции вместо маленького, аккуратного носика, какой мне было обещано, отразилась огромная синяя картофелина!

Голос врача спокоен:

– Прекрасно! Все отлично, у Вас хорошенький носик.

– Что это?!

– Это отек, он быстро пройдет. И на подбородке тоже.

Дни, пока спадал отек, были просто ужасны, я ныла и ныла, страшно боясь, что так и останется, тогда мне играть только разных тетушек Гусынь, не иначе. Кто захочет снимать толстомордую уродину?

Хайд суетился вокруг, как наседка над цыпленком, уговаривал, убеждал, показывал снимки удачных операций, то и дело гладил по руке, по плечу, вытирал слезы.

Мой нынешний аккуратный носик и хороший овал лица – заслуга терпеливого и настойчивого Хайда и мастерства пластического хирурга. Губка потом растворилась, и пришлось подшивать заново, овал чуть изменился, на фотографиях это заметно, лицо словно чуть просело, но тогда я плакала от счастья.

Разве можно отказать такому заботливому поклоннику? Джонни ушел из семьи, снял для нас дом, и я переехала к нему. Он знал, всегда знал, что я его не люблю, что живу из благодарности, но Хайду было достаточно и того. Наверное, это и есть любовь – когда все понимаешь, но все равно готов для любимого человека на любые жертвы.

Какой поднялся крик! Я боялась, что он навредит, но Джонни говорил, что любой скандал идет на пользу популярности. Семья Хайда меня ненавидела, в его агентстве не терпели на дух, отворачивались даже многие знакомые. Дело в том, что у Хайда было больное сердце, настолько больное, что его еженедельно заставляли проходить обследование и требовали не напрягаться, соблюдать строгий режим и избегать любых волнений.

Неволнующийся, спокойный Хайд – это невозможно, Джонни потому и надорвал сердце, что всегда был очень беспокойным. Иначе стать настоящим суперагентом многих кинозвезд нельзя, ему приходилось находить общий язык с такими монстрами, как Занук или Кон, убеждать, уговаривать, настаивать, пролезать в любую щелочку, пробивать двери своей напористостью. Хайд делал это всегда, но почему-то все решили, что именно со мной он надорвался. Даже близкие знакомые говорили, что, продвигая меня, Джонни угробил свое сердце. Это нечестно, потому что он был болен давным-давно.

А уж семья постаралась вылить на меня такое количество грязи, что, обращай я внимание, утонула бы в этом потоке с головой. Понимаю, они очень боялись, что я оттяпаю все деньги Хайда (а он был миллионером!), что Джонни все завещает мне, тем более Хайд вел разговоры о завещании со своим адвокатом.

Док, адвокаты, как психоаналитики или гинекологи, они вроде ничего не выдают из своих тайн, но намеками рассказывают о клиентах столько, что и выдавать не нужно.

Вы психоаналитик? Но ведь я говорю правду, Док. Что-то подсказывает мне, что у Вас тоже были случаи, когда чужие секреты становились достоянием гласности по Вашей вине. Док, только не подумайте, что я осуждаю! Нет, нет! Я вообще ничего не хочу знать о Ваших делах, так легче. Простите за невольную обиду.

Док, я хотела спросить только вот что: можно я посоветую вот такой способ работы с клиентами своему психоаналитику доктору Гринсону. Он замечательный, умный, добрый… Посоветую клиентам наговаривать на магнитофон, а потом отдавать ему для прослушивания. Можно? Я не скажу о Вас ничего, пусть считает, что это я придумала. Или нужно честно признаться, чья идея?

Это я ходила в ванную закрывать кран, потому выключала магнитофон. У меня противная домоуправительница – Мюррей, я согласилась на ее помощь, потому что она похожа на мою любимую тетю Энн, но похожа только внешне. Вообще-то это сплав Наташи, Полы и, что самое страшное, – доктора Крис в одном лице. Я потом Вам расскажу о них всех, поймете, какой кошмар жить под приглядом вот такой домашней фурии. Как теперь избавиться, даже не знаю…

Но сейчас я вернусь к Хайду, потому что могу просто забыть, что рассказывала, а что нет. Я вдруг подумала, что научилась у Артура Миллера все раскладывать по полочкам и анализировать. Нет, я анализирую и с Гринсоном, но это как-то иначе, он больше разбирает мои детские страхи, а с Вами я сама, и это вселяет в меня уверенность.

Так вот Хайд…

Мы с Джонни жили вместе, и он старался вести себя как хороший любовник. Хайд думал, что если я выгляжу сексуально, то должна только о сексе и думать. Почему-то никому, даже тем, кто прекрасно меня знает, не приходит в голову, что к нему (к сексу) почти равнодушна. Наверное, это потому, что первым у меня был Джимми Догерти.

Ужасно, но я не могла дать Хайду главного – я не могла полюбить его как мужчину. Любила как старшего брата, как мужа, но не как любовника. Понимаете, это нельзя делать рассудочно, сердце не подчиняется рассудку, сколько бы ни старалась, полюбить по решению не получается. Я не была влюблена ни в кого другого, а потому спокойно жила с Хайдом,

но ему нужно было большее.

Много говорили о том, что он хотел на мне жениться, а я отказывалась. Знаете, Док… Джонни очень хотел, чтобы я стала его женой, но мы оба понимали, что это невозможно. Там было все очень сложно и даже запутанно. Я бы вышла за Хайда, но… Он был очень болен, каждое утро боялась увидеть его мертвым, тем более не так давно умерла от болезни сердца тетя Энн, я это страшно переживала. Его семья и друзья меня ненавидели, все вокруг дружно обвиняли меня в его болезни, все считали, что если Джонни умрет, то виновата буду я.

Но главное не это: мы понимали, что стоит мне стать миссис Хайд, как на меня ополчатся все и никто на студию не возьмет вообще. У Хайда был почти миллион, это позволило бы мне безбедно жить и не бегать, выпрашивая роли. Почему-то считалось, что получить эти деньги я могу только став его женой. Но почему? Это нелепо, ведь Джонни мог просто назвать меня основной наследницей в завещании или даже заранее перечислить эти деньги на мой счет. Никому не приходит в голову поинтересоваться, почему он этого не сделал. Да, говорил с адвокатом, но ведь так и не назвал меня наследницей, даже когда лежал в больнице перед смертью, всего лишь просил свою помощницу Халловей, чтобы его семья относилась ко мне как к родственнице. Это было нелепо, потому что меня просто ненавидели, и изменить их отношение ко мне было так же невозможно, как мое к нему.

И все-таки он предлагал мне стать его женой, а я отказалась. Одни посчитали меня настоящей дурой, другие слишком самоуверенной зазнайкой, третьи увидели в моем отказе какой-то сверхрасчет и радовались, что я проиграла. Но я не играла, Док, я правда не играла. Мне очень нужны деньги, они всегда нужны, а тогда тем более. Хотя бы часть наследства Хайди дала бы возможность забыть о хлебе насущном и учиться актерскому мастерству.

Никто ничего не понял, даже Наташа Лайтесс и близкие друзья Хайда. А ведь все так просто! Наташа считала, что я должна учиться актерскому искусству по-настоящему, серьезно заниматься, играть в театре и забыть о ролях пошлых блондинок с приоткрытым ртом и выпяченной грудью. Хайд был готов покупать мне вещи, завещать свое состояние, дать свое имя, выбивать роли, унижаться ради меня перед власть имущими в Голливуде, он готов был угробить ради моего будущего свое сердце, свою жизнь, но он категорически не желал, чтобы я становилась драматической актрисой!

Док, понимаете разницу? Джонни не считал меня способной

играть роли вроде Корделии или Грушеньки, говорил, что Электра не для меня, что я комическая актриса, что мне нужны роли, в которых я бы позволяла собой любоваться. Я не хотела просто позволять любоваться своим телом. Хайд злился:

– Не телом, Мэрилин, а своей аурой, понимаешь, у тебя есть аура, притягивающая к экранам всех. Это скоро заметят, не могут не заметить на студиях, ты будешь нарасхват, несмотря на всю ненависть руководителей! Мэрилин, не стоит окунаться в серьезное искусство, оно хорошо, но не для тебя. Не всем быть великой Дузе, это не твое.

Я обижалась:

– Не хочу быть просто глупой блондинкой! Не хочу просто демонстрировать свою ауру на экране! Я хочу играть, Джонни, играть, понимаешь?!

Он понимал, но слишком любил меня, чтобы откровенно сказать, что я бездарь. К тому же Наташа в это время твердила совсем иное: для актера главное школа, которая сможет проявить его божественную искру. Только серьезная, упорная учеба способна явить миру Мэрилин-актрису, а не просто красотку. Наташа с Джонни учили противоположному, и просто наступила минута, когда мне пришлось выбирать.

Я хотела играть, а значит, учиться, я хотела стать божественной Дузе, а не блондинкой с аурой. И я ушла от Джонни, сказав, что подвергаю его здоровье опасности.

И все-таки почему он не сделал меня миссис Хайд и наследницей своих денег? Когда Джонни сказал, что я должна сделать операцию по перевязыванию труб, чтобы не делать аборты, я категорически отказалась. Это означало не иметь детей совсем.

– Ты надеешься иметь детей? Мэрилин, ты сделаешь такое количество абортов, что никаких детей не будет.

Я не хотела верить Джонни, хотя тогда о детях не думала, просто не желала, чтобы меня воспринимали только как красивую куклу.

– Я оставлю тебе свои деньги…

Я отказалась от его денег и права называться миссис Хайд, твердя, что всего добьюсь сама и стану актрисой, высокооплачиваемой актрисой.

– Только не стремись играть сложные роли, не стоит, тебе будет трудно.

– И трудные роли тоже играть буду, Джонни. Я научусь.

Он сокрушенно покачал головой:

– Я думал, ты умная девочка…

Но я точно знала, что после этого разговора Джонни стал

уважать меня больше. Я переехала к Наташе, а он забегал по кабинетам руководителей студий с удвоенным азартом, стараясь раздобыть мне роль, в которой я смогла бы покорить Голливуд.

Шенк считал меня дурой, удивляясь моему упорству:

– Мэрилин, ну что тебе стоит немного побыть миссис Хайд, ведь ты же все равно спишь с Джонни.

Я не понимала, чего не понимают они:

– Сплю, просто сплю, причем когда захочу сама. А став миссис Хайд, перестану себя уважать. Получится, что Джонни купил меня.

Джонни не покупал меня, хотя дарил дорогие подарки, например норковый палантин, который я потом продала, чтобы помочь Наташе, когда ей срочно понадобились деньги.

Я не знаю, чем Хайд все же взял Занука, наверное, даже у железного Даррила дрогнули нервы при виде едва живого Джонни, и он согласился на мои съемки в небольшой роли. Хайд просил долгосрочный контракт, но Занук поставил условием сначала маленькую роль, видно не желая рисковать.

Ах, если бы не Джонни, я никогда не сумела бы пробиться на экран, никогда! Он уже знал, какую роль я буду играть. Потом расскажу о съемках этого фильма и о своей роли, она важна, хитрый Хайд точно подобрал фильм и роль. Узнав, что Джозеф Манкиевич готовится к съемкам фильма по роману Орра «Мудрость Евы», фильм потом назвали «Все о Еве», он настоял, чтобы Манкиевич дал мне роль мисс Кэсуел.

Сначала я даже сопротивлялась, это было настолько далеко от того, чему меня учила Наташа Лайтесс и о чем мечтала я сама, что брало отчаянье. Снова проходная эпизодическая роль почти никчемной блондинки, к тому же не слишком успешной актрисы. Понимаю, что нет маленьких ролей, есть плохие актеры, но снова эпизоды, снова на задворках, снова блондинка…

Хайду стоило труда уговорить сначала Занука, потом Манкиевича, а потом меня. Сейчас мне стыдно и горько, когда вспоминаю усилия Джонни и то, как я сама им противилась. Он внушал: лучше сыграть проходную роль в фильме режиссера, уже имеющего «Оскара», чем заглавную в фильме, который через день после выхода на экраны забудут не только зрители, но и критики. Синица в руках предпочтительнее журавля в небе!

Я хотела журавля, даже не одного журавля, а целый журавлиный клин, я жаждала успеха, оглушительного, жаждала, чтобы мной восхищалась вся Америка, и не желала перебиваться эпизодическими ролями, даже в фильмах оскароносных режиссеров. Хайд настоял, убедил всех, и Занук заключил со

мной договор на неделю съемок с оплатой 500 долларов в неделю. Снимали мы чуть больше, но это не важно.

– Мэрилин, пойми, это начало, Занук допустил тебя на студию, после фильма он заключит с тобой опционный контракт на семь лет!

– У меня уже был контракт на семь лет, который попросту не стали продлевать через год. Джонни, мне нужен не контракт, а роли!

– И роли будут, только не опускай руки, только работай над своей внешностью.

И снова Хайд говорил о внешности, он открыто твердил, что я смогу добиться успеха как Мэрилин Монро, но совсем не как Норма Джин или драматическая актриса. Я не могла ссориться с Джонни, а чтобы он не понял мое разочарование, старалась не так часто с ним встречаться.

К сожалению, это получилось довольно легко, потому что Хайд все же попал в больницу, куда меня по распоряжению родственников просто не пускали.

Фильм сняли, Хайд оказался прав во всем: после съемок Занук согласился подписать со мной долгосрочный контракт, который Джонни успел подготовить, но не успел увидеть подписанным. К едва живому Джонни приехал его брат Алекс, он был настроен против меня, требовал, чтобы Джонни не оставлял мне и цента. Мне не были нужны деньги Джонни, мне нужен был он сам. Как в дни болезни я жалела, что не слушала своего наставника! Ведь если бы я оставила в покое свои мечты о славе, вышла за него замуж и увезла куда-нибудь, где он мог подлечить свое сердце, может, Хайд и был бы жив?

Хотя, размышляя сейчас над всем этим, я понимаю, что сам Хайд не смог бы жить в сельской глуши, спокойно наблюдая, как по небу плывут облака, и слушая, как щебечут птицы. Такая жизнь не для Джонни, он жил, пока работал, и то, что последней работой оказалась я, хоть и ускорило его гибель, но не было ее основной причиной. У Джонни уже было надорванное сердце.

И все же в его болезни и гибели обвинили меня. Брат относился ко мне еще хуже, чем бывшая жена и сын Хайда, это он распорядился не пускать меня в палату даже тогда, когда сам Джонни звал меня. Мне потом рассказывала Дона Халловей, что Джонни просил хотя бы попрощаться. Они попытались не пустить меня и на похороны, но мы с Наташей обманули охрану и сумели туда попасть. Мне было плевать, что могут выгнать с позором, мой Джонни умер, и я рыдала на его могиле как сумасшедшая. Никто не посмел прогнать меня. Все ушли, а мы с Наташей сидели дотемна, пока служащие кладбища не попросили прочь.

Мне было совершенно все равно, кто и что подумает, считают ли меня распутной, развратной захватчицей. Я ничего не получила по завещанию Хайда, а все подаренное им оставила в доме, из которого выехала, мне не было нужно ничего, потому что не было самого Джонни.

Но я не могла не корить себя. Понимаете, Док, у Джонни было слабое сердце, если бы он не переживал из-за меня так сильно, то мог бы прожить еще. Но больше всего я корила себя за то, что не прорвалась к нему в больничную палату. Нужно было раскидать всю охрану, зубами загрызть всех, кто мешал, но пробиться! И пусть бы потом хоть в тюрьму сажали. Но я отступила, не стала сопротивляться, понимаете, я предала Джонни! А он так звал меня!

Док, да я плачу, я всегда плачу, когда вспоминаю, что он звал меня и не мог дозваться. Джонни, который как никто другой всегда приходил мне на помощь, который последний год жил только ради меня, моих будущих успехов, который верил в меня, звал, а я испугалась охраны!

Вы не представляете, в какое я впала отчаянье, когда услышала об этом от Халловей. Весь мир перестал существовать, ничто не казалось важным и нужным.

Наташа обнаружила меня в спальне (хотя вообще-то я спала на тахте в крошечной гостиной ее квартирки) с полным ртом таблеток, которые не удалось проглотить без воды, а идти в кухню за водой я не рискнула, чтобы не передумать. Она должна была вернуться много позже, но что-то почувствовала и отменила занятие.

Наташа рассказывала, что, увидев у меня во рту вязкую розовую массу, сначала едва сама не потеряла сознание, но потом решительно разжала мои зубы, вызвала рвоту и основательно промыла желудок. Я не успела проглотить много снотворного, довольно быстро пришла в себя и принялась убеждать перепуганную наставницу, что вовсе не собиралась кончать жизнь самоубийством, а лишь хотела заснуть.

Вспоминать это очень тяжело, не так часто в моей жизни встречались те, кто помогал и заботился, как Джонни Хайд, практически ничего не требуя взамен. Я не могу больше вспоминать сегодня…

Вы разрешили мне говорить на любую тему, какая придет в голову. Знаю, все психотерапевты разрешают, а потом долго объясняют тебе самой, что значат твои мысли, твои страхи и сам выбор темы.

Я поняла, почему меня так тянет исповедоваться именно Вам.

Вы есть, и Вас, простите, словно нет. С любым психотерапевтом невольно ведешь диалог. А диалог – это зависимость, если я откровенно рассказываю кому-то о своих проблемах, своих чувствах, своих переживаниях и жду совета, как с ними справиться, то невольно либо стараюсь быть в рассказах лучше, чем есть, и немного врать, либо попадаю в полную зависимость от выводов и оценок психотерапевта.

Это тяжелая зависимость, я не хочу ее, она губительна.

Не знаю, слушали ли Вы мои записи или действительно не слушали, но Вы не навязываете мне свое видение проблем, я разбираюсь сама, и это главное. Док, я вдруг поняла: Вы верите, что я достаточно умна и способна сама справиться?! Тогда Вы единственный, кто верит. Спасибо.

Док, привет!

Сегодня у меня прекрасное настроение, и я не собираюсь ныть, обвиняя всех мужчин в неправильном ко мне отношении.

Хотите, расскажу, как проходили пробы на роль в «Асфальтовых джунглях»? О, это замечательно, к тому же именно этот фильм сделал наконец меня заметной (хотя в титрах меня просто забыли указать!).

Роль раздобыли совместными усилиями Джонни и Люсиль. Все просто, сначала Хайд узнал о том, что Джон Хьюстон готовится на «Метро-Голдвин-Майер» к съемкам такого фильма, потом подключил Люсиль, которая очень хотела мне помочь, и они уже вдвоем поднажали на Хьюстона.

Немалую роль в утверждении меня на роль сыграли лошади. Да, да, лошади! Вовсе не потому, что я хорошая всадница или люблю скачки, но их любил Хьюстон, а своих ирландских лошадок держал на ранчо Люсиль. Он основательно задолжал Кэрроллам за аренду конюшни и мог бы поплатиться лошадьми, но Люсиль милостиво разрешила ему отсрочить плату, посоветовав при этом взять меня на роль Анджелы. К тому же Хайд занимался юридической стороной дел Хьюстона.

Разве можно было отказать двум столь важным людям, от которых напрямую зависишь, тем более речь шла об эпизодической роли всего в двух эпизодах. Хьюстон махнул рукой и согласился. Я-то не знала, что все уже решено, думала, что меня пригласили просто на прослушивание, и едва не умирала от страха. Почему Хайд не предупредил, не знаю, наверное, чтобы не держалась слишком самоуверенно и постаралась показать себя в лучшем виде.

Это выглядело уморительно.

Джон Хьюстон, внимательно оглядев меня не просто с ног до

головы, но и со всех сторон, удовлетворенно хмыкнул и милостиво разрешил прочесть отрывок из сценария. В кабинете были он и продюсер фильма Артур Хорнблауэр, но не было дивана, на котором по сценарию должна располагаться Анджела в тот момент. Я не поняла, что они просто хотят послушать мой голос, и, наученная Наташей Лайтесс, желала выразить все эмоции, положенные по замыслу автора.

– А можно я лягу на пол?

У обоих глаза полезли на лоб:

– Зачем?

– Здесь нет софы, а текст лучше произносить лежа. Знаете, он так будет звучать куда убедительнее…

Мне позволили разлечься на ковре. Но показанное меня не удовлетворило, почти со слезами на глазах я попросила разрешить прочесть еще раз. И снова недоумение, но мне разрешили.

Думаете, меня после таких стараний утвердили на роль? Черта с два! Хьюстон не видел во мне звездности, даже давление Хайда и Люсиль не помогло. У него была уже подобрана актриса на эту роль – Лола Олбрайт. Хитрый Хьюстон понимал, что Люсиль не решится прибегнуть к откровенному шантажу и не продаст его лошадей, не такова у нее натура, хотя для вида согласился на повторный просмотр.

Тогда Люсиль схитрила, она сообщила генеральному директору студии Луису Майеру, что в такой-то день и такое-то время у Хьюстона состоится важное прослушивание актрисы на важную роль.

– Никаких диванов и ковров на полу! И одеваться сама не смей! Вырядилась как завзятая шлюха! Выглядеть сексуально вовсе не означает оголяться до талии или задирать юбку, укладываясь на ковер.

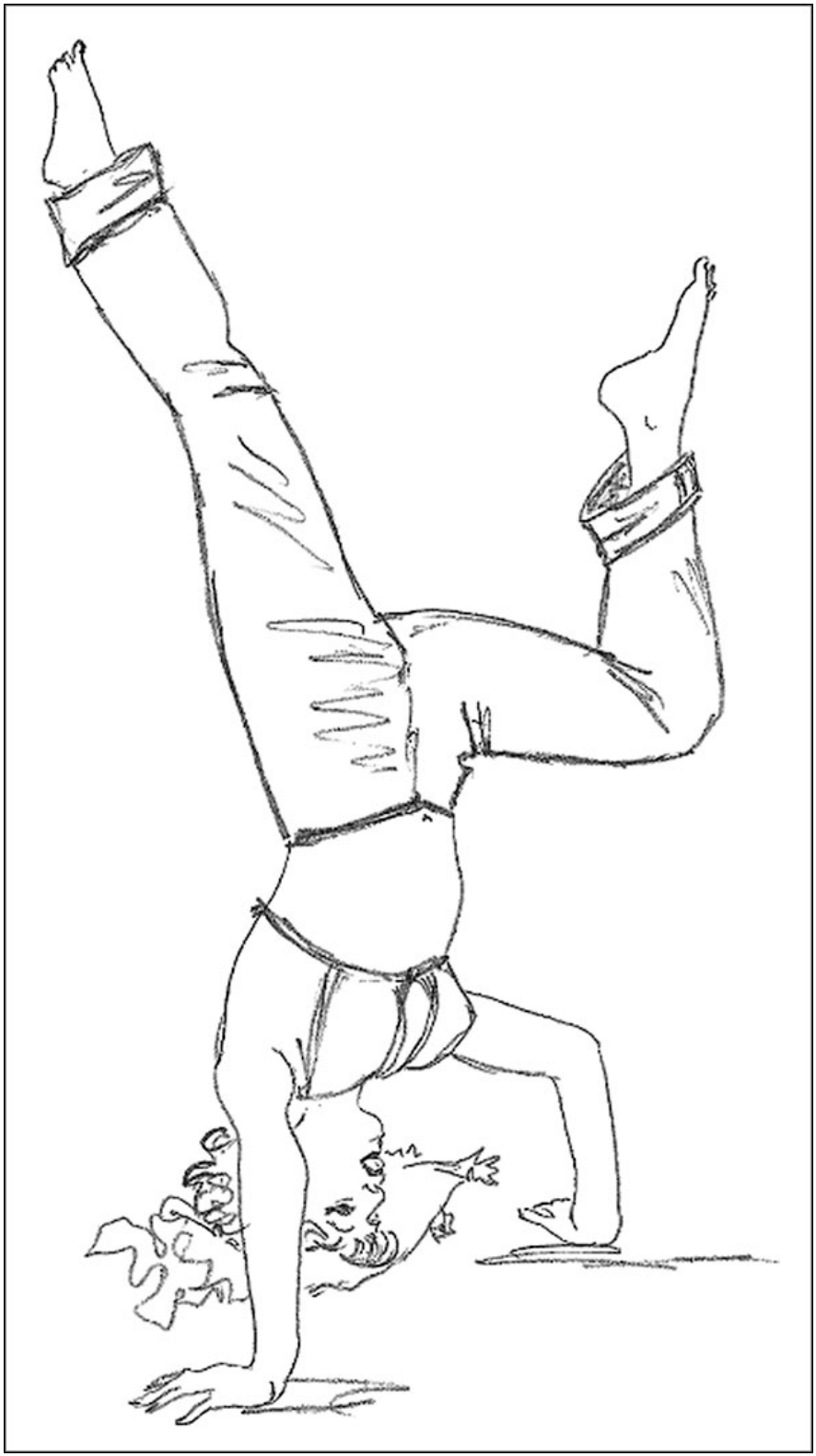
Люсиль бушевала долго, закончилось все походом к парикмахеру, долгими репетициями с Наташей и моим появлением перед Майером и Хьюстоном уже в совершенно ином виде. Я не укладывалась на пол, не пищала, но пыталась вспомнить себя с Шенком, потому что по роли любовник примерно на столько же старше моей героини – молодой секретарши, которая должна обеспечить алиби, подтвердив его присутствие в своей постели в определенное время.

Перед Майером, который пришел на просмотр, и Хьюстоном, который сидел с недовольным видом, я читала монолог Анджелы, которой сообщили, что она вскоре отправится в морской круиз. О, это великолепный монолог, хотя и очень коротенький, что хорошо, на пробах я длинный просто не выдержала бы, да и на

съемке тоже.

– Ты только вообрази меня на пляже в моем зеленом купальнике! Боже милый! Я ведь чуть не купила белый. Нет, он великолепен, но не был бы таким классным. Пойми меня правильно, если бы я хотела чего-то суперклассного, я бы купила что-то французское! О… представляю: девочки, бегом ноги в руки, флотилия причаливает!

Глупость? Но я продемонстрировала изменение настроения героини от сознания, что вот-вот останусь одна, потому что моего покровителя просто посадят, до восторга из-за обещания попасть в круиз, если я обеспечу ему алиби. Конечно, обеспечу, что за вопрос, мне нетрудно сказать, что он валялся в моей постели, это часто бывало. А потом круиз… зеленый купальник, синее море и я – неотразимая и желанная!



Майеру откровенно понравилось, он повел бровью, и Хьюстону пришлось согласиться на мое участие в фильме. Хитрая Люсиль еще и осторожно добавила, что Лола Олбрайт требует за свое участие полторы тысячи долларов, а мне можно заплатить меньше.

Не знаю, видели ли Вы фильм, возможно, и не видели, хотя он получил «Оскара», вообще-то это довольно мрачный пример «черного» кино, и моя героиня Анджела Финлей была едва ли не единственным светлым и даже немного смешным пятном в разливе желчи и тоски.

Наташины наставления помогли, я действительно вспомнила и пожилого Шенка в первом эпизоде (когда должна играть, лежа на тахте), и свой страх перед полицейским в последнем эпизоде, когда приходится сначала врать, а потом сознаваться на допросе. Я впервые играла, действительно играла! Наташа при этом стояла в углу площадки и кивала мне в знак поддержки. Думаю, что, будь у меня не два, а десяток эпизодов, Хьюстон ни за что не согласился бы иметь такую помощницу.

Знаете, что мне предстояло играть? Сначала недовольство вторжением полицейского. Наташа требовала от меня действительно почувствовать раздражение и показать это ощущение. Героиня готова немного потерпеть, считая, что вполне достаточно сказать полицейскому пару слов о пребывании главного героя в ее постели и можно собираться в круиз. Но полицейский вовсе не глуп, он легко подловил Анджелу на вранье, вот тогда девушка перепугалась и принялась попросту флиртовать с ним, а потом откровенно призналась, что спала одна. В конце концов ее покровитель явно попадет в тюрьму, на его покровительство и круиз рассчитывать не стоит и ссориться с законом ни к чему.

Я вспомнила, что Джимми Догерти теперь работает в полиции, конечно, не расследует преступления, но все же представила, что сначала он вторгается в мою нынешнюю жизнь, а потом уличает меня во вранье. Это несложно, потому что, появись Догерти, я бы не стала рассказывать, что меня преследуют неудачи, а разоблачить меня не представляло труда.

Наташа Лайтесс права – если чувствовать то, что чувствует героиня, становится очень легко играть. Я сыграла! И мое имя появилось в титрах, правда, в самом конце длинного списка.

Завершив съемки своей крошечной, но такой важной роли, я вопила:

– Наташа, я сыграла! Я знаю, что отыграла отлично!

А моя наставница вовсе не захлебывалась от восторга, она просто сказала, что я все сделала правильно. Оставалось

выслушивать поздравления Хайда и Люсиль. А еще ждать одобрительные отзывы прессы.

Их не было! Представляете, Док, всего одна-единственная журналистка заметила меня в фильме! «Асфальтовые джунгли» номинировали на «Оскара», но Мэрилин Монро была совершенно ни при чем. Хьюстон просто пожал плечами:

– А чего вы ожидали, чтобы за два эпизода и ей преподнесли статуэтку?

Конечно, бывало, что и за два эпизода давали, ну, может, не два, но актеры получали «Оскаров» за роли второго плана, а меня даже позже, когда я стала самой знаменитой блондинкой Америки, на статуэтку ни разу не номинировали. Меня не любил не только Занук, но и все руководство Голливуда. Почему? Не знаю, но деньги я принесла студиям огромные.

Знаете, что сделали на МГМ? Они не продлили со мной контракт! Глава производства «Метро» Доур Шейри посчитал меня нефотогеничной.

Джонни, сообщая мне эту новость, думал, что я зальюсь слезами, но я… расхохоталась:

– Он неодинок, это же мне сказал Занук, вышвыривая из «Фокса».

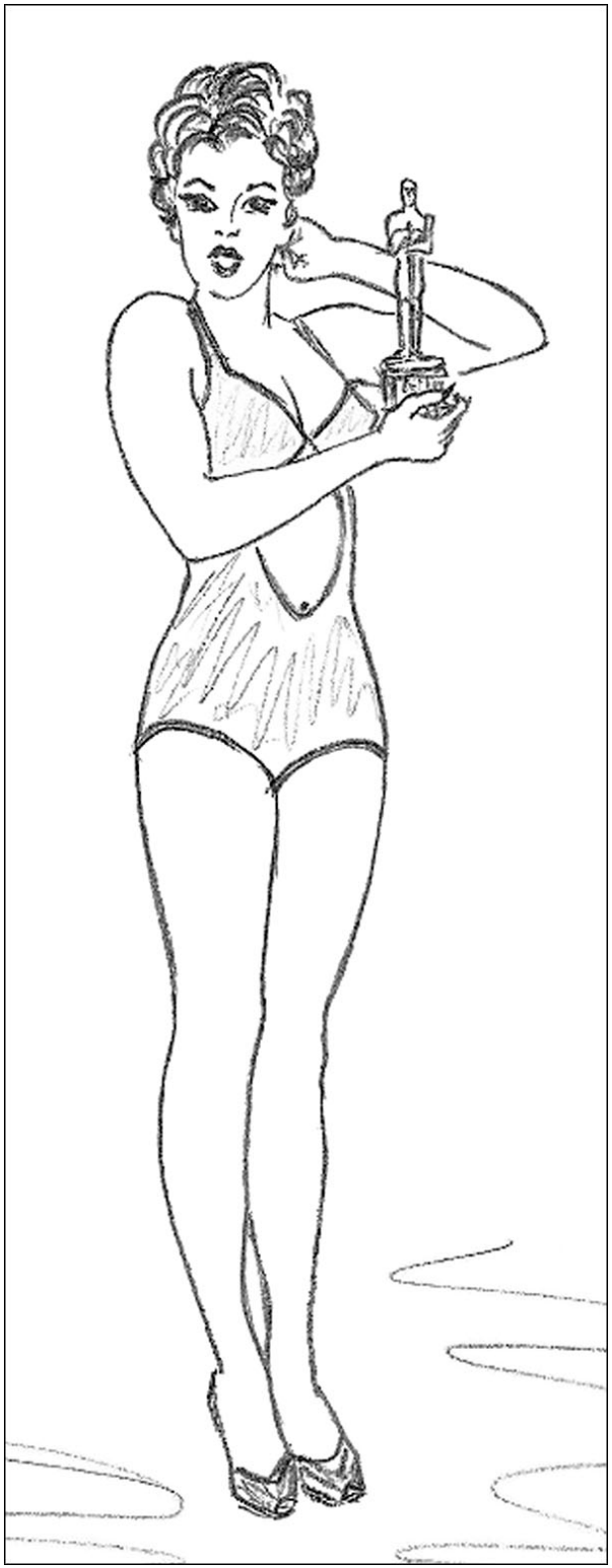
– Мэрилин, они не правы, они скоро пожалеют, очень скоро! Ты будешь звездой!

Милый Хайд, он так любил меня, так в меня верил! Даже сумел выторговать еще две эпизодические роли с парой слов в каждой, причем я вовсе не была уверена, что эти эпизоды не вырежут при монтаже, во всяком случае, моего имени в титрах не было.

Хороша звезда!

– Джонни, я стремительно становлюсь звездой вырезанных эпизодов, еще лет десять, и их перестанут вырезать из картин, а меня даже упомянут в титрах как ветерана массовки.

Я смеялась, что еще оставалось делать? Шли годы, а я не двигалась дальше эпизодов, и те приходилось выбивать с боем и хитростью. На каждой студии уже была своя блондинка, и второй не требовалось. Но ведь и брюнетки тоже были! Черт возьми, что же, сидеть без дела в ожидании смерти кого-то из них или устроить кому-нибудь автомобильную аварию?



«Оскара»… мне?! А я в купальнике…»

Я пыталась понять, как оказываются в главных ролях другие актрисы, как рождаются звезды? И ничего не понимала.

Наташа с Джонни советовали не отчаиваться и повышать свое мастерство. Интересно, Док, но каждый из них словно отвечал за одну мою половину – Хайд за внешность, а Наташа за наполнение, и каждый тянул в свою сторону.

Наташа учила работать над жестом, чувствами, советовала, что прочесть, какие выставки посетить, Джонни требовал следить за фигурой и ходил со мной по разным приемам. Я уже рассказывала Вам, что с его помощью сделала две операции, поправив нос и подбородок, осветлилась окончательно, укоротила волосы и под его влиянием снова начала бегать по утрам, заниматься с маленькими гантелями и прекратила есть что попало.

– Мэрилин, либо гамбургеры, либо талия!

Сам Хайд не мог составить мне компанию в пробежках, но следил, чтобы не пропускала.

Снова тянулись непонятные, хотя и весьма занятые дни, когда я проводила немало времени то в студиях фотографов, то в книжных магазинах, то на приемах, то в парке в спортивной одежде… Только теперь я не позировала на природе с овечками в обнимку, не лазала по горам и не стояла на лыжах, меня фотографировали в роскошных вечерних платьях, я демонстрировала бриллианты… Хайд был доволен:

– Видишь, малышка, это потому, что ты выглядишь приличной дамой, а не девчонкой из соседнего двора.

– Но при чем здесь кино?

– Мэрилин, они скоро поймут свою ошибку и пожалеют о ней!

– Джонни, ты единственный, кто в это верит!

Я все-таки расскажу Вам о фильме «Все о Еве», это последняя роль, которую для меня сумел раздобыть Хайд.

– Поверь, девочка, после этой роли не замечать тебя просто не смогут.

(Часть записи испорчена, и восстановить ее не удалось. Судя по отдельным сохранившимся словам, речь шла о съемках в фильме «Все о Еве». Сам фильм успешен, даже получил «Оскара», а игра Мэрилин отмечена критикой как удачная. Мэрилин Монро играла эпизодическую роль начинающей актрисы, готовой ради успеха на многое. Роль не принесла ей ни дивидендов, ни славы, ни даже продления контракта со студией. – Прим. пер.)

Меня все время ругают за опоздания на съемки. Никто не понимал, почему я заставляю ждать целую съемочную группу. А все очень просто – из-за страха. Да, да! Я очень боюсь камеры. Вернее, даже не камеру, я боюсь играть. Команда «Мотор!» повергает в ступор, а необходимость выйти под осветительные софиты и на глазах у десятков людей кого-то изображать вызывает дрожь в коленках.

Мне нужен кто-то, кто взял бы за руку и вывел на площадку. Так иногда делала Наташа Лайтесс, но очень быстро это стало мешать, я прямо в кадре вдруг начинала искать взглядом Наташу, чтобы увидеть ее одобрение или замечание. Я уже об этом рассказывала. Очень легко было с Билли Уайлдером, хотя я знаю, что актеры не слишком любят его манеру работы с актерами. Мне она нравилась. Я оказывалась на площадке как-то незаметно, и съемка начиналась тоже между прочим. Поэтому паники внутри меня не было, реплики запоминались и произносились легко…

Я не хочу рассказывать о себе последовательно, потому что то и дело возвращаюсь к одним и тем же фразам и мыслям. Лучше

по-другому.

Сегодня тема предательства и разрыва отношений. Можно?

Я много расставалась. Не представляю ощущения людей, которые долгие годы живут одной семьей, любят одних людей, заботятся друг о друге. Наверное, это правильно, но у меня все наоборот, все временно. С тех самых дней, когда меня стали передавать из семьи в семью, я привыкла, что любая душевная и духовная связь ненадолго, любой дом временный, любая семья тоже.

Это сказалось и на моих отношениях с людьми, даже мужчинами. Я очень быстро привязываюсь и так же легко расстаюсь и забываю.

(Пропуск на пленке, возможно, стерто намерено. О чем была запись, не ясно. – Прим. пер.)

Если я скажу: «Занук», Вы не вздрогнете? Я еще не надоела Вам этим именем? Если хотите услышать историю моей жизни дальше, придется терпеть и имя Даррил Занук.

Когда умер Джонни Хайд, у Занука рука не поднялась разорвать готовый, хотя еще не подписанный со мной контракт на семь лет с 500 долларами еженедельно. Он выполнил свое обещание Хайду, принял меня на студию, причем это уже была зарплата не старлетки, а актрисы и для меня означала вполне приличное существование.

Но на этом Даррил Занук свои обязательства перед Хайдом и передо мной тоже посчитал выполненными. Заключить контракт вовсе не означало давать играть. Нелепо? Как можно не давать играть актрисе, оплачивая ее пребывание на студии? Я прекрасно понимала, что через полгода Занук просто не продлит контракт с актрисой, имя которой не числилось ни в одном заявочном списке режиссеров «Фокса». Больше не было Джонни Хайда, который сумел бы разыскать подходящий сценарий и убедить режиссера вопреки мнению Занука взять меня на роль, пусть даже эпизодическую.

Нет, Занук вовсе не запрещал меня снимать, он меня не замечал, демонстративно не замечал. Знаете, это особого рода издевательство, вся студия прекрасно понимала, что руководитель производства всемогущий Даррил Занук не желает, чтобы меня снимали, хотя он этого вслух и не произносил. Умные люди умеют читать между строк и слышать непроизнесенное, а глупых на студиях вроде «Фокса» не держат.

Заступаться за меня некому, и ни один режиссер не рисковал ради какой-то блондиночки, пусть и симпатичной, идти против

воли Занука. Сам Даррил Занук не видел во мне ничего, что могло бы заставить его желать помочь. Наверняка, он уже забыл о моем отказе явиться к 16.00, просто помнил, что я ничтожество. «Пустая причуда Хайда» – так он выразился в разговоре с одним из руководителей студии.

Положение было отчаянным, как я ни старалась хорошо выглядеть, бегала по утрам, следила за своим весом, очень много занималась с Наташей, а потом и в студии у Михаила Чехова, для «Фокса» я не существовала. Но это означало, что не существую и для всех остальных студий тоже. Понимаете студийную зависимость? Новое лицо на экране всегда риск, я это прекрасно знала. Приглашать на приличные роли актрису, которой не находят таковых на собственной студии, никто не будет. Всегда вставал вопрос: а почему ее не используют у «Фокса»? Все верно, если никто из режиссеров «Фокса» или «Коламбии», на которых я снималась в эпизодических ролях, не нашел для меня чего-то приличного в других картинах, то к чему вообще вспоминать о такой актрисе?

Вот когда я осознала, что потеряла со смертью Джонни Хайда! Это был не просто любовник, друг и наставник, это моя палочка-выручалочка, Джонни давно бы уговорил кого-нибудь снять меня. Мало того, в агентстве Хайда тоже считали меня виновной в смерти Джонни, а потому вовсе не желали заниматься моими делами. Положение хуже не придумаешь: актриса, которую не любит Занук, не имеющая агента и уже в возрасте. Похоже, все в Голливуде стали считать, что я просто причуда Хайда, но Хайда не было, и никто не собирался потакать его бывшей причуде.

Я пятый год работала в Голливуде, хотя «работала» – это условно, скорее числилась. И за пять лет с десяток ролей, о которых критики просто не вспоминали, в фильмах, которые зрители забывали на следующий день после премьеры. Кто я? Что я? Иногда возникал вопрос, что я вообще в Голливуде делаю, кроме ожидания? Но ждать можно бесконечно…

Наташа учила и учила актерскому мастерству, но к чему это мастерство, если на съемочную площадку не допускают?

Конечно, в Голливуде у меня были друзья, даже такие, кто не считал меня виноватой в смерти Хайда. Один из приятелей – Сидней Сколски. Тоже достаточно взрослый, тоже с русскими корнями, Сколски занимался репортажами из Голливуда, а по сути, просто сплетнями. С Сиднеем мы были знакомы еще со времен моих съемок для журналов в «Синей книге», и теперь в Голливуде он один из немногих пришел мне на помощь после смерти Хайда. Не знаю, считал ли Сколски меня способной

актрисой тогда, но он стал создавать вокруг меня шум. А еще он все-таки рискнул посоветовать Зануку использовать именно мою внешность, а не способность играть. Мне так хотелось на съемочную площадку, что я была готова и на это, но даже роли безголосых статуй не предлагали. Бывали минуты, когда я мечтала о роли дамы с собачкой, нет, не чеховской, о которой столько рассказывала Наташа, а простой дамы со щенком на поводке, которая просто прошлась бы на заднем плане в каком-нибудь серьезном фильме, и этот эпизод ввиду важности для главных исполнителей не вырезали. Какая уж тут Нора Ибсена!

Извините, я ненадолго отвлеклась, пришлось сходить на кухню за стаканом апельсинового сока. Я очень люблю сок, а Вы?

Так вот, помог мне именно Сколски, но не уговорив Занука (мне казалось, что это вообще невозможно), а дав дельный совет.

Весной 1951 года руководство «Фокса» устраивало прием для прокатчиков. Занук ворчал, мол, до чего дошло, раньше прокатчики выстаивали очереди у кабинетов руководителей студий, чтобы выразить свое нижайшее почтение, а теперь приходится ублажать их. Что-то там действительно произошло на государственном уровне, я мало этим интересовалась, но теперь студии не могли навязывать прокату фильмы в нагрузку, те имели право выбирать. Это означало, что множество пустых картин просто невыгодно снимать и за каждый фильм, который попадет в кинотеатры, нужно бороться уже не прокатчикам, а студиям. Понятно, что в такой ситуации Зануку вовсе не до «причуды Хайда», но мне-то что делать?! Семилетний контракт вполне мог превратиться в годовой, как было с самым первым моим контрактом с «Фоксом».

Сколски призывал не унывать и воспользоваться устраиваемым приемом.

– Как?!

– Занук – это еще не весь «Фокс», на встречу с прокатчиками приедет Спирос Скурос, именно он может сказать решающее слово. Постарайся обратить на себя его внимание.

Я обратила.

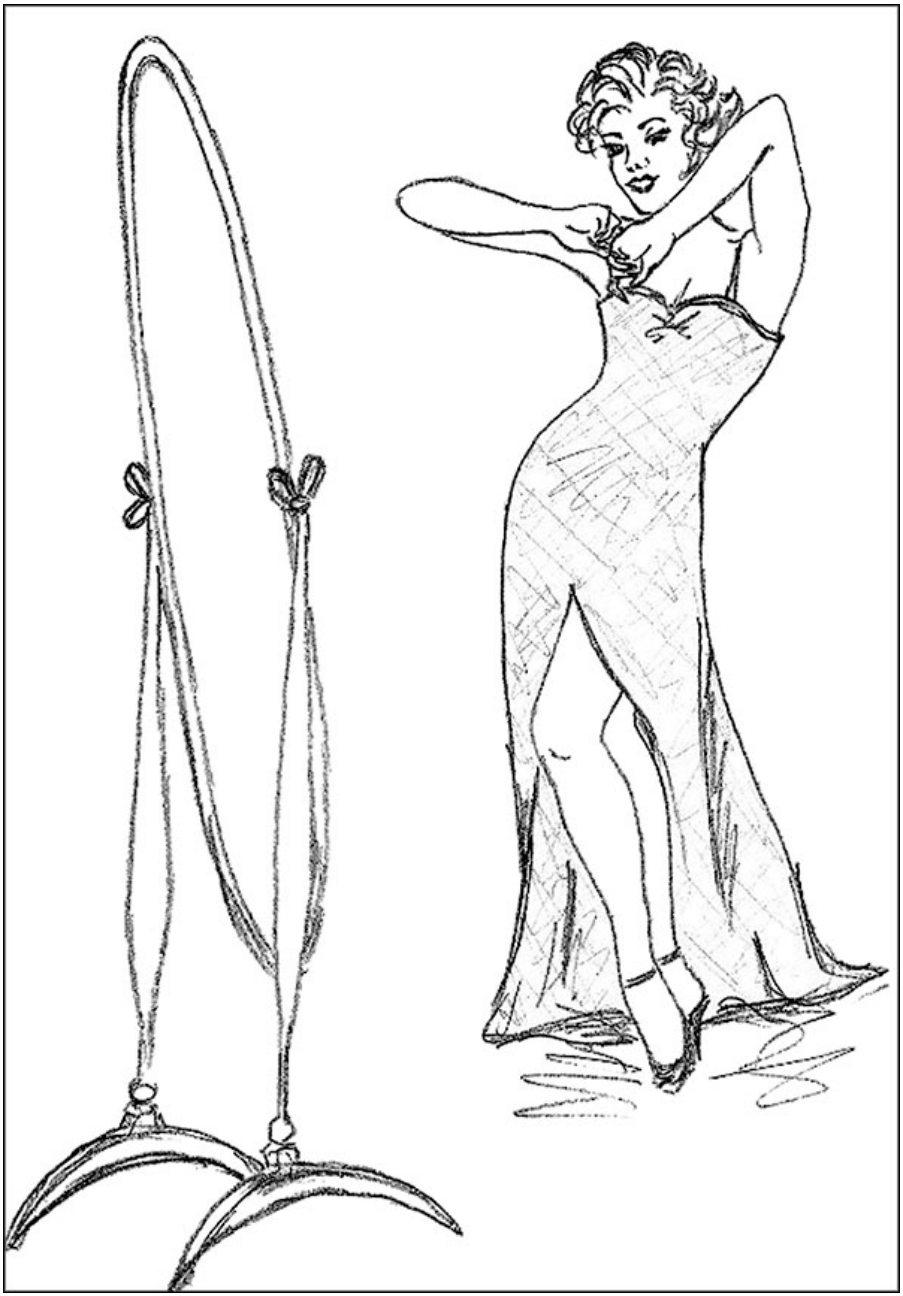
Помните, я говорила, что если бы от чьей-то ненависти умирали, то Занук должен бы давно быть похоронен. Хорошо, что не умирают, потому что в тот вечер погибнуть должна была бы я.

Как обратить на себя внимание, если на прием приглашены ведущие актеры и актрисы «Фокса»? Я придумала. Платье было столь откровенным и облегающим, что в нем даже двигаться трудно, но чтобы обратили внимание даже на такой наряд, потребовалось пойти на хитрость. Конечно, меня как кинозвезду

никто на прием не приглашал, мне полагалось быть на нем в качестве мебели как обычной старлетке. Приди я вместе со всеми и встань в стороне, так и простояла бы в своем сногсшибательном наряде на заднем плане, разве кто-то из журналистов предложил бы выпить и провести ночку в дешевом отеле.

Но я вспомнила, как являлась на приемы у Шенка, лучше всего прийти с опозданием, когда все ко всем уже пригляделись, выпили по первой, а то и второй рюмке, когда все уже не столь строги и достаточно раскованны. Нужно было только не слишком опоздать, мне это удалось.

Весь день красилась и делала прическу, десяток раз смывала макияж и накладывала снова, несколько раз переодевалась, потому что казалась сама себе толстой, неуклюжей или слишком вульгарной. Когда уже была на месте, вдруг остановила спешившего с подносом официанта, взяла фужер и решительно глотнула шампанского. Официант заговорщически улыбнулся и сделал знак, что все о’кей.



Выждав минутку за дверью, пока несколько стихнет шум, поднятый чьей-то речью, я скромно скользнула в зал и практически остановилась посередине, словно заблудившись и ища глазами знакомых. При этом, старательно изображая растерянность, я все же лучилась радостью от присутствия стольких значимых лиц.

До сих пор помню мгновенно установившуюся тишину. Она длилась несколько секунд, которые показались вечностью.

Честное слово, было слышно, как с трудом проглотили комки в горле с десяток мужчин.

– В каких фильмах Вы снимаетесь и намерены сняться в ближайшее время, мисс Монро?

Мисс Монро сыграла блестяще, смею Вас заверить. Я очень-очень скромно со вздохом потупила глазки:

– Об этом лучше спросить у мистера Занука…

Помню, мелькнула мысль, что теперь либо он мне все же даст роль, либо выгонит даже ценой выплаты неустойки.

Господи, я была звездой приема! Толпа журналистов вокруг, приглашение к прокатчикам, всеобщее внимание… А потом было приглашение за стол к самому Спиросу Скурасу! Говорят, он тоже поинтересовался, в каком фильме я снимаюсь, и, услышав, что ни в каком, издал рык, который не все услышали только из-за шума вокруг меня:

– В первой же картине!

Прием сработал, и совет Сколски тоже, я получила роль в первом же запущенном фильме, но Занук остался верен себе, роль снова была не просто эпизодической, а катастрофически короткой и пустой. Ну что ж, и то хлеб, по крайней мере, можно быть уверенной, что еще на полгода контракт продлят… пока Скурос и прокатчики не забудут эффектное появление полуодетой блондинки.

И ведь забыли бы, если бы не несколько скандалов сразу. Обо мне писали не меньше, чем о звездах, снимающихся в главных ролях, мои фотографии то и дело появлялись на страницах журналов и в разных буклетах, фотографы в отличие от Даррила Занука не считали меня нефотогеничной и щелкали затворами с удовольствием. Роль дамы с собачкой я играла почти ежедневно, но только перед фотоаппаратами, а не перед кинокамерой. Масса снимков в стиле Пинап, которые так нравились американцам тех лет (да и сейчас нравятся), на них хорошенькие девушки демонстрируют стройные ножки, делали героинь съемок не менее популярными, чем актрис. Все вполне пристойно, видны только ножки до верха чулок, я никогда не снималась для картинок, на которых у девушки падали трусики, такие тоже модны.

Я понимаю, что серьезные люди не разглядывают подобные картинки, потому поясню. Это просто красивые картинки красивых девушек, сделанные на основе фотографий, то есть модель фотографировали за каким-то занятием, а потом уже по фото рисовали. Обычно ветер приподнимал юбку натурщицы и оголял ножки до уровня бедер, все пикантно, но достаточно

пристойно.

И вдруг…

Я и забыла о том, что позировала обнаженной, когда сидела без работы. Получила свои совсем небольшие деньги, заплатила первоочередные долги и выбросила из головы темно-красный бархат, в котором выгибалась, как кошка.

Но фотографии никуда не делись, они стали основой календаря на 1953 год! Том Келли продал снимки довольно дешево, тоже не получив больших дивидендов, а новые владельцы решили использовать их только сейчас. На фото внешность Нормы Джин – золотистые волосы, никакого исправленного носа или подбородка, но как раз это не видно.

Бомба взорвалась! Фотографии оказались столь красивыми (молодец Том!), что календарь расхватали, и изображения моей обнаженной фигуры висели в барах и парикмахерских. Кому пришло в голову соотнести Норму Джин на красном бархате и Мэрилин Монро, только пробивающуюся на студии «Фокс», не знаю. Рассказывали, что неизвестный позвонил Джерри Уолду, продюсеру «Ночной схватки», которому меня с видимым удовольствием «одолжила» на этот фильм студия «Фокс», и потребовал десять тысяч долларов за молчание.

Конечно, эта информация могла вызвать (и вызвала) немалый скандал, ведь там была обнаженка, пусть очень скромная, но все же. Актриса «Фокса» снимается в обнаженке для календарей, какой кошмар!

Знаете, я не понимаю людского ханжества. Мы любуемся картинами великих живописцев, с восхищением разглядываем гениальные скульптуры, ахаем и цокаем языками, при этом ничуть не смущаясь, что Даная, вовсе не имеющая красивого тела, обнажена, что голые самые разные Венеры, множество богинь и богов… Почему изображение красивого тела, созданное давно, – это искусство, а красивое (я в этом уверена) тело на фотографиях, сделанных три года назад, – распутство и преступление? В снимках Тома Келли не было ничего распутного, ничего развратного, просто лежащая на красном бархате девушка, в моих позах, поверьте, тоже не было чего-то страшного. Между прочим, Тому ассистировала жена.

Если Джерри Уолда и шантажировали, то он снес это молча, не сказав о шантаже мне, хотя должен бы сделать это в первую очередь. Нет, Уолд даже не поинтересовался, действительно ли я снималась в таком виде, не рассказал никому. Именно поэтому я не поверила его рассказам и подозревала, что Элайн Мосби сообщил именно он или кто-то с его подачи.

Это вселенский скандал – попасть на язык Элайн Мосби по

поводу фотографий в обнаженном виде! Мозли тут же потребовала объяснений, но, конечно, не от Уолда, а у студии «Фокс». Я была в ужасе, на студии от меня потребовали все отрицать, мол, это не я, а очень похожая на меня модель, может, пронесет.

Сидней Сколски, выслушав мои сбивчивые объяснения, рассудил иначе: все равно тайное станет явным, возможно, где-то даже зафиксировано, что на снимке именно я, если правда раскроется после моего отрицания, будет только хуже. Сколски посоветовал говорить, как было, но объяснить, что меня в тот момент могли просто выбросить на улицу за долги. Я добавила:

– И машину отобрали…

– Вот! Именно это и скажи! И не надо ничего отрицать. Жалостливее, жалостливее…

Я объявила, что скажу правду. Администратор студии едва не рухнул в обморок, уже понимая, что меня ждет за такой проступок и теперь такую непокорность. Но потом пожал плечами, в конце концов это прекрасная возможность избавиться от обузы, какой я стала.

Знаете, львы рычат, это страшно, многие животные рычат, будучи разъярены. А вот змеи шипят, и это куда страшнее любого рыка. Занук шипел. Если он мог, непременно придушил бы меня, но потом посмотрел внимательно и вдруг заявил, что можно попробовать.

Я сама позвонила Мозли и рассказала ей жалостливую историю появления календаря, который сейчас висит в каждом баре или гараже. Не знаю, поверила ли мне Элайн, возможно, нет, не столь уж она наивна, но почувствовала, что это великолепный сентиментальный сюжет для размышления, как быть девушке (сиротке!), когда у нее нет денег на жилье и возврат машины.

Скандальное фото для календаря 1953 года

Конечно, это был скандал!.. Но есть скандалы, которые способствуют популярности замешанных в них куда больше любой рекламной кампании. Безо всяких усилий, лишь на моей откровенности и фильм «Ночная схватка», и студия «Фокс», не говоря уже обо мне самой, стали безумно популярны. Календари скупили за два дня после репортажа, пришлось выпускать еще и еще, теперь мое тело на красном бархате и впрямь красовалось на стене каждого гаража.

Студия тоже заказала свою партию календарей для… раздачи представителям прессы и прокатчикам. Это было нечто невиданное, вместо осуждения и повторного позорного изгнания со студии я получила сумасшедшую известность. Не рад только один человек – Даррил Занук! Я превратилась в его непрерывную головную боль, а он в мою.

Занук – предмет не просто моей ненависти, он кошмар моих снов, даже по ночам я не переставала его бояться и ненавидеть. И, между прочим, именно из-за него стала принимать повышенные дозы снотворного, Занук косвенно виноват в моей зависимости от барбитуратов.

Но, Док, это были не все скандалы. Сейчас я Вам расскажу о втором.

Знаете, чем примечателен тот период? Я наконец закрепилась на студии, состоялись многие очень важные для меня знакомства, но не менее важно и то, что я стала публичным человеком, с ужасом осознав, что каждый шаг, каждое сказанное слово, каждый поступок даже в прошлом отныне будут на виду, будут обсуждаться и критиковаться куда больше сыгранных мной ролей.

Док, это изнанка славы. Одно дело то, как ты выглядишь сейчас, что делаешь, что говоришь, с кем знакома или незнакома, кто тебя не любит. Но отвечать приходится и за то время, когда звездой не была. Вы понимаете, о чем я? Мэрилин Монро пришлось отвечать за Норму Джин, и хотя в поведении Нормы Джин ничего предосудительного не было, именно когда Норма становилась Мэрилин, можно найти немало поводов для обливания грязью.

Нашли.

Никакая она не сирота! У Мэрилин Монро, которая вообще-то Норма Джин, жива мать. А сама Норма Джин незаконнорожденная!

И снова я отказалась лгать, зачем, ведь обязательно найдется ушлый журналист, который раскопает и Джима Догерти, и Глэдис Бейкер.

Да, я не сирота, но моя мама, бывшая монтажер пленки в Голливуде, давно больна, настолько давно, что я и не помню нормальной с ней жизни (мама, прости меня, но это так). Она находится в больнице штата, но я все время помогаю ей, помогала и тогда, когда самой было нечего есть, это тоже причина, чтобы сфотографироваться лишний раз. Теперь, когда на студии у меня уже приличная зарплата, Глэдис переведена в частную клинику, и ей назначен официальный опекун. Спасибо студии «Фокс» за предоставленную возможность сниматься и зарабатывать не только для себя, но и на содержание больной матери.

Представляете, что было? Не знаю, скрипел ли зубами Занук, шипел ли или молча пил, но лучшей рекламы мне и студии не придумать. Америка простила обнаженку и наличие сумасшедшей матери, она была влюблена в Мэрилин Монро, которая так красива и так несчастна! Совершенно пустые фильмы имели великолепные кассовые сборы, потому что «там играла девушка с календаря».

На студию письма приходили уже не десятками и не сотнями, а десятками тысяч. Занук был вынужден выделить несколько человек, которые бы просто разбирали эту почту и под копирку отвечали большинству. Говорят, первое время Занук не верил, считая цифры подтасовкой, пока однажды своими глазами не увидел мешки неразобранной корреспонденции. Он рявкнул, чтобы не смели заваливать студийные помещения макулатурой, пришлось объяснять, что отдел просто не успевает сортировать корреспонденцию, приходящую мисс Монро.

Знаете, Док, я в это время спала с Элиа Казаном, он прекрасный режиссер, и я мечтала, что у него не хватит совести отказать мне в приличной роли. Но Казан такой же подлец, как все остальные. Стоп! Имею ли я право обвинять его, если сама была любовницей, не любя ничуть? Он использовал меня, как я пыталась использовать его, разница лишь в том, что ему удалось, а мне нет.

Это время, когда внутри окончательно окрепла Мэрилин.

Представьте актера, который, завлекая публику, расхаживает в огромной маске какого-нибудь сказочного персонажа, или клоуна, на лице которого нарисован большой рот, а на голове ярко-рыжий парик, или даже Чарли Чаплина с его большущими башмаками, усиками и старательно подведенными вниз уголками глаз. Вы же прекрасно понимаете, что за кулисами огромная маска будет снята, парик повиснет на вешалке, большущие туфли встанут в уголке, размалеванный рот смыт, а усики отклеены.

Никому в голову не приходит, что у актера такая голова, что он огненно-рыж, или что у Чаплина ступня в полтора раза больше нормальной. Или что у него столь нелепая походка.

Меня же воспринимают только как мою роль. Только, Док! Эту сексапильную блондинку мы создали нарочно, чтобы привлечь ко мне хоть какое-то внимание, потому что заикающаяся, трясущаяся от страха Норма Джин ни за что не смогла бы стать актрисой, ни за что! И никакие занятия ни у Михаила Чехова, ни у Ли Страсберга, ни у Лоренса Оливье не помогли бы Норме Джин заставить режиссеров дать роль.

А ведь Занук видел это, он нутром чуял во мне совсем другую, вовсе не сексуальную, а очень пугливую, дрожащую, неуверенную в себе актрисочку, он видел Норму Джин и не верил, что Мэрилин Монро способна победить. Занук был прав. Но как же я его ненавидела за эту прозорливость, сама того не понимая! Думаю, что он сам не понимал, в чем дело, не понимал, что же так нравится зрителям, почему одно мое появление на экране электризует весь зал. Даррил Занук не видел актерской игры, потому что я не играла.

Слушайте внимательно, Док, это откровение, которого я не делала никому. Мэрилин Монро не играла в фильмах, она не могла играть, потому что сама образ, роль, искусственное создание! Если Вы видели мои фильмы, вспомните ли хотя бы один успешный, где Мэрилин Монро не была Мэрилин Монро? Таких нет, хороши только те роли, в которых я играла Блондинку, но стоило попытаться этой Блондинке изображать кого-то еще, как появлялась неуверенность, все старания Полы Страсберг добиться, чтобы я перестала трястись и начала играть, разбивались о мой страх. Но это было позже, а тогда Мэрилин показала свою силу, а я была довольна и напугана этой силой одновременно. Это как стоять на краю пропасти, сознавая, что шаг в пустоту будет последним, и с замиранием сердца желать сделать этот шаг…

Удивительно, но Наташа Лайтесс, которая помогла мне создать образ Блондинки, тоже ничего не понимала, она словно не видела вот этого раздвоения. Да, это Наташа помогла мне придумать походку, при которой ступни последовательно ставятся на одну прямую, пятка одной ноги почти примыкает к носку другой. При этом бедра начинают откровенно вилять. Говорят, сзади оторваться от таких бедер невозможно.

Но Наташа же меня за эту вульгарную походку и ругала, твердя, что вовсе не ради виляния задом предложила ее. Наташа помогла мне надеть образ Мэрилин, словно пальто, и, как все остальные, не желала замечать, что я хотела бы снять маску хотя

бы дома, что желаю быть Мэрилин только на экране, на съемочной площадке!

Никто не желал этого замечать, никто! И до сих пор не желают.

Хорошая идея – снять фильм об актрисе, к которой так приросла ее роль, что она не может перестать играть. Это был бы автобиографический фильм о несчастной Мэрилин Монро (или Норме Джин?). Нет, я не буду снимать такой фильм, знаете почему? Потому что мне не поверят! Не поверят, что под маской Мэрилин Монро есть совсем другой человек. Боюсь, что этот человек не будет интересен зрителям, им не нужна Норма Джин, им нужна белокурая курва с глуповато приоткрытым ртом и глазами с поволокой.

Я пыталась, возвращаясь домой, снимать образ и словно вешать его в шкаф, как одежду, ходила в свитерах на размер больше, а не меньше, завязывала волосы резинкой на затылке, подвязывала косынку или надевала черный парик… Но каждый раз убеждалась, что, какой бы ни была в действительности, я всем нужна только в качестве Мэрилин. Даже Наташе, которая, казалось, должна бы видеть меня иной.

Мэрилин была в тысячу раз успешнее Нормы Джин. И дело не в том, что на нее оборачивались, ей писали мешки писем, ее хотели видеть на экране, ей простили все прегрешения, даже позирование голышом. Игра на площадке Мэрилин тоже давалась легче, чем Норме Джин!

Как это? А вот так! Я страшно переживала на каждой съемке, боясь сыграть плохо или перепутать текст, то и дело плакала, покрывалась красной сыпью, меня рвало перед каждым дублем, приходилось поправлять грим, снова краситься, что нервировало остальных актеров. Опытные актеры и особенно актрисы не могли простить мне непрофессионализма, запинок, неспособности выучить, а вернее, с ходу произнести даже небольшой текст. То и дело слышалось:

– Что это за дилетантка?! Сколько мы будем ждать какую-то старлетку?!

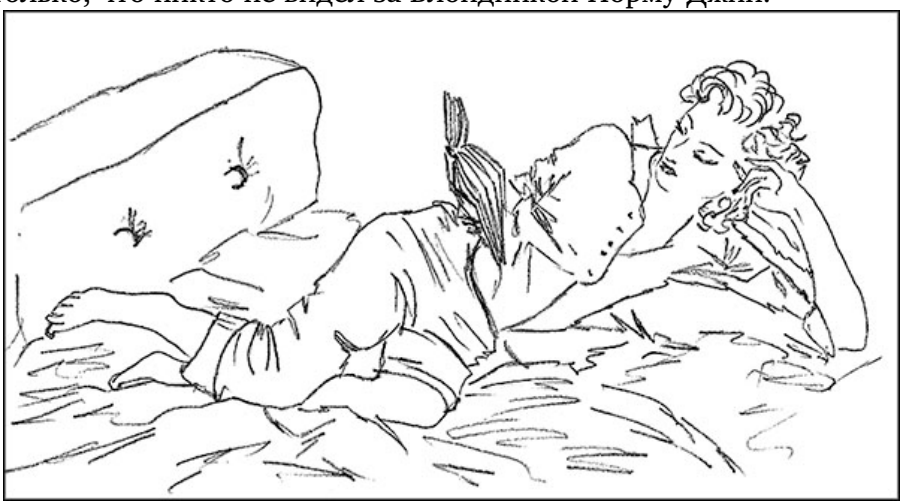
Но стоило мне забыть, что нужно играть кого-то, и на площадке появлялась Мэрилин Монро, которая легко произносила любой текст, делала не заученные, а свободные жесты, импровизировала, она не играла, а купалась в лучах прожекторов, она жила жизнью роли, вернее, своей собственной, но в рамках сцены и указаний режиссера.

Однажды Элиа Казан оказался невольным свидетелем вот такого превращения и потерял дар речи. Он рассказывал, что стоял оглушенный, растерянный, понимая, что видит чудо. Но

закончилась сцена, чудо померкло, перед ним снова была перепуганная, со слезами на глазах от неуверенности Норма Джин в оболочке Мэрилин Монро.

Так, может, Джонни Хайд был прав, когда твердил, что мне нужно играть легкие роли в легких фильмах, что мой удел именно Блондинка, которой достаточно только появиться на экране, ничего не произнося? К чему сценарий, к чему роль, репетиции, переживания, если зрители все равно ничего не помнят и даже не видят, кроме этой Блондинки. Я пыталась у умных серьезных людей спрашивать, помнят ли они мои роли. Блондинку помнили, даже были очарованы, помнили сияние, а вот что говорила вообще, что именно играла, не помнили. Не было роли, была лишь ОНА – Мэрилин Монро!

Недаром многие актеры отказывались со мной играть. Кто-то делал вид, что из-за моей необязательности, трудного характера, актерской беспомощности, а в действительности просто потому, что всех остальных на площадке переставали замечать, стоило появиться Мэрилин. Одно присутствие на экране Блондинки переключало на нее внимание настолько, что остальные персонажи становились словно ненужными. Я их понимала, кому же из звезд хочется обслуживать старлетку-Блондинку? Обидно только, что никто не видел за Блондинкой Норму Джин.



Видите, я начала говорить о Мэрилин в третьем лице. Но это так и есть, понимаете, моя роль начала собственную жизнь в кино, и я десять лет то послушно следую за ней, то борюсь. Если делаю первое – я успешна внешне и несчастна внутренне, если второе – то несчастна и так и так. Большинство людей не понимают, чего же мне не хватает, если у меня есть обожание миллионов, были мужьями знаменитые люди Америки, деньги, слава, любовники… А несчастна всегда Норма Джин, Мэрилин

стала несчастной недавно, когда я все же попыталась отвести ей ее место. Наверное, так чувствовал бы себя Чарли Чаплин, если бы к нему насовсем прилипли усики и котелок с ботинками. Нельзя быть все время в роли, тем более такой, которую обожают миллионы.

Все, больше сегодня не могу, простите, Док, потом… Мне плохо, очень плохо от понимания, что когда-то, надев эту очень успешную роль, я погубила собственную жизнь. Сумею ли снять?

Нужно ли? Иногда кажется, что нет.

Или проще выпить упаковку таблеток и запереть дверь…

Док, Вы спросили о моем любимом занятии. Интересно, какого ответа Вы ожидали, о чем думали, о сексе?

И еще, кого Вы спрашивали, Норму Джин или Мэрилин Монро? Если Блондинку, то она больше всего любит разглядывать себя в зеркале, а у Нормы Джин вот любимое занятие, видите? Я читаю, в любую свободную минуту берусь за книгу. Многие считают, что это игра на публику, никто не верит, что я разбираюсь в теории Фрейда, неплохо знаю русскую литературу, люблю Достоевского, Джойса, Стейнбека, Пруста, Ибсена, вообще люблю серьезную литературу, живопись… Знаете, меня часто пытаются подловить журналисты, считая, что я называю имена героев и фамилии писателей только по подсказке помощников. Иногда смотрю на обидчиков и по вопросам понимаю, что они сами не читали того, о чем спрашивают, мне несложно их осадить, даже опозорить, но я не могу позволить себе сделать это, потому что завтра же в мой адрес будет вылито безумное количество грязи. Приходится выкручиваться, шутя и играя дурочку.

Вот умру и буду лежать красивая-красивая…

Играть Мэрилин несложно, совсем несложно, но почему же никто не желает видеть эту мою талантливую игру, никто не замечает, что я играю, каждую минуту на публике играю?!

Кажется, уже не только на публике… Просто, когда тебя не желают воспринимать никем, кроме как Блондинкой, приходится надевать ее маску даже дома. Иногда я бунтую, перестаю за собой следить, толстею, не желаю краситься или выходить из дома. Но потом понимаю, что выйти рано или поздно все равно придется, встряхиваюсь, худею, влезаю в обтягивающие платья Блондинки и надеваю на лицо улыбку, а морщинки замазываю гримом… Всем нужна Мэрилин Монро, никто не желает видеть толстую и ненакрашенную Норму Джин. Никому не интересно, что там внутри, зачем заглядывать внутрь, если есть красивая оболочка?

В прошлый раз я рассказывала Вам, как добилась ролей, которые уже не вырезали при монтаже. Неправда, это не я добилась, это Она. Мэрилин Монро так нравилась зрителям, что даже Даррил Занук оказался вынужден закрыть глаза на Норму Джин и подписать очередной контракт с ненавистной ему Мэрилин.

Господи, сейчас мы ненавидим ее одинаково! Кто бы мог подумать, что через десять лет я приду к тому же, что Занук чувствовал давным-давно? Интересно, а если бы он оказался стойким и не взял меня на студию, я стала бы актрисой Нормой Джин Бейкер, играла бы серьезные роли в театре или все же скурвилась и погибла в безвестности?

Думаю, ни то ни другое, слишком известна Мэрилин Монро, слишком любили зрители эту Блондинку, чтобы она осталась не у дел, не Занук, так Кон или еще кто-то пригрел бы красотку на своей студии. Мэрилин Монро уже была, и была сильна. Это Норма Джин покрывалась от страха сыпью и глотала успокоительное перед каждой съемкой, Мэрилин ничуть не переживала, она легко сводила с ума окружающих мужчин, спокойно обнажалась в случае необходимости и за словом в карман не лезла. Норма Джин ждала одобрения, поддержки, тряслась и плакала в уголке из-за недостаточно хорошо сыгранной сцены. Мэрилин такие мучения неведомы вообще, ей достаточно просто выйти и улыбнуться, остальное не замечали. Норме Джин не прощали запинок, Мэрилин сходило с рук все.

Док, вспомните мои фильмы (если их вообще можно вспомнить), Вы сразу поймете, когда верх одерживала Мэрилин. Да, это «Джентльмены предпочитают блондинок», «В джазе только девушки», «Зуд седьмого года», «Автобусная остановка», в какой-то степени «Принц и танцовщица» и «Река, не текущая вспять». В остальных шла борьба между Нормой Джин и Мэрилин Монро, сначала, как в «Ниагаре» или «Как выйти замуж за миллионера», Норма Джин еще показывалась из-за набиравшей силу Мэрилин,

позже в «Неприкаянных» попыталась бороться и проиграла!

Док, на экране я проиграла Ей, в жизни, похоже, тоже…

От понимания проигрыша у меня депрессия, а депрессия – это новые большие дозы лекарств, от которых потом в голове сплошной туман, трудно сосредоточиться, трудно понимать, что говоришь и делаешь.

Две звезды…

Мне надоела эта красивая курва, надоело о ней рассказывать. Нужно срочно вспомнить какие-нибудь веселые съемки, когда мне работалось легко, пусть и в образе Мэрилин.

Нет, я расскажу Вам о Джо Ди Маджио. Сейчас, когда мне плохо, я вспоминаю Джо. Он единственный, кто любил и любит меня по-настоящему. Да, ему нужно тело Мэрилин, но он не требует, чтобы я носила эту оболочку постоянно.

Ди Маджио Вы не можете не знать, он такой же любимец Америки, как и Блондинка. Джо был капитаном команды «Янки», он действительно гениальный бейсболист и очень хороший человек.

Когда мы встретились, я была больна мыслью о замужестве с Артуром Миллером. Как такое возможно, ведь он женат? Но это же мечта… Вот выйду замуж за Миллера, и все поймут, что я вовсе не дура, что я – это не Она.

Но Артур был далеко, несколько раз написал, но не больше, и хотя я знала, что его семья разваливается, предпринять ничего не могла. Да и не хотела. Миллер – это почти мечта, которая хороша именно своей недостижимостью, тем, что к ней можно стремиться.

Артур был далеко и высоко, слишком высоко для меня тогдашней, а жизнь продолжалась. И в ней вдруг появился Джо Ди Маджио. Джо – это нечто большое, просто огромное, за чем можно спрятаться, к чьему плечу можно прислониться, под чьей защитой укрыться. И я была полной дурой, когда от этой защиты отказалась, почувствовав себя слишком сильной. Нет, не я, а эта курва-Блондинка, она, видите ли, все могла сама, была уже слишком популярна, чтобы за кого-то прятаться!

Джо сделал себя сам, у него была семья, но помочь ничем не могла, если бы ни бейсбол, он, как и многие другие итальянские эмигранты, перебивался бы почти случайными заработками. Но в бейсболе его разглядели сразу, и вскоре популярнее игрока, чем капитан «Нью-Йоркских Янки», не было.

Я совершенно не интересовалась бейсболом, мне вообще не нравились грубые спортсмены, которые на стадионах цыкали сквозь зубы в стороны, а вне их ходили в скучных костюмах, застегнутых на все пуговицы, и старательно морщили лбы, прежде чем что-то сказать. Поэтому, когда предложили познакомиться со знаменитым бейсболистом, от одного появления которого на поле стонали стадионы, только поморщилась. Но нам все же устроили встречу на бульваре

Сансет.

Ди Маджио заметил меня на фотографии. Идиотский снимок, я якобы училась владеть битой у Джо Джобсона из «Чикаго Уйат Сокс». Таких пустых, на которых Мэрилин «каталась» на лыжах в купальнике, водила грузовик, размахивала огромным молотком или держала руль велосипеда так, словно иначе как на нем и не передвигалась, были тысячи, я их просто не помню.

Мне наплевать на биту, мяч и сам бейсбол, а вот то, что этим двоим также наплевать на меня, задело. Помню, что парни совершенно не умели фотографироваться, были зажаты и упорно смотрели туда, куда якобы полетел посланный мной мяч. Ладно бы в момент самой вспышки, но ведь и в следующий тоже! Стоять вплотную ко мне с выражением героя на постаменте, не пытаясь хотя бы исподтишка дать волю рукам, мог только деревянный мужлан. Если все спортсмены таковы, то от них лучше держаться подальше.

Мне совершенно не понравились спортсмены, хотя я понимала, что они смущены явной наигранностью сцены. Помню недоуменный взгляд рослого игрока, брошенный на мои ноги. Он явно хотел поинтересоваться, не намерена ли я выйти на поле в туфлях на высоком каблуке.

А как смутился, когда я подняла ступню едва ли не под нос:

– Недурно выглядят, не так ли?

Думаю, после этого перестала существовать для Джобсона совсем. Глупая блондинка, которая не представляет, что нужна спортивная обувь! До сих пор смешно, как только вспомню его недоумение. Кто из нас глупее – я, вынужденная фотографироваться в том, что по задумке режиссера принесет костюмер, или он, не понимающий никаких законов жанра? Объяснять, что, переобув в какие-нибудь спортивные тапочки и одев в такие же мешковатые штаны, как у них, режиссер свел бы эффект от моего появления в кадре к нулю?

Съемка проводилась ради рекламы бейсбола, чтобы на площадки потянулись молодые люди, надеясь встретить там вот таких стройных блондинок на высоких каблуках, и юные девушки, чтобы мужественные бейсболисты и их научили мастерски владеть битами.

Боже, глупость! Все прекрасно понимали, что красотки в коротеньких шортах, на каблуках и с укладкой не пасутся на спортивных площадках и что мужественные спортсмены не занимаются обучением никчемных блондиночек, но фотография имела успех, ее поместили в каком-то журнале про бейсбол, где на нее наткнулся Ди Маджио. Во всяком случае, он утверждал так.

Джо не верил, что я не помню съемки и это фото, которое он вырезал из журнала. Но я столько снималась в самых разных спортивных и не очень нарядах, что действительно не помнила. В памяти осталось только ощущение, что спортсмены деревянные и жутко скованные. Хотя если присмотреться к фотографии, то у обоих вполне симпатичные и умные лица…

Подозреваю, что нас познакомили не столько по настоянию самого Джо (вернее очень обрадовавшись его желанию быть представленным Мэрилин Монро), сколько по очередному замыслу рекламщиков. Блондинке пора подыскивать себе жениха, хватит болтаться с любовниками, да еще втрое старше себя! Но кто мог стать возлюбленным и тем более мужем самой знаменитой Блондинки? Только столь же знаменитый парень, национальный герой Америки. Бывшему капитану «Янки», которого Америка еще не забыла, понравилась Блондинка? Какая удача!

Я так говорю, чтобы Вы поняли, что относительно Блондинки уже вступили в силу законы пиара. Отныне я не имела права спать с кем попало, в полуголом виде разносить напитки гостям Шенка или якшаться даже с режиссерами вроде Казана. То есть быть знакомой, принимать ухаживания – это пожалуйста, но из головы следовало выбросить даже мысли о новых съемках вроде Тома Келли или жизни в крошечной квартирке с матрасом на полу.

Времена неприкаянной Нормы Джин прошли окончательно, раскруткой Мэрилин всерьез занялись на студии, осознав, что это может принести многомиллионные барыши. Моя собственная жизнь закончилась, практически не начавшись, теперь я обслуживала Блондинку, во всем подчиняясь законам ее жизни.

И почувствовала я это даже не с Ди Маджио, а с Бобом Слетцером. Сейчас расскажу, кто это.

Боб Слетцер – журналист средней успешности, мы были знакомы еще со времен Нормы Джин, мотавшейся по кастингам в надежде получить хотя бы роль дамы с собачкой на заднем плане. Боб – приятель, у которого можно поплакать на плече, пожаловаться на жизнь, позвонить в любое время суток, прося о помощи, переспать после вечеринки, с которым мы делили бедность и неприкаянность.

Боб некрасив, но это ему ни к чему, в отличие от меня он не рвался на съемочную площадку, а для журналиста достаточно простой внешности.

Я изменялась, Боб нет, он был по-прежнему другом, мог выслушать или одолжить десятку без возврата, если имел

таковую сам, что бывало не всегда, но он видел во мне Норму Джин. Все еще видел.

Бобу я рассказывала обо всем, прекрасно зная, что он не сделает мои откровения достоянием публики. Иногда задумываюсь, что заставляет Слетцера, владеющего столькими моими секретами, молчать, и понимаю, что он меня любит. Не как роскошную Блондинку, а как человека. Вот эти двое – Боб и Джо – любят меня по-настоящему.

Слетцеру я рассказала и о знакомстве, а потом и любовной связи с Ди Маджио. Джо меня поразил, он был хозяином в постели, настоящим хозяином, и не рассказать о столь потрясающем открытии приятелю я просто не могла! Меня впервые подчинили, и я с восторгом подчинилась. Понимаете, не сознательно, не по своей воле, а по воле мужчины. Такого еще не бывало.

Едва ли Боб испытал удовольствие от подобных признаний, но от меня не отстал. Он не сомневался, что немного погодя я либо сама отстану от Ди Маджио, либо буду им грубо брошена.

Я немного отвлеклась от Джо Ди Маджио, но все происходило одновременно, и все важно. Мы стали с Ди Маджио любовниками в первый же вечер, он отложил свой отъезд на Восточное побережье и застрял в моей квартирке, что вызывало у рекламного отдела только восторг, казалось, у меня появился достойный любовник, которого не стыдно показать всей Америке. Понимаете, простая любовная связь со мной уже означала фотографии на первых страницах и болтовню в прессе. Это Ди Маджио вовсе не нравилось, он был популярен куда больше меня, но совсем иначе, не любовными похождениями, а сильной игрой, способностью провести мяч, забить гол…

А еще Джо страшно ревновал, он терпеть не мог чужих взглядов на свою любовницу. Последовали безумные сцены ревности, которой я просто не понимала, но замирала от внутреннего восторга – меня ревновали! Меня не просто хотели, а считали своей и готовы были защищать эту собственность даже кулаками.

Слетцер не мог понять моего восторга:

– Он просто побьет тебя!

Я млела:

– Пусть…

Даже Слетцер ни черта не понимал во мне, это Норма Джин упивалась своей нужностью, своей принадлежностью кому-то. Меня ревновал Джимми Догерти, злился, обижался, но это была другая ревность, ревность обманутого мужа. А Ди Маджио ревновал как собственник. Я чья-то, да не просто чья-то, а Ди

Маджио – одного из самых популярных людей Америки. Если честно, мне было все равно, кто он – герой или нет, я млела от самого чувства принадлежности не как девочки, которой заплатили за услуги на вечер, даже не как Блондинки. Ди Маджио наслаждался телом Блондинки и не желал, чтобы оно принадлежало еще кому-то, чтобы его даже просто разглядывали, но он не желал моей популярности, ему была нужна Норма Джин, пусть и в оболочке Мэрилин.

Думаю, ни он, ни я тогда этого не понимали, но чувствовали.

Но Ди Маджио все-таки уехал, я снова осталась одна. Рядом был все тот же Боб Слетцер, и он всегда готов утешить, помочь, вытащить даже из сточной канавы, отмыть и убедить, что я еще ничего. Канавы не было, было одиночество, снова неуверенность: я никому не нужна! Однажды Боб разозлился:

– Ты всегда нужна мне.

Будучи основательно пьяной, я продолжала страдать:

– И никто не хочет брать меня в жены…

Следствием плаксивого состояния после попойки стало свидетельство о браке, полученное на следующий день поутру в мексиканском городке Тихуана. У меня появился муж, готовый ничего не требовать, все прощать и всегда защитить. Он не обладал ни обалденными внешними данными, ни выдающимся умом, ни деньгами? Ну и что, это лучше, чем высоколобый очкарик-интеллектуал Миллер, богатый Шенк или здоровенный Ди Маджио! Слетцер не станет ждать от меня знания назубок биографии Авраама Линкольна, требовать пребывания на кухне без права высунуть нос на улицу или полной покорности за купленную бриллиантовую безделушку. Он такой же, как я сама, мы ровня, так легче обоим.

Два дня мы пытались отмечать свое бракосочетание, оба уже, кажется, понимая, что натворили нечто, что перечеркнет будущее, и не смея признаться в этом ни друг дружке, ни себе самим.

Я не знаю, откуда Занук узнал о нашем поступке, но уже в понедельник поутру мы стояли перед ним на ковре. Нет, он даже не шипел, просто устало поднял глаза и тихо произнес:

– Полмиллиона вложено в рекламу ничтожной красотки, не умеющей ничего, кроме как вилять бедрами. Полмиллиона, чтобы убедить всех, что найдена идеальная девушка, ищущая себе идеального мужа ради идеальной семьи. И эта дрянь выходит замуж за простого репортера!

Мы мчались в Тихуану с максимально разрешенной скоростью, чиновник, уже предупрежденный о нашем приезде, не отправил документы и легко согласился разорвать их, сделав вид, что ничего не было. Наш двухдневный брак оказался аннулирован, так и не став кому-либо известным. Те немногие, кто был свидетелем, молчат, не желая неприятностей ни мне, ни себе.

Удивительно, но мы с Робертом вздохнули с явным облегчением, осознав, что решились на слишком дерзкий шаг. Боб не был в обиде, видно понимая, что ничего не смог бы мне дать, кроме своей собственной любви. Норме Джин этого достаточно, а вот Мэрилин нет, ей нужен успех. Идеальной девушке нужен идеальный парень. Блондинка позволила Норме Джин на пару дней взять верх, словно демонстрируя, что будет в случае неподчинения. Я воочию увидела, что не подчиняться законам жизни Блондинки нельзя…

Мне оставалось вернуться к Ди Маджио, что я сделала с видимым удовольствием.

Интересно, что в это время я совершенно сознательно создавала образ Блондинки, пестуя его, репетируя и репетируя, продумывая каждый жест, каждое слово, каждый взмах ресниц.

– Мисс Монро, у Вас несколько странная походка, это результат какой-то травмы?

Хотелось ответить:

– Идиот! Какая травма?! Это долгие часы репетиций и постоянное наблюдение за собой со стороны, пока походка не стала привычной.

Но говорить этого нельзя, я «наивно» распахнула глаза:

– Я всегда так ходила, а разве остальные женщины ходят иначе?

В Голливуде полным-полно тех, кто помнил, как бочком ходила Норма Джин, как она стеснялась каждого шага. Но сколь велика легенда, уже через пару дней всем казалось, что так и только так всегда ходила будущая Мэрилин. И о цвете волос никто не помнил, и о бугорке на носу, и о заикании тоже…

Я действительно часами торчала перед зеркалом, принимая разные позы, изображая разные мины, то удивлялась, картинно вскидывая брови, то лукаво улыбалась, но изумленно вскидывала брови… Знаете, Док, именно тогда у меня появился большой учебник анатомии: чтобы владеть лицом, нужно хорошо знать его мышцы. А еще, чтобы научиться гримироваться, ведь выглядеть нужно не только перед камерой. Для съемочной площадки грим несколько иной, он ярче и грубее, потому что просто хорошо накрашенные ресницы не будут заметны при съемке крупного плана и у героини пропадут глаза, да и губы не мешает сделать ярче и полнее…

Но в моем лице немало недостатков помимо удаленного бугорка на носу или исправленного прикуса. И в жизни губы можно сделать чуть полнее и аппетитнее, а ресницы гуще и длиннее. Есть множество приемов, каким меня научил гример Уайти Снайдер. Уайти – настоящий друг, безо всякого сексуального оттенка, среди моих друзей есть и такие. Он прекрасный мастер, а любому хорошему мастеру очень нравится, когда подопечные стремятся научиться хотя бы части его мастерства.

Я никогда не мешала Уайти гримировать меня на съемках, не вмешивалась в его работу, но за пределами площадки пользовалась его услугами не так часто, он не взял бы денег, и отблагодарить Снайдера трудно, но учил охотно. Помню изумление Уайти при виде того самого учебника по анатомии:

– Это тебе зачем?

– Хочу знать, из чего состоит моя собственная физиономия. Уайти, это кошмар, сколько здесь всего и как все сложно.

Он взял меня за подбородок и повернул к зеркалу:

– Смотри вот сюда. Этого достаточно.

Но мне было недостаточно, я хотела стать идеалом не только на словах у Занука, но и во всем остальном.

Идеальная Блондинка… Фигура, внешность, походка… Я уверенно обживала образ, и мне очень нравилась его сила. Блондинка могла не беспокоиться, что ей не продлят контракт: если этого не сделает «Фокс», с удовольствием сделают другие. Блондинке нельзя давать ролей на пару минут на заднем плане, зрители возмутятся и забросают студию гневными письмами.

Я получила роль секретарши в «Обезьяньих шалостях», снова глупую, пустую, довольно комическую. Казалось бы, мало, но пока было достаточно и этого, к главным ролям я пока не готова, ведь играть на площадке приходилось Норме Джин, а она очень боялась света софитов. Наташа возмущалась, твердя, что это не та роль, на которую стоило бы соглашаться, ведь настоящей актрисы

достойна только драма или трагедия. Я очень хотела сыграть трагедию, но пока это получалось только в жизни, да и то не всегда. Неужели Наташа не видела, что я не готова?

Зато роль Блондинки получалась с каждым днем все лучше.

Во время съемок меня вдруг сразил приступ аппендицита. Если честно, он был не настолько силен, чтобы делать операцию, но на студии намекнули, что пребывание в больнице пойдет только на пользу моему имиджу. Публика только что сочувствовала мне, превратившейся из сироты в девушку, заботившуюся о больной матери, сочувствие не мешает подогреть операцией.

Это было уже сумасшествие, потому что невинный вопрос о том, не будет ли шрам от операции слишком большим, тут же превратился в легенду о записке, приклеенной на мой живот, мол, доктор, постарайтесь сделать след от операции как можно меньше. И снова сказалось всеобщее сумасшествие, о записке совершенно серьезно рассказывали репортерам даже те, кто прекрасно знал, что ее не было, причем рассказывали, будучи совершенно убежденными, что собственными руками отклеивали листок с моего живота!

Доктор, я стала просто образцом действия пиара.

У Блондинки аппендицит! Ах, Мэрилин едва не погибла! Ее чудом спасли на операционном столе! Бедная девочка, на долю которой и без того выпало столько трудностей, больна!

Студию и больницу просто завалили тысячами писем с пожеланиями скорейшего выздоровления, а у дверей дежурили репортеры. Доктор, делавший мне операцию, мгновенно стал почти спасителем нации.

А я сама никак не могла решить, в каком же виде предстать перед репортерами при выписке – со следами страданий на лице и в полном блеске. Позвала на помощь Уайти Снайдера. Тот тоже задумался, но потом решительно взялся за грим:

– Нет, плохо выглядеть нельзя, ты же надежда нации!

«Надежда» выпорхнула из больничных дверей столь ослепительно красивой, что все ахнули. Ну уж позировать перед камерами я умела со времен работы у мисс Снайвли! Репортеры явно пожалели, что не захватили с собой по десятку камер, потому что менять пленки было некогда. Еще Норму Джин часто просили:

– Не так быстро, детка. Я не успеваю щелкнуть затвором.

Я показала, на что способна! Пинаповских фотографий Блондинки, которая и после перенесенной тяжелейшей (никому в голову не пришло, что это не так!) операции выглядит лучше некуда, сделали сотни. На следующий день Америка радовалась,

что их любимица (а я уже была таковой для очень многих) не просто выжила (словно мне делали операцию не аппендицита, а по крайней мере на сердце), но и прекрасно выглядит.

– Мисс Монро, как скоро Вы вернетесь в строй?

Господи, все репортеры идиоты или это только мне попадались такие?!

– Как только позволят врачи, но я буду просить их об ускорении.

Подозреваю, что врачу пришлось дать с десяток интервью, рассказывая, как Блондинка вела себя во время операции (под наркозом). Я стала просто национальной героиней, наверняка врачам не пришлось уговаривать никого из пациентов, которым требовалась подобная операция. Если уж Блондинка решилась!..

Возле дома дежурили репортеры, но я заперлась, чтобы прийти в себя, да и что им говорить, снова и снова утверждать, что полна сил и энергии, нет уж, пусть пострадают в неведении.

Долго страдать не пришлось, роскошный подарок всем сделал Ди Маджио, появившись на пороге с букетом цветов. Джо не ожидал увидеть толпу любопытных репортеров и пришел в ярость, но отступать было некуда. Пресса просто обезумела: у постели любимицы Голливуда (да, теперь я звалась так!) дежурит легендарный капитан «Янки»! Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой, потому сразу заподозрили подвох, подстроенный пиар-ход.

Ди Маджио не придумал ничего лучше, как начать опровергать. Я пока помалкивала, прекрасно понимая, что чем яростнее слухи опровергают, тем больше им верят. Так и случилось, когда я со скромным видом попыталась подтвердить слова Ди Маджио: «Нет, нет, что вы…», все решили, что детка смутилась. Смущение у актрисы Голливуда, бывшей старлеткой, – это из области фантастики, репортеры все прекрасно понимали, но журналисты – это одно, а зрители – совсем другое. Я называю это законом идиотизма, когда верят в то, во что разумный человек верить не может.

Хотя в нашем с Джо случае не было ничего сверхъестественного, двое взрослых людей встретились и очень понравились друг другу, почему бы и нет?

Джо категорически не нравилась толпа репортеров и необходимость отвечать на вопросы, для кого цветы, словно и так неясно, что для меня, поскольку он входит с букетом в мой дом. Он бесился, грозил разогнать толпу журналистов кулаками, я пыталась осадить Джо, хотя понимала, что такой взрыв эмоций пошел бы на пользу ажиотажу.

Ди Маджио не успел никого побить, я вернулась на съемки, и толпа репортеров переместилась туда. Улыбка как можно шире, но чуть смущенная, словно я не ожидала такого интереса к своей персоне, немного помахать ручкой, извиниться, мол, мне некогда, работа все, работа… Док, я стала по-настоящему популярна, что оценили даже на студии. Это был приятный сюрприз – зарплату подняли в полтора раза, теперь я получала 750 долларов в неделю. Не бог весть что по сравнению с остальными актерами, даже много меньше других, но если сравнивать с 75 долларами Нормы Джин… И это только начало, Блондинка, несомненно, стоила куда дороже заикающейся Нормы…

Когда Джо пришел на съемочную площадку «Опасных связей», Кэрри Грант, чью секретаршу я играла, пожелал сфотографироваться с нами. Это не дежурный снимок для рекламы фильма, когда звезды вынуждены улыбаться рядом со старлетками, мысленно злясь, что приходится это делать, для Гранта Ди Маджио не был пустым звуком, даже если Кэрри и не любил бейсбол, он все равно знал национального героя Джо Ди Маджио. Но как-то так вышло, что сначала на площадке все смотрели мимо знаменитых мужчин на уже популярную Блондинку, а потом при публикации фото в газете Грант с него исчез, оставив нас с Джо. Рекламный отдел «Фокса» решил, что одного Ди Маджио рядом со мной достаточно, потому что его поведение слишком смахивает на поведение перед помолвкой, а сам Ди Маджио на жениха.

Это не Слетцер, такой вариант замужества идеальной Блондинки руководство устраивал, не испугала даже возможная беременность. Занук не рычал и не шипел, он был согласен, потому что я начала приносить студии неплохую прибыль, и Занук явно видел пути ее повышения. Во всяком случае, в следующем фильме я играла уже главную роль.

«Ниагара»… и роль Роуз в ней – первая серьезная главная роль. Одна женщина и двое мужчин, муж и любовник, каждый из которых готов убить второго ради счастья обладания красивым телом. Сама Роуз предпочла бы видеть мертвым мужа, причем сделать это должен любовник и непременно под Ниагарским водопадом. Но первым удар кинжала получает любовник, а потом задушена и сама неверная супруга.

У меня осталось ощущение, что главным героем в этом фильме стал… водопад. Совершенно непонятно, зачем понадобилось большую часть съемок проводить на фоне ревущего водопада и почти везде его шум добавлять к звукам за кадром. Что касается моей героини Роуз, это даже не роль, а просто

демонстрация Мэрилин перед камерой. Режиссер Генри Хатуэй убедил меня играть в своих собственных платьях, облегающих и вызывающих, не ради экономии, а чтобы чувствовала себя привычно. Я вполне «привычно» валялась голышом под тонкой простынкой, изображая раннее утро, потому что действительно сплю без одежды, потом ходила своей походкой в своих нарядах и курила свои сигареты… Я была Мэрилин, но никто не понял, что я Мэрилин играла!

Если честно, то тогда я собой очень гордилась именно потому, что мою игру никто не видел, она была настолько хороша, что стала незаметной.

В фильме нелепый сюжет, к чему убивать нелюбимого мужа, если с ним можно просто развестись и уехать подальше от него и водопада? К чему придумывать столько сложностей там, где все решалось простым разговором, как сделали бы нормальные люди? Правда, никто не заметил нелепостей, как и самого Ниагарского водопада, виляющий зад Блондинки затмил даже чудо света! Тогда я еще гордилась.

И все же сценарист и режиссер упустили одну очень важную деталь. Роскошные натурные съемки, неплохая песенка «Поцелуй, поцелуй меня», облегающие платья… Но никто не подумал, что зрители вовсе не желали бы видеть Блондинку мертвой, нет, она должна жить. И желательно не делать откровенных гадостей, разве только по недоразумению. Нет, роль преступницы не для Блондинки, иначе какая же это Идеальная девушка?

Спохватились поздно, но фильм все равно имел огромный успех, мало кто запомнил, что причина убийства – неверность, Блондинке простили даже это (в конце концов, что такое желание убить мужа или погибший по ее вине любовник после обнаженки, туда им и дорога). Но вот смерть самой Блондинки многим не понравилась.

Руководство ошибку учло, и больше трупы я не играла. А вот согласие зрителей даже на убийство мужчин, претендующих на Блондинку, пусть и экранное, меня просто испугало. Я становилась общественным достоянием и отныне была неприкосновенна.

Док, Вы катались на Русских горках? Когда ты еще на самом верху и понимаешь, что сейчас покатишь вниз с возрастающей скоростью, дыхание будет перехватывать, а к горлу подступать тошнота, страшно, но все равно это восторг! Главное, понимаешь, что как только движение начнется, его уже не остановить.

Вот в таком состоянии я жила эти годы. Блондинка окрепла

настолько, что начала движение. Я позволила ей, мало того, подталкивала, убирала препятствия для разгона, кричала от восторга. Это так, пусть и при помощи и поддержке Джонни Хайда и Наташи Лайтесс, но ее создала я сама, это я часами репетировала вихляющую походку, училась томно опускать или вскидывать глаза, улыбаться и изображать саму невинность, я училась выглядеть соблазнительно, волнующе, даже доступно, но при этом застенчиво, я изображала робость, обладая железной волей, растерянность при цепком уме, смущение при способности рассчитывать на три шага вперед.

Понимаете, Док, я своими руками создала то, что меня же потом и поглотило! Я думала, что справлюсь с Блондинкой, смогу удержать ее на коротком поводке, снимать эту маску, входя в дом, прятать, как прячут куклу после спектакля в шкаф.

Нет, неправда, тогда я ничего такого не думала, мне было некогда, я создавала, лепила, продвигала Блондинку и была занята только этим. Блондинка оказалась куда более успешной, чем Норма Джин, придуманный мной и поддержанный Джоном Хайдом образ легко завоевал популярность у зрителей и заставил считаться с собой руководство студии «Фокс», того самого Занука, которого никак не могла пробить Норма Джин. Боясь потерять меня, студия по собственному решению повышала зарплату каждые полгода, хотя она все равно оставалась очень далекой от нормальной оплаты звезд. Но все равно со мной считались, я уже была!

Вернее, была Блондинка, которую я играла.

Наташе очень не нравилось то, что происходило, хотя нравилось получать зарплату на «Фоксе», куда ее снова взяли по моему настоянию, а еще от меня самой. Но Лайтесс мешали мои ужимки, моя роль, мои мужчины. Наташа терпеть не могла всех, кто хоть как-то покушался на меня, считая Норму Джин своей почти собственностью. Она не понимала только одного: Норма Джин уже не ее и даже не моя, она собственность Блондинки, которая в свою очередь стала собственностью Америки.

Наташе не нравилось, что у меня все меньше времени остается на актерские занятия, некогда репетировать роли вроде Корделии или Норы Ибсена, которые, я уже это понимала, я никогда не сыграю на студии «Фокс».

Но сидеть и ждать, когда же стану великой актрисой вроде легендарной Дузе, когда меня заметят и позовут играть драматические роли в серьезных театрах, я просто не могла. Уходили годы, и если через пять лет после начала мытарств в Голливуде у меня появилась возможность стать звездой хотя бы в виде Блондинки, я ею стала!

Да, я продолжала заниматься у Михаила Чехова, хотя на занятия ходила все реже, потому что все чаще была занята на съемках, трудилась над постановкой голоса, разучивала с Наташей самые разные монологи и роли, считая, что все это пойдет на пользу, но главная роль, которую я уже играла, – Блондинка.

Не думайте, что все так просто и легко. Меня осаждали толпы репортеров, наперебой приглашали на самые разные мероприятия для вручения призов и наград, например, я вручала одного из «Оскаров». Но если Вы полагаете, что встречали только аплодисментами, то ошибаетесь.

Ниагара и я

«Ниагара», не представляющая собой ничего значительного (я прекрасно знаю цену своим фильмам и ролям, Док), стала неким

рубежом. Никто действительно не обратил внимания на отвратительный сюжет и даже на водопад, зрители раз за разом ходили на фильм, чтобы посмотреть на Блондинку, на ее голые плечи (что подразумевало наготу и под простыней), красную помаду на губах, курение в постели, откровенно облегающие платья и походку… Особенно походку! Зачем Генри Хатуэю понадобилось снимать меня со спины во время длиннейшего прохода чуть не по всей улице, не понятно. Я раз за разом шла на высоченных каблуках по мостовой, рискуя в лучшем случае вывернуть ногу, думая, что из всей сцены останется пятая часть, но он вставил все! Моя героиня виляет бедрами едва не половину фильма.

Зрительницы из разных строгих дамских организаций возмутились: спать нагишом, ярко красить губы и вот так вилять задом?! Куда смотрит руководство студии?!

Руководство смотрело в бухгалтерские отчеты, которые явственно говорили, что большая часть именно ради такого «безобразия» и покупает билеты на никчемный фильм. Но игнорировать старых ханжей тоже невозможно, студия сделала вид, что пошла на уступку морали и задержала выпуск пластинки с песней из фильма. Что и говорить, серьезная уступка.

Журналисты ополчились на мои тесные платья и глубокие декольте, на ту самую походку и голос с придыханием. Но я раз за разом видели одну картину: стоило выйти к микрофону, как зал замирал, в Блондинку впивались сотни глаз, словно желая проглотить живьем, чуть помедлив, я произносила: «Привет!» – и после секундной паузы слышался шквал аплодисментов! Что это было? Сейчас такого нет, сейчас толпа ревет с первых секунд и как-то иначе, а в те годы, когда Блондинка только начинала свое победное шествие, нет, даже не по экранам, а действительно по Америке, собравшиеся не вполне понимали, что Она произносит. Хайд был прав – достаточно просто появиться.

Меня начали раздирать внутренние противоречия, которые с годами углублялись. Эта крашеная дрянь, только улыбнувшись или вильнув бедрами, превращала толпу в нечто бездумно возбужденное, даже у самых умных мужчин Блондинка легко вытаскивала на поверхность их животное начало, которое подавляло любой интеллект. Сначала я упивалась этой властью, заставлявшей мужчин забывать о других присутствующих женщинах, о женах, сидевших рядом, о любовницах, а приличиях, наконец.

Находились умники, особенно среди журналистов, которые умели удержать и пустить слюни, но такие старались подловить мои ошибки, следили, не расползется ли шов платья, не скажу ли

я глупость, не споткнусь ли, напропалую виляя бедрами. Женщины шипели, точно рассерженные гусыни, подмечая и критикуя все: от ярких цветов и смелых декольте моих платьев до запаха духов и манеры красить губы.

Говорят, для спортсмена лучший стимул – бегущий впереди соперник, которого надо обогнать. Для меня вот этот поток дамской ненависти и желание мужчин, которым точно не достанется кусочек Блондинки, унизить Ее, были именно таковым стимулом.

Док, я не знаю, кто из нас двоих научился справляться с наглыми и насмешливыми репортерами и в ответ на очередную выходку разъяренных завистниц совершать свою выходку. Сейчас я понимаю, что мы вместе. Норма Джин была достаточно умна и остра на язык, но она никогда не решилась бы отбрить журналиста, а вот Блондинка, не обладая большим умом, решилась. Но Норма Джин ни за что не рискнула бы сниматься обнаженной (пусть и под простыней) или надеть платье с декольте почти до талии.

Получается, что уже тогда я была симбиозом наглой Блондинки с умопомрачительной внешностью и неглупой скромной Нормой Джин внутри? Тогда мне этот симбиоз весьма нравился. Блондинка являлась на церемонию в вызывающе декольтированном платье, а в ответ на укоры пользовалась острым язычком Нормы Джин.

– Вас не смущает, что все смотрят на более чем откровенное декольте?

Блондинка делает круглые глаза и отвечает голосом Нормы Джин:

– А я-то думала, что все любуются моим значком сержанта-вербовщика!..

Зал хохочет.

– В чем Вы ложитесь спать?

– Несколько капель «Шанель № 5».

Скандал, потому что продажи знаменитых духов взлетают до небес, а вот изящные пижамы покупать почти прекращают.

Не знаю, повысилась ли после этого рождаемость или количество абортов, но производители ночных пижам обратились к руководству студии с требованием опровергнуть слова Блондинки. И Блондинка, хлопая наклеенными ресницами, вещала, что пижама или ночная сорочка это очень-очень хорошо… особенно с оборочками, каждый вечер чистая и почаще новая. Мужчины, дарите своим возлюбленным не только бриллианты, но и ночные сорочки, которые так приятно снимать с женского тела.

Производители сорочек были очень довольны, теперь к духам «Шанель № 5» добавились и пижамы (которые «так приятно снимать»).

Док, представляете сумасшествие нации, на потребление и поведение по ночам которой влияет задастая Блондинка с вихляющей походкой?! От моего неосторожного или продуманного слова теперь зависели продажи и производство. Я испугалась, потому что приходилось следить за каждым словом, нельзя хвалить какую-то марку автомобиля или ресторан, сорт сыра или напиток, район города, штат, чью-то роль, фильм, косметику…

Если то, что нравилось Блондинке, было доступно, оно немедленно сметалось с прилавков магазинов, тысячи девушек и женщин перекрасились в платиновый цвет, укоротили и страшно заузили платья, Америка откровенно пахла «Шанель № 5» и говорила с придыханием!

Мне было очень и очень трудно, приходилось следить за каждым словом, каждым взглядом. Никого не интересовали пристрастия Нормы Джин, книги, которые она любит читать, ее актерские занятия, существовала только Блондинка, а ей не стоило говорить о желании сыграть какую-то там Грушеньку из «Братьев Карамазовых». Когда однажды я обмолвилась, что прочитала трехтомную биографию Авраама Линкольна, это так и восприняли – как обмолвку:

– Вы хотели сказать, что подкладывали под ножку дивана, чтобы он не качался?

Идиот, он хотя бы видел толстенный том Карла Сэндберга? Явно нет, но я улыбнулась:

– Скорее уж под угол дома, потому что биография очень толстая.

Знаете, что вытащил тот репортер из моего ответа? Конечно, слово «толстая», мол, я сказала, что книга слишком толстая.

Появились откровенные подделки, фотографы нашли похожую на меня девушку и сняли ее в очень откровенных позах голышом для новых календарей. Это была серьезная угроза, и впервые за столько лет (наверное, в последний раз) мы с Зануком выступили вместе, по совету студии я подала в суд и его выиграла. Ах, как Америке понравилась защита Блондинкой своей чести!

Док, разве это не сумасшествие? Те, кто только вчера плевал в мою сторону из-за обнаженки, теперь с пеной у рта заступались за меня и с восторгом аплодировали поражению самозванцев, напрочь забыв, что заступаются за такие же снимки. Закон толпы

вступал в силу, и помешать этому я уже не могла.

Это восторг и ужас одновременно. Восторг оттого, что Блондинке, моему созданию, подвластны тысячи, если не миллионы, достаточно простого появления, чтобы вызвать восторженное замирание толпы, одного слова, чтобы изменить вкусы, одного жалостливого вздоха, чтобы вчерашние ненавистники бросились на защиту. Ужас потому, что, во-первых, Блондинка становилась собственностью этой же толпы и должна угождать ей даже вопреки собственным желаниям. Во-вторых, я уже чувствовала, что выпустила джинна из бутылки и попросту не справлюсь с ним. Мое создание явно становилось успешнее меня самой.

Я считала, что смогу снимать эту маску, когда захочу, но начала понимать, что, сделав так, становлюсь не интересной никому! Блондинке отказывали в уме и способности быть на что-то годной, кроме виляния бедрами, Норме Джин отказывали во всем. Без маски я не была нужна вообще.

Такое продолжается уже десять лет, десять лет эта маска со мной, все это время я то борюсь с ней, то пытаюсь доказать всем, что я – это не она, то свыкаюсь и перестаю сопротивляться. Меня перестали радовать ЕЕ успехи, потому что успех Блондинки означает мое поражение.

Док, я устала, слишком многое наплыло и вспомнилось. Дальше расскажу завтра, а сегодня мне не уснуть без новой дозы снотворного. Количество таблеток с каждым днем становится все больше. Знаете, во время съемок «Неприкаянных», чтобы не травить поджелудочную, которая страшно болела, таблетками, мне делали уколы снотворного. Врач поражался, потому что я не засыпала даже после огромной дозы наркоза, вполне достаточной для проведения целой операции. Думая, что я не слышу, тихонько сказал Поле Страсберг:

– В случае если ее придется оперировать, будет ужас, она слишком привыкла к наркотикам…

Это так и есть, меня уже не берут даже огромные дозы, от которых свалился бы и Ди Маджио.

Док, в прошлый раз я Вам рассказывала, как Блондинка стала сверхпопулярной. Очень мало кто видел, как я надеваю эту маску, очень мало кто вообще понимал, что надеваю, наиболее проницательные только поражались тому, что я преображаюсь. И все больше людей ставили знак равенства не только между мной и Блондинкой, но и между мной и моими ролями. Хотя мои роли, особенно удачные, были ЕЕ ролями.

Яркий пример – Лорелей в фильме «Джентльмены предпочитают блондинок».

Давайте я Вам расскажу об этом фильме? Он того стоит.

Рассказать о сюжете? Вдруг Вы не видели фильм? Вы ведь серьезный и не смотрите всякие глупости с глупыми блондинками в главной роли. Сейчас, только нарисую картинку и расскажу.

Во-о-от… это мы с Джейн Рассел выплясываем на сцене. Нет, не канкан, мы же приличные девушки. Хорошо получилось, точь-в-точь как на фотографии из рекламы этого фильма. Док, может, мне бросить чертовы съемки и заняться изготовлением Пинапа по собственным фотографиям? Был бы неплохой заработок. Знаете, его так и рисуют – прямо по фотографиям, я однажды видела, правда, не свои.

Но мы действительно были красотками, и вообще съемки «Джентльменов…», а еще съемки «Зуда седьмого года» стали для меня праздником, в них Блондинка полностью подчинила себе Норму Джин. Немного позже, когда снимали «В джазе только девушки», я просто отдыхала от перипетий собственной судьбы, а в этих фильмах работала с восторгом. И со страхом, я всегда боялась съемочную площадку, наезжающую камеру и команду «Мотор!». Если я умру, достаточно будет кому-то гаркнуть в рупор «Мотор!», и Мэрилин вскочит из гроба и помчится сниматься.

Сюжет страшно запутанный, в нем столько всего, что и пересказать сложно. Две девушки – брюнетка Дороти (ее играла Джейн Рассел) и блондинка Лорелей – отправляются на пароходе «Иль-де-Франс», естественно, во Францию, чтобы там встретиться с женихом Лорелеи сыном богача Гансом. Ганс увалень, по уши влюбленный в Лорелею, открывший ей большой кредит и почему-то отбывший в Европу отдельно. Никто не обратил внимания на такую нелепость, как и на многое другое.

Но богатенькому папаше вовсе не нравится идея сына жениться на блондинке (правильно, молодец!), и он нанимает частного детектива, чтобы разоблачить белокурую дрянь, которая наверняка изменяет его сыну и желает выйти замуж за увальня только ради миллиардов. Знаете, там есть великолепный диалог между Лорелей и папашей ее жениха. Он требует признать, что она выходит замуж за Ганса только ради его денег!

Лорелей честно отвечает:

– Не ради его, ради Ваших!

Зрительные залы от такой откровенности были в полном восторге, словно им вместе с моей героиней удалось обвести вокруг пальца богатого папашу.

Кстати, в фильме моя героиня зовет «папиком» самого Ганса, так я потом называла своих мужей.

Но это потом, на экране, а на съемках мне было трудно. Я боялась выйти на съемочную площадку, сказать не то слово, сделать не тот жест. Этот страх остался со мной навсегда, не верьте экранному залихватскому поведению, каждый раз даже желудок сводило при одной мысли, что сейчас придется играть перед множеством глаз.

Я боялась и потому оттягивала и оттягивала выход на площадку, без конца опаздывая и приводя в бешенство остальных актеров. Понимаете, я не могу, как другие, болтать о чем-то в стороне, пока ставят свет или меняют декорации, а потом выйти и легко сыграть эпизод. Не могу легко входить в роль или выходить из нее, в этом отношении для меня предпочтительнее театр, где в роль входят один раз – в начале спектакля. Все перебивки в виде необходимости немного подождать или снимать окончание сцены перед ее началом, потому что там крупный план, а там общий, для меня неприемлемы. Наверное, я просто не актриса.

Опоздания бесили съемочную группу, все считали, что таким образом я набиваю себе цену. Мне очень помогала Джейн Рассел. Знаете, как поступала Джейн, не желая ждать меня и минуты? Она просто заходила в мою гримерку и брала меня за руку со словами:

– Пойдем, нам пора быть на площадке.

И я подчинялась, шла и даже играла. Как это легко было делать рядом с Джейн! Мы стали настоящими подругами. Но когда ее не было, я опаздывала, потому что никто другой не догадывался взять меня за руку…

Я была благодарна Джейн за ее поддержку, потому что от других таковой не видела. Она понимала, как мне страшно, до одури плохо, как дрожат колени и спазм перехватывает горло при попытке выдавить из себя хоть слово.

Но как бы я ни тряслась, фильм был снят и очень понравился зрителям, а меня из-за него ждало признание и разочарование одновременно.

В фильме много что намешано, есть влюбленность всех во всех, немыслимо закрученные перипетии сюжета, переодевания брюнетки в блондинку, даже суд и, конечно, хеппи-энд. Много танцев и песен, яркие наряды, почти мюзикл.

Я откровенно переигрывала, тараща глаза на бриллианты, подставляя губки для поцелуя или ахая в ответ на какую-то реплику. Казалось, почти комедийный персонаж, все должны увидеть эту Блондинку, играющую Лорелей. Но не увидели! Мало того, поверили, что я – это она, даже не Блондинка, а сама Лорелей. Эта роль добавила черточек к маске Мэрилин, причем

совершенно определенного толка.

Понимаете, в фильме подруги – настоящие противоположности. Брюнетка Дороти умна, преданна, готова на жертвы ради подруги, а если уж влюбляется, то не ради денег или

положения, она лишена алчности и, конечно, оказывается на высоте. Блондинка Лорелей продажная и бессовестная дура, которую интересуют только деньги (или бриллианты), готовая ради них на все.

Зрители, и не только они, а даже актеры (особенно актрисы) Голливуда, прекрасно знающие, что роль и актер не одно и то же, мгновенно поставили знак равенства между Лорелей и Мэрилин Монро. Меня практически освистывали при появлении на актерских сборищах, на приемах не стеснялись кричать разные гадости, а в прессе появлялись возмущенные монологи актрис, разносящие в пух и прах мою манеру одеваться.

– У меня что, грудь не такая? Но я ведь не тыкаю ею в лицо людям!.. Людей волнует секс, но никто не любит, когда им вызывающе тыкают в лицо!..

Знаете, кто говорил это репортеру? Джоан Кроуфорд!

Ладно бы простая забывчивость, а ведь она играла в откровенно порнографических фильмах, прежде чем прийти на большой экран, но ведь она упивалась моим телом и сексом тоже. Это секрет, хотя, думаю, он многим известен. Несмотря на двоих детей, Джоан лесбиянка, и ей очень нравилось мое тело, вернее, тело Блондинки. Пройти мимо Кроуфорд просто не смогла и нашла довольно нелепый способ затащить меня в свою спальню.

Это произошло еще до моей звездности, когда в гардеробе имелось всего одно платье и пара туфель. Кроуфорд решила дать мне совет по подбору гардероба и пригласила перемерить свои наряды. Тогда я подумала, что она просто хочет отдать мне часть своих платьев, в которые уже либо не влезает, либо не носит. Такое бывает, актрисы часто отдают в разные благотворительные общества свою одежду или вот так дарят молоденьким старлеткам.

Джоан прочитала мне целую лекцию о подборе цветов в одежде и предложила примерить пару платьев, чтобы убедить, какой цвет идет. Для этого требовалось снять свое.

Такого оргазма я никогда и ни у кого не видела, она стонала и кричала так, что я даже испугалась. Несмотря на доставленное удовольствие, никакого наряда я не получила, не считая газового шарфика, который выбросила в ближайший мусорный бак, я не ханжа, но было не по себе.

Кроуфорд считала, что может приманить меня к себе мелкими подачками, увернуться от ее притязаний оказалось трудно, несмотря на все призывы составить опись своего гардероба и принести ей для обсуждения, я этого не сделала. Кроме того, составлять было просто нечего, весь список состоял бы из трех пунктов – знакомое ей платье для выхода и пара застиранных повседневных. Думаю, она это понимала и готова была предложить мне несколько платьев, но мне не хотелось.

И вот теперь, когда у меня уже были свои сногсшибательные наряды, Кроуфорд одна из первых ополчилась против них, буквально шипя и расплевывая яд во все стороны. Голливудские дамы ее поддержали.

Но поддержал и тот, от кого я вовсе не ожидала, – Джо Ди Маджио.

Я до сих пор не пойму, то ли Ди Маджио действительно был возмущен поведением Блондинки и ее откровенными декольте, то

ли видел во мне Норму Джин и таким доступным ему способом пытался защитить меня от Мэрилин, но он демонстративно осуждал Блондинку!

Какой скандал – жених Блондинки (пусть пока и неофициальный) стыдится появляться рядом с ней на разных мероприятиях!

Отношения с Джо были просто уникальными. Нас неимоверно тянуло друг к другу физически, мы легко стали любовниками, но могли ли столь разные люди стать чем-то помимо этого? Ди Маджио замечательный, но он совершеннейший итальянец, хотя и вырос в Америке. Для Джо есть мужской мир и женский, которые пересекаются в постели и только в постели. Дома на диване они просто сосуществуют. Мужчина – хозяин, он должен защищать, оберегать женщину, иногда потакать ей, даже ублажать, но допускать в свой мир не обязан.

Если честно, то я не рвалась в его мир. Мы с Джо словно с разных планет, он сильный, мужественный, настоящий боец и спортсмен. Внутри у меня все млело, когда он вел себя по-хозяйски, впервые я принадлежала кому-то не потому, что заключила контракт или за меня платили пять долларов в неделю, не потому, что могла приносить какие-то дивиденды, а потому, что была нужна сама по себе, пусть даже только в постели. Очень быстро выяснилось, что именно только в постели.

Америка визжала от восторга, потому что один из самых знаменитых мужчин, национальный герой влюбился в одну из самых знаменитых женщин. Идеал мужественности рядом с Идеалом женственности, что могло быть лучше. Руководство студии было в восторге от такого расклада и всячески поощряло наш роман.

Джо действительно меня любил и любит до сих пор, и он если не понимает, то нутром чувствует вот эту двойственность – Мэрилин и Норма Джин. Но Ди Маджио, чувствуя двойственность, не понимал вторую мою сущность, вернее, первую… или нет?.. Док, я совсем запуталась, кто же из нас двоих первый, а кто второй и кто более настоящий – Мэрилин или Норма? О, Господи, так и до психушки недолго. Я там уже была, там страшно, как-нибудь расскажу.

Джо считал, что Блондинка – это для всех, а для него дома скромная, тихая, ласковая Норма Джин. Понимаете, требовалось быть идеальной во всем: на людях королева, на кухне хозяйка, в постели шлюха. Я не против, совсем нет, но есть еще одна ипостась – Норма Джин, которая хотела учиться, играть серьезные роли, читать серьезные книги, общаться с серьезными людьми…

И вот это Ди Маджио не было нужно вовсе. Эта ипостась в его расчеты не входила. Элеонора Дузе, интересующаяся Авраамом Линкольном, Достоевским или теорией Фрейда, Джо не требовалась, это уже слишком. Джойс? Стейнбек? Эллисон? Тургенев?

– Что ты читаешь?!

Меня тянуло в «Метрополитен» на новую выставку, хотелось побывать на хороших спектаклях на Бродвее, скупить все книги в книжных магазинах Нью-Йорка… Джо манили встречи с друзьями, приобретенными за годы выступлений в спорте, скачки и телевизионные репортажи со спортивных матчей. Разве не это должно интересовать и волновать настоящего мужчину, тем более итальянца? Ди Маджио настоящий, крепкий итальянец, он любит спорт, пари, деньги, карты (никогда, однако, не заигрываясь), крепкие шутки и такую же крепкую, хотя и очень умеренную выпивку.

Джо уже не выступал, но от мира спорта не отошел, он в меру сентиментален, в меру образован и в меру придирчив, но настоящий собственник. Место женщины на кухне и в постели, а выходы на публику в облегающих платьях с глубоким декольте неприемлемы. Он не мог просто загнать меня домой и переодеть в старый застиранный халат, Ди Маджио поступил иначе, он поддержал тех, кто меня осуждал, причем совершенно не делал различий между Блондинкой и Нормой Джин.

Какой козырь это дало той же Джоан Кроуфорд!.. Даже влюбленный в Мэрилин несчастный Джо Ди Маджио осуждает ее распущенность! Ату ее! Есть такие змеи – плюющиеся, они не кусают, а плюются ядом издалека и очень метко. Голливуд ими полон.

Я дважды оказывалась в похожей ситуации. Позже и совершенно иной, чем Ди Маджио, Артур Миллер также примкнул к лагерю тех, кто был против меня. Но Артур уже был мужем, а Джо тогда еще нет. Стоило ли нам жениться?

Ди Маджио откровенно презирал всех киношников вместе взятых и, похоже, терпел мою игру только потому, что мы не были женаты и у меня длился контракт с «Фоксом». Бейсбол, как и многие другие профессии, это серьезно, это настоящее, где можно показать свой характер, силу, выносливость, доказать, что ты чего-то стоишь. А кино… театр… это ерунда, одно притворство! Это не профессия и не работа.

Мужчина должен заниматься настоящим делом, требующим полной отдачи, ловить рыбу, работать на заводе, заниматься спортом, даже делать деньги или стрелять, но гримасничать… А удел женщины – дом и семья, и выставлять себя напоказ в

облегающих нарядах, чтобы вызвать чье-то слюноотделение, это никуда не годится! И что это за песня «Бриллианты – лучшие друзья девушек»? Глупость! Кино нужно бросить, лучше поскорее.

Бросить кино?! Бросить то, чего я так добивалась, на что положила столько сил и шла на такие жертвы?! Если я брошу кино, что останется? Само собой подразумевалось, что я должна выйти замуж за Джо. Но это же означало, что помимо ночных весьма горячих занятий сексом мы будем вечерами безмолвно сидеть на диване, он, глядя очередную спортивную передачу, я с книгой, обсудить которую не с кем. Интересы разные: у Джо мужские, у меня непонятно какие…

Я очень хотела замуж за Ди Маджио, особенно после того, как он посвятил мне Рождество. Тогда я плакала, осознав, что Джо специально выбирал подарок, чтобы положить мне под елочку, думал обо мне… Но Рождество бывает один раз в год, а как в остальные дни?

Мы с Джо не спешили обменяться обручальными кольцами…

И все же я во многом пошла ему навстречу. А он попытался, правда, правда, он честно пытался терпеть издержки моей профессии, главной из которых были, конечно, вездесущие репортеры с их камерами.

Док, тот, кто никогда не жил под постоянными вспышками фотокамер, не ждал репортерской засады за дверью или ближайшим кустом, не знает, какой это кошмар. Но я-то за столько лет работы фотомоделью привыкла к объективам больше, чем к кинокамере, а для Джо это было невыносимо. Сам он, будучи безумно популярным в качестве капитана бейсбольной команды, ничего не делал для своей популярности и признавал восхищение только знатоков бейсбола. Шумиха вокруг меня была всеобщей, и с этим ничего нельзя было поделать, разве что и правда уйти из кино.

Уходить я не собиралась, а вот декольте заметно уменьшила, во всяком случае, вне съемочной площадки. Впервые за много лет в моем гардеробе появились платьица с воротничками. Все недоумевали: Блондинка вырядилась как школьница! Я снова не угодила критикам.

Но на критиков наплевать, а вот угождать Ди Маджио оказалось очень трудно.

И не всегда хотелось. Понимаете, я столько добивалась известности, столько потратила на это сил и даже лет, что отказаться от нее было равносильно самоубийству. Как можно прятаться от всех, если пока мы с Джейн Рассел ставили отпечатки своих ладоней на Голливудском бульваре, толпу едва сдерживал полицейский кордон, а стоило появиться где-то,

особенно в облегающем платье, как толпа начинала реветь: «Мэрилин!»

Джо тоже словно чего-то ждал, то ли не мог определиться, справится ли он с вот этим, то ли пытался понять, нужна ли ему жена с таким приданым.

Толпа могла восторженно реветь сколько угодно, могла забрасывать студию мешками писем ежедневно, но я знаю одного человека, на которого ее восторг не производил должного впечатления. Конечно, это Даррил Занук. «Мэрилин не актриса и никогда ею не будет!» – таков его вердикт, оставшийся неизменным даже сейчас, после миллионных доходов от моих фильмов.

Говорят, Занук, прослушав песню о бриллиантах в моем исполнении, не поверил, что это мой голос. Пришлось посмотреть фильм и еще раз услышать студийную запись. Жаль, что я узнала об этом поздно, могла бы тогда порадоваться из-за разлива его желчи в организме, мне бы это доставило несказанную радость.

Во всяком случае, студия снова повысила мне зарплату, но она снова была слишком ничтожной по сравнению со звездами. Честно говоря, я за деньгами никогда не гонялась, а если они появлялись, довольно бездумно тратила. Дать кому-то в долг и забыть об этом? Мелочь, не достойная внимания. Когда Наташе Лайтесс были нужны деньги на покупку крошечного домика взамен ее квартирки, я продала единственную дорогую вещь, которую имела, – последний подарок Джонни Хайда, норковое манто, которое он заказал для меня перед своей смертью, а мне доставили уже после нее. Потом Наташе понадобились деньги на операцию на горле. Прекрасно понимая, что значит для репетитора голос, я выложила требуемую сумму. Правда, позже оказалось, что никакую операцию она делать не стала, но это уже ее дело.

Я о деньгах…

Никогда за ними не гналась, но, делая своим появлением на экране фильм кассовым, получать в десять раз меньше тех, кто играет с тобой рядом, да еще и терпеть их насмешки, обидно.

Прибавив мне немного, Занук потребовал полнейшей отдачи и, не спрашивая моего согласия, утвердил на роль Полы в фильме «Как выйти замуж за миллионера».

Знаете, я была самой послушной лошадкой в «конюшне» Голливуда, выполняла все, что требовали, посещала любые приемы, презентации, снималась в чем попало, если кадры со мной вырезали, не жаловалась, если долго не давали роли, ждала… Но теперь-то стала звездой, той, ради которой зрители

ходили в кино, а на студии все оставалось по-прежнему. Фильмы с моим участием принесли студии за год куда больше, чем с кем-либо из других кинозвезд, но у меня не было отдельной гримерки, мне платили как средней старлетке, гримера приходилось ждать в очереди либо гримироваться самой.

Но самое неприятное – меня никто не спрашивал, хочу ли я сниматься в таком-то фильме, по такому-то сценарию с таким-то режиссером и в такой-то роли! Роли просто давали, даже не предлагая прочесть сценарий, и они были похожи, как сестры-близняшки – глупые блондинки, для которых главное деньги. Ну и бриллианты, конечно.

Новая роль почти копия предыдущей, да и фильм не блистал новизной или гениальностью. Три подруги-фотомодели, живущие в одной квартире, решают выйти замуж только за миллионеров. Подруг играли Лорин Бэколл и Бетти Грейбл. На фильм две блондинки и одна брюнетка.

Грейбл была штатной блондинкой «Фокса» еще во время войны, теперь ее пора откровенно прошла, но упрямый Занук считал, что она способна принести студии деньги. Кстати, сама Бетти прекрасно понимала истинное положение дел и посоветовала мне:

– Дерзай, детка, мое время прошло, наступило твое!

Грейбл относилась ко мне хорошо, она не виновата ни в идиотском сценарии, ни в постоянных попытках режиссера утопить мою героиню, превратив ее в откровенное ничтожество.

Док, не подумайте, что я жалуюсь, но когда из трех героинь тебе предстоит сыграть самую глупую и нелепую, а режиссер и сценарист все добавляют и добавляют нелепостей, становится не по себе. Грейбл играла романтическую блондинку Локо, Бэколл интеллектуальную брюнетку Шатце, а я, как всегда, глупую алчную блондинку, к тому же еще и катастрофически близорукую, но не желающую носить очки в присутствии мужчин, а потому без конца попадающую в идиотские ситуации. Режиссер Жан Негулеску требовал, чтобы я то и дело натыкалась на стены, словно близорукий человек, даже очень близорукий, не видящий перед собой стены.

Лорин Бэколл позже утверждала, что она, как и остальные, старалась мне помочь, мол, меня опекали, как несмышленого ребенка. Конечно, ведь никто не считал меня звездой, они мнили себя намного выше, где-то там, за облаками, в то время как я, глупая блондинка, стояла на земле. К тому же Бэколл была женой Хэмфри Богарта – настоящей звезды, который мог позволить себе все, в том числе и знаменитое хамство и пренебрежение ко всем «незвездам».

А вот Грейбл относилась ко мне хорошо, иногда подсказывая и поддерживая.

Я действительно очень боялась сыграть плохо, ошибиться в реплике, услышать презрительные насмешки. Никогда об этом никому не рассказывала, но одна из первых же стычек у меня случилась с Хэмфри Богартом. Он в фильме не снимался и на площадку обычно не приходил, но тут как-то оказался рядом со мной. Те, кто немного знаком с Богартом, прекрасно знают, что ближе к концу жизни он стал временами невыносим, особенно с теми, кого недолюбливал. Конечно, Богарт – гениальный актер, у него уже был «Оскар» за «Африканскую королеву», в следующем году он сыграл своего Лайнуса Ларроби в «Сабрине» с Одри Хепберн, и в «Босоногой богине» с Авой Гарднер, и еще в нескольких фильмах, снова был номинирован на «Оскара» за роль капитана Куига в «Бунте на Кейне»… о Богарте можно много говорить как об актере, он даже некоторым помогал, но куда больше тех, кто запомнил его как невыносимого сноба, презирающего всех и все, обозленного на весь мир из-за своей болезни. Я знаю, что и Одри Хепберн, и Ава Гарднер страдали от его высокомерия и неприязни.

Пострадала и я. Буквально попав под ноги Богарту, чувствовавшему себя в тот день не слишком хорошо после вчерашней попойки (что бывало нередко), я недостаточно почтительно посторонилась. Наверное, так, но мои мысли были слишком далеко от потрепанной жизнью физиономии звезды. Не знаю, замечали ли другие актеры, но когда Богарт говорил, он, видно, из-за дефекта зубов плевался во все стороны. Я получила от разъяренной звезды свою порцию плевков и короткую характеристику того, что из себя представляю. Если перевести на цензурный язык, то это непотребная девка, болтающаяся под ногами у настоящих артистов, которая попала на съемочную площадку понятно как и держится только из жалости.

Надо ли говорить, насколько «подняла» мою самооценку такая характеристика? Я вернулась в гримерку, обливаясь слезами, и задержала начало съемки сцены на полчаса, пришлось умываться и наносить грим снова. Если раньше у меня и были проблемы с выходом на площадку из-за неуверенности в себе, то теперь они выросли до невероятных размеров. К тому же я должна была убедиться, что на съемках не присутствует Хэмфри Богарт. Даже когда знала, что его нет в Голливуде, все равно долго не могла решиться выйти, все время казалось, что сейчас снова услышу о том, какая я.

Мне понадобилась поддержка Наташи, дело в том, что режиссер, хотя и возился со мной, как с неопытной актрисой,

совершенно не понимал, что нужно не перечислять: пройди там, подойди сюда, посмотри туда, а объяснять, что происходит, что чувствует или думает героиня и почему так ведут себя остальные действующие лица сцены. Ведь именно так делают театральные режиссеры, никто не будет во время репетиций диктовать актеру, куда ему встать или сесть, скажут, что именно сыграть, и актер все делает сам. Наученная Наташей и Михаилом Чеховым, который умудрялся играть вообще не вставая с места, но при этом погружаясь в роль, я катастрофически терялась, когда слышала короткие команды:

– Два шага вперед… теперь повернись… ближе, еще ближе…

Неподдающийся» Занук

Понимаю, это специфика кино, но если мне объяснить, что именно творится в этой сцене, я сыграю ее, как чувствую.

Актеры тоже обижались, что я не подыгрываю, зато требую множества дублей, чтобы получить лучший результат.

– Ради удачной фразы одной старлетки мы должны раз за разом повторять уже сыгранное?!

Наверное, это непрофессионализм, наверное, мне лучше бы идти на сцену, потому что, по словам режиссера, я все делала неправильно, всех приводила в бешенство и всем мешала. Казалось, если бы не я, фильм сняли вдвое быстрее и куда лучше.

Правда, потом выяснилось, что лучше всех роль сыграна у

меня и на фильм зрители ходили ради моей Полы с ее дурацкими очками с толстенными стеклами. Негулеску каждый день хватался за голову, почти со стоном возвещая, что день потрачен впустую, потому что из-за моих выходок завтра придется переснимать все, что снято с таким трудом.

– Это невыносимо – зависеть от чьего-то непрофессионализма!

Я рыдала, Наташа успокаивала, как могла, по ночам мы до одурения репетировали предстоящие сцены и те, что успели снять в этот день, утром я никак не могла проснуться и, хуже того, от страха не могла заставить себя прийти на площадку. Мои опоздания раздражали всех, атмосфера вокруг накалялась до предела.

Но каждый раз оказывалось, что ничего переснимать не придется, потому что все отснятое можно прямиком вставлять в картину. Негулеску разводил руками:

– Не понимаю, как это происходит, но получилось здорово.

Никому не приходило в голову сказать хотя бы слово в мою защиту, даже если сцену переснимали по моему требованию или вообще только со мной. Моей заслуги и даже моего участия в удачных кадрах не замечали, я по-прежнему была старлеткой, «понятно как оказавшейся на съемочной площадке». Мои опоздания объявлялись причиной любых срывов, а мои требования и просьбы сделать еще дубль – капризами.

И все равно фильм был снят, и глупая блондинка Пола получилась настолько человечной и трогательно смешной, что вызвала у зрителей настоящую симпатию.

Джо Ди Маджио на премьерный показ пойти со мной отказался, это было тем более обидно, что Лорин Бэколл, конечно, была с Хэмфри Богартом, привычно пьяным и привычно высокомерным. Он не придумал ничего лучше, как насмехаться надо мной:

– Иди к зрителям, расскажи им, как ты испоганила весь фильм!

Зрителей на премьере оказалось много, и большинство привлечено афишей, на которой красовалась именно Мэрилин Монро в роли Полы.

Успех был оглушительным, фильм получился одним из самых кассовых, снятых в те годы на «Фоксе», причем зрители откровенно сочувствовали моей героине, а критики отметили прекрасную игру Мэрилин Монро.

Но на студии все равно предпочитали считать меня ничем не выдающейся. «Это случайность, просто у зрителей не всегда

хороший вкус…» И не важно, что этот «не очень хороший вкус» и неопытная Мэрилин Монро приносили студии миллионы каждой картиной.

Док, хотите, я Вам расскажу по секрету (совсем по секрету), почему опаздываю на съемки? Ведь одно дело – опаздывать на разные встречи, когда тебя ждут просто в ресторане, тогда я действительно могу очень долго приводить себя в порядок и делать макияж, я уже говорила Вам об этом. Но совсем другое, когда ты в гримерке сидишь, читая книгу, а на площадке мается режиссер и другие участники съемки.

Мне много раз выказывали, что мои опоздания приводят к огромным финансовым потерям для студии, ведь простой аппаратуры и людей стоит больших денег.

Идиоты, если бы они заплатили половину потерянных денег мне лично, я не опоздала бы ни на минуту! Студия платит мне чуть больше, чем рядовой старлетке, а ведь я едва не с первых фильмов просто приманка для зрителей, позволяющая иметь неплохие сборы с каждой картины. Не хотят платить больше мне, пусть платят за простои! Я понимаю, что при этом страдает множество неповинных людей, но не могу иначе заставить студию потерять больше, чем они экономят на мне.

Если бы я это сказала Артуру Миллеру, он бы не поверил, ведь я опаздывала и на съемках «Неприкаянных», а ведь это была моя собственная кинокомпания, и деньги платила я себе сама, вернее, из собственных доходов. Но тогда я уже ничего не могла с собой поделать: проваливаясь в сон с большим количеством таблеток или вообще после укола, очень трудно проснуться рано утром.

К концу 1953 года я все еще не числилась на студии не только звездой, но и вообще актрисой, была всего лишь недоразумением, которое временно приносит большие деньги.

Мне все еще платили меньше тысячи долларов в неделю, в то время как другие актрисы рядом со мной получали за роль по сотне тысяч, а то и больше. Я не слишком гонюсь за деньгами, хотя всегда твердила, что обязательно стану самой высокооплачиваемой актрисой Голливуда. Не стану, Док, мне никогда не платили большие деньги, зрители зря думают, что я купаюсь в миллионах, я очень НЕвысокооплачиваемая актриса Голливуда. Но обидно не это, а само отношение ко мне – пренебрежительное, высокомерное. Даррил Занук не слишком отличался от Хэмфри Богарта, да и остальные тоже. Мэрилин так и не была принята в актерское сообщество Голливуда, осталась чужой, чуть в стороне, хотя у меня со многими были и есть

прекрасные отношения. Прежде всего с теми, кто не смотрел свысока.

За тот год я снялась в трех весьма успешных фильмах, стала популярной, мои ладони отпечатались на цементе Голливудского бульвара…

А еще у меня исчезла последняя связь с прошлым – умерла Грейс Годдард. Она давно и сильно пила, а умерла от передозировки снотворного. Больше в детстве и юности меня не держало ничто и никто. Тети Энн не было давно, Джимми Догерти, думаю, не вспоминал свою женушку, даже за кружкой пива в баре не испытывал желания похвастать женитьбой на красотке с календарей. Боллендеров навещать я просто не могла, они воспитывали маленькую Норму Джин совсем не так, внушая строгие требования морали. Оставалась еще Глэдис в частной клинике, но связи с ней я не чувствовала никогда: ни в детстве, ни сейчас. Эта женщина меня просто родила, а потом запретила называть себя мамой и не позволяла делать это кому-то другому. Я не считала себя обязанной ей чем-то морально, а материально помогала всегда.

Прошлого больше не было, оставалось разве что придуманное. Когда Бену Хехту поручили написать мою биографию, он потребовал:

– Валяй что-нибудь позанимательнее.

Мне очень захотелось его ударить, но я сдержалась и, привычно улыбнувшись, принялась занимательно рассказывать о своем сиротстве и ненужности. Очень развлекательно, не так ли?

Главной отдушиной для меня оставались занятия по актерскому мастерству.

Еще когда я только начинала сниматься, Джек Паланс уговорил Мишу Чехова принять меня в свою учебную группу, но оказалось, что я слишком мало умею и не справлюсь со столь серьезными занятиями. Миша Чехов пошел навстречу, согласившись давать уроки в частном порядке. Я уже говорила Вам, что о Чехове мне много рассказывала Наташа Лайтесс, но ей почему-то в голову не пришло направить меня к Мише учиться. Подозреваю, что Наташа считала себя способной научить не хуже.

Вот буду спать и есть… и превращусь из такой в такую!

Я бесконечно благодарна судьбе за встречу с этим человеком. Более талантливого актера не встречала. Миша, по-моему, способен сыграть все: от Гамлета до табурета, от Лира до рыночного зазывалы. Но еще лучше он учил. Боже, какое это блаженство просто вести беседы с Чеховым!.. Когда он рассказывал о театре, о ролях, об актерском мастерстве, просто об искусстве или о жизни, я раскрывала рот и забывала его закрыть.

Он не учил меня, как Наташа, жестикулировать, старательно артикулировать, произнося слова, выражать эмоции движением глаз или мышцами лица. Чехов учил проникать в суть роли, вживаться в нее, считая, что тогда придет и нужный жест, и выражение глаз.

Мы читали очень серьезные пьесы, разбирали рисунок ролей, их значимость и то, как можно сыграть ту или иную роль или сцену. Глядя на него, я понимала, что настоящее искусство актера божественно, одну и ту же фразу можно обыграть десятком способов, одной и той же сцене придать разное звучание в зависимости от видения актера или режиссера. Каждое слово, каждая мелочь приобретала глубокий смысл.

– Выбирайте во фразе главное слово, то, которое определяет

ее смысл, и именно его произносите с нажимом, чуть громче, чем остальные, чуть более акцентированно. Так и в рисунке роли. Определите основополагающую черту характера, сделайте акцент на ней, тогда будут понятны все остальные оттенки.

Чехов говорил, что в сцене нужно определить акцент, тогда она перестанет быть набором фраз, приобретет осмысленность. Конечно, при условии, что в ней этот смысл есть изначально.

Мы репетировали, проходя отдельные сцены отдельных ролей, и первой пьесой был «Король Лир». Я хорошо помню свое потрясение, когда Миша, не гримируясь, не переодеваясь, даже не вставая со стула, вдруг превратился в короля Лира! Тогда я воочию увидела, что значит вживаться в роль, что значит играть по-настоящему. Сам он говорил, что это характерно для Московского театра. Тогда о Москве и России рассказывали такие ужасы, что я не рисковала даже мечтать о том, чтобы когда-то побывать в этом театре.

Чехов спорил с системой Станиславского, хотя у него же учился. От Наташи я уже знала об этой системе и считала ее совершенно правильной, но Миша говорил, что актер должен не вытаскивать из себя личные чувства, демонстрируя их в роли, а, напротив, перевоплощаться и жить чувствами самого образа, тогда станет возможно талантливо играть любые роли, а не только близкие собственному характеру актера.

Я пыталась размышлять и не могла понять, кто же прав, но, глядя, как играет Чехов, понимала, что он. Миша в любой роли был так органичен, что казалось, это он рожден Гамлетом или Лиром, пылким Ромео или простым рабочим парнем с мозолистыми руками.

Но главное – Чехов вселил в меня уверенность в собственных силах. Он говорил, что я прекрасный пластический материал, очень восприимчива и могу научиться многому, но театр не для меня, нужно сниматься в кино, вот только не играть что попало. Когда я приносила сценарии со своими ролями, Чехов впадал в ярость:

– Да что же они на студии делают?! Они что, не понимают, что Вы можете играть серьезные роли?!

Конечно, я создавала Чехову немало проблем своей несобранностью и опозданиями. У него не было возможности и желания ждать меня, если я задерживалась, а мне никак не удавалось рассчитать время, чтобы все успеть, как это умудрялись делать другие. Я извинялась, просила прощения, чего никогда не делала перед участниками съемок в Голливуде, потому что вовсе не хотела ничего доказывать Мише Чехову или наказывать его, я хотела у него только учиться. И он прощал меня, учил актерскому

мастерству и жизни.

Когда Миша Чехов в 1955 году умер, для меня это стало настоящим ударом. Потерять такого друга и наставника значило куда больше, чем потерять просто учителя актерского мастерства. Он был мне вторым отцом, при том что первого я не знала.

В немалой степени под влиянием Миши Чехова я стала требовать от студии хотя бы показывать сценарии. Конечно, по контракту я не имела права выбирать, но это вовсе не значило, что меня можно заставлять играть только белобрысых дур! В конце концов неужели Занук действительно не понимал, что, предлагая мне однотипные, плохо написанные роли в пустых фильмах, попросту теряет деньги? Кажется, так.

Я не желала быть простым товаром на время, товаром, который зрителям быстро надоест, я способна на большее! Но Занук не желал со мной ни встречаться, ни даже разговаривать по телефону. Наоборот, меня отправили сниматься в новом фильме – «Река, с которой не возвращаются».

Глупый, довольно пустой фильм, но расскажу…

«Тонни сказал, что священник разрешил работать с *такой* женщиной, но запретил разговаривать со мной вне площадки, поэтому мать сразу же уводит его».

Эту свою записку я нашла вместе с фотографиями со съемок фильма «Река, с которой не возвращаются». По сути, фильм чем-то похож на «Ниагару», те же двое мужчин – один подлец, другой герой, хотя и с проблемами в прошлом, и моя героиня между ними. Горы, река, водопады, водовороты, природная красота и человеческие подлость и мужество на их фоне. Роль ничего собой не представляла – певичка салуна, снова блондинка, только длинноволосая, потому что времена золотой лихорадки. Та же секретарша или женщина в поисках миллионера, только сто лет назад. Песни хороши, окрестности красивы…

Десятилетний Тонни Реттинг, игравший моего приемного сына, был вынужден советоваться со священником, чтобы выйти на одну площадку с Мэрилин Монро! С первого же дня его мать, миссис Реттинг, стоило прозвучать фразе: «Стоп! Снято!» – торопилась увести своего ребенка подальше. Я думала, просто боится шума и света софитов, оказалось – меня!

Этот фильм был полон неприязни с самого начала и до конца. Все, конечно, исходило от Преминджера, тон задавал режиссер.

Я не ожидала, что могут возникнуть какие-то сложности, ведь

по сюжету играла певичку кабаре, никому своей ролью не мешала и от кормушки не отталкивала. Следовало показать стройную ножку в разрезе платья – показывала, нужно демонстрировать страсть – демонстрировала. Конечно, осточертело быть светловолосой приманкой, которой привлекают зрителей к экранам, но выбора мне «Фокс» просто не оставил. Снова блондинка, снова красотка, снова вожделенная.

Сюжет незамысловат и накручен одновременно. Во времена «золотой лихорадки» в городок золотоискателей возвращается отсидевший в тюрьме за убийство человека (выстрелом в спину, кстати) вдовец Мэтт, которого играл Роберт Митчем. Некоторое время, пока он сидел, сынишку Марка опекала моя героиня Кэй, певичка местного салуна.

Забрав сына, Мэтт уезжает на свой участок, чтобы основать там ранчо, а не копать окрестности в поисках золота. Немного погодя из городка отправляются и Кэй с мужем – Харри, авантюристом и заядлым картежником, чтобы посмотреть и застолбить богатый золотом участок, только за неимением лошади сплавляясь по бурной реке на плоту. Харри участок выиграл в карты, но, скорее всего, получил обманом, потому очень торопится, пока прежний владелец не опомнился.

С «такой» женщиной Тонни запрещали общаться

Управлять плотом оба не умеют, и только случай в виде подвернувшегося на берегу Мэтта спасает им жизни. Трагедия едва не случилась прямо подле дома, где живут Мэтт с сыном Марком. Как водится, Мэтт хоть и сидел за убийство, но благородный человек, Харри мерзавец, пусть и симпатичный. Вместо благодарности он избивает Мэтта, отбирает единственную лошадь и, бросив жену, уезжает в город, обещая вернуться, но, конечно, не собираясь этого делать. Ему наплевать даже на оставленную у Мэтта Кэй и то, что индейцы уже запалили костер войны. Америка прошлого века без индейцев не Америка, нашлись они и в фильме. Мэтту, Кэй и Марку приходится спасаться от индейцев на том самом плоту, только Мэтт управляет им столь мастерски, что даже индейцы не успевают догнать.

В городе, куда они все же добираются по реке, Мэтт намерен разыскать Харри и получить с того сполна и за разбой, и за обиду. Стычка заканчивается трагедией. Кэй уговаривает Мэтта идти к мужу без оружия, что позволяет Харри попросту взять того на мушку. Понятно, что спасения нет, но в этот миг раздается выстрел от повозки – Марк спас своего отца, убив Харри в спину.

Больше у Кэй никого нет – ее мужа убил ребенок, о котором она столько лет заботилась, Марк никогда не простит мгновений, которые он по ее вине стоял под дулом ружья Харри. Надо как-то жить, и Кэй возвращается в салун. Однако пропасть красотке Кэй не дает Марк, он уже влюблен, а потому просто уносит красотку из салуна в повозку на руках, а та увозит всех троих в новую жизнь.

Расчет был на роскошные панорамные съемки в Канаде и на стати певички-блондинки. Нечто очень похожее снималось совсем недавно и называлось «Ниагара». Тоже двое мужчин и между ними женщина, тоже подлость одного и благородство другого, тоже почти предательство с ее стороны и раскаяние. То, что в «Ниагаре» героиня гибнет, а в «Реке…» даже находит новую семью, не слишком отличало фильмы друг от друга.

Возможно, поэтому фильм отказался снимать Генри Хэтауэй – режиссер «Ниагары». Да и студия не слишком старалась заполучить его в режиссеры. Съемки доверили Отто Преминджеру. Продюсер Стенли Рубин просто не захотел снова спорить с Хэтауэйем.

Казалось бы, проблем вообще не должно быть, но они посыпались, как горох из разорванного пакета.

Мэтта играл Роберт Митчем, когда-то работавший вместе с Джимом Догерти на авиазаводе «Локхид». Преминджер считал, что такое пусть и заочное, но все же знакомство должно помочь мне раскрепоститься и чувствовать себя «как дома». Глупости, играть даже с бывшим приятелем бывшего мужа куда тяжелее, чем с кем-то, не имеющим к тебе никакого отношения. Тогда я думала, что никогда бы не вышла замуж за актера, видеть, как он целуется с другой, еще полбеды, но целоваться самой, краем глаза замечая, что муж наблюдает… Нет, только человек, далекий от съемочной площадки!

Прошло время, и я сделала эту ошибку… пусть не актер, но сценарист, это тоже недалеко.

Преминджер с первого дня словно нарочно старался создать условия, из-за которых я сама сбежала бы со съемок.

Вы ничего не говорили о себе, кто Вы, чем занимаетесь? Но то, что Вы далеки от мира кино, я все равно поняла. Это неважно, даже не слишком важно, слушаете ли Вы записи, которые я Вам даю. Все правильно, Док, так даже легче – я говорю для себя. Но кое-что объясню и Вам.

Помните, я говорила о путешествии Кэй и Харри, а потом Мэтта и Кэй на плоту? Натурные съемки были организованы не зря, мы действительно снимали на реке. Это делается часто, потому что большой водоворот и тем более порог не организуешь в бассейне студии. Но подобные сцены обычно снимают в самом конце и, конечно, с дублерами, чтобы не рисковать здоровьем и даже жизнью исполнителей.

Мы с этих кадров начали и работали без дублеров! Я понимала, что в случае чего нас постараются вытащить, но сплавляться по бурной реке безо всякой подготовки было страшно. Роберт Митчем и тот поеживался:

– Преминджер явно хочет нас угробить…

Не нас, а меня! Было ощущение, что он мстит за необходимость снимать этот фильм. Когда я подвернула ногу и несколько дней не могла сниматься, Преминджер даже радовался. Думаю, он обрадовался бы еще сильнее, если бы я эту ногу попросту сломала и пришлось взять другую актрису.

Я «непрофессионал». Так научите играть, хотя бы объясните, что именно я должна изображать! На мой вопрос о том, что именно мне предстоит играть в следующей сцене, Преминджер фыркнул, точно рассерженный кот:

– Что вообще можно играть в роли певички?! Старайтесь не высовываться из-за Роберта.

Почти презрение, полное неприятие меня как актрисы. Я и без режиссера не была слишком уверена в своих силах, а после

такого замечания и вовсе почти расклеилась. Хорошо, что меня на съемках опекала Наташа Лайтесс. Именно к ней я бросалась с каждым вопросом, ее, а не Преминджера спрашивала, верно ли сыграла эпизод.

Конечно, Преминджер бесился, только что не топал ногами.

Никто не похвалил меня за смелость при съемках трудных сцен на взбесившейся реке, никто не поддержал, когда болела нога, никто не помогал, если я вдруг забывала реплику. Напротив, кажется, все только и ждали, что я ошибусь, что-то перепутаю, сделаю плохо. Как же, красотка, Блондинка, глупая, как младенец, ни на что не способная!.. Только Наташа Лайтесс пыталась со мной что-то репетировать, хоть как-то проходить текст.

Преминджер не раз повторял, что меня избаловали вниманием, что я не способна дать то, чего ждут. Жестоко, потому что если я и была избалована вниманием, то вовсе не тем, какого ждала. Это было какое-то… злое внимание, ожидание промаха, неудачи, провала. Вместо помощи от режиссера я слышала только критику, конечно, на съемках помогал Митчем, но как-то снисходительно, отчего хотелось не прятаться за него, а, наоборот, блестяще сыграть свою роль, а это не получалось.

Я не такая дура, чтобы не понимать, что играю много хуже своих партнеров, не лучше Томми. Очень хотелось стать настоящей серьезной актрисой и доказать всем, что я могу играть и драматические роли. Однако следует признать, что лучше всего получились сцены в салуне, где я пою, пусть и тихим голоском, и демонстрирую свою фигуру перед ковбоями. Неужели это и есть мое амплуа – певичка салуна?!

Тогда я твердо верила, что это не так, что надо просто научиться, во всем следовать наставлениям Наташи Лайтесс, стараться, и все получится. Говорил же Михаил Чехов, что я способная…

С Наташей у Преминджера почти сразу начались скандалы. Я знаю, что ее звали черной вороной и терпеть не могли присутствия на площадке. Но когда она умудрилась посоветовать заниматься постановкой голоса и движения еще и Томми, Преминджер взъярился окончательно и потребовал, чтобы и духа ее не было рядом во время съемок! А уж к мальчику чтобы Наташа не приближалась и близко!

Тогда возмутилась я, потому что Лайтесс была единственной, кто давал мне хоть какие-то советы, как-то меня поддерживал. Я потребовала присутствия Наташи рядом со мной. Удалось добиться своего, зато все решили, что я капризная голливудская дура.

Знаете, нутром я понимала, что Наташа советует что-то не то, но не понимала, почему ее советы, верные в репетиционном зале, не срабатывают на съемочной площадке. Сейчас знаю, что она сценический репетитор, ее советы годятся для театральной сцены, там свои законы. В театре нет крупных планов или, наоборот, слишком общих.

Там роль создается по ходу действия и столько же живет, чтобы умереть, когда опустится занавес, и родиться в следующем спектакле снова. Но она не состоит из кусков, напротив, развивается по ходу спектакля.

В кино иначе, сцены снимаются отдельно не в той последовательности, в которой потом будут смонтированы, любой характер – это лоскутное одеяло, и нужно быть умелым мастером, чтобы не сфальшивить в каждом лоскуте, а еще чтобы все они оказались впору общему замыслу.

Я понятно объясняю?

В кино актеры до самого конца не знают, что же получится в результате. И когда почти финальные сцены снимаются прежде начальных, трудно переключаться с одной на другую. Мне было очень тяжело, но не только из-за этого.

Наташа учила меня четко произносить текст, активно артикулируя каждый слог, для театра это идеально, тем более у меня тихий голос. Как ты артикулируешь на сцене, видят только партнеры и в лучшем случае первый ряд партера, второй уже вряд ли. А вот когда съемка крупным планом, то все движения губ превращаются в нечто невообразимое.

Преминджер был вынужден практически отказаться от крупных планов со мной, ругаясь на чем свет стоит. Тогда я не понимала почему, считая, что он просто придирается и страстно желает сжить со света. Может, я напоминала ему первую жену – Марион Милл, с которой он с шумом развелся? Говорят, она была капризной голливудской красоткой, употребляла наркотики, но после развода уехала куда-то в Африку и теперь работает там в госпитале, помогая больным. Я бы так не смогла… Мне больных жалко, но посвятить всю жизнь работе в госпитале невозможно.

Но дело оказалось не в моей похожести, а в том, что я старательно артикулировала, что производило отвратительное впечатление, к тому же то и дело косила глазами на стоявшую в стороне Наташу, ища у нее поддержку. С Наташей у режиссера шла не просто война, а смертельная битва. Я понимала, что если позволю удалить Наташу со съемок, то проиграю все, и отстояла ее. Что ж, если студия не считается со мной, то пусть терпит мои выходки!

Если честно, то я устала, но не столько от трудных съемок,

сколько от атмосферы на площадке, ведь Преминджер не рисковал повышать тон на Митчема, потому что прекрасно понимал, что получит отпор. А на меня повышал, и еще как! Не в силах наорать в ответ, я мстила по-своему. Но даже когда подвернула ногу на скользких камнях и оказалась вынуждена некоторое время ходить на костылях, режиссер и многие члены съемочной группы считали, что это очередной каприз.

В Канаду приехал Ди Маджио, притащив с собой приятелей и немыслимое количество рыболовных снастей, потому что ему сказали, что там хорошо ловится рыба. Я обрадовалась, надеясь, что уж в присутствии такого защитника никто не посмеет повышать на меня голос и даже вообще косо смотреть. Ошиблась, Джо интересовала рыба, но никак не съемки, ему наплевать, какие замечания делает мне Преминджер и есть ли у меня условия для гримирования. К моменту приезда Ди Маджио самые сложные сцены уже были сняты, и он мало верил моим рассказам о плоте посреди стремнины и окатывающей с головой волне во время прохождения порогов.

Но всему приходит конец, в мучениях физических и моральных фильм был снят, миссис Реттинг удалось сохранить Тонни неиспорченным из-за невольного общения со мной. Фильм прошел незамеченным, да он того и не стоил. Как и «Ниагаре», в «Реке…» «Оскара» можно было давать только природе, но никак не сценарию и всем исполнителям.

А теперь я расскажу, как все же поссорилась с Зануком и плюнула на студию!

Вернувшись с тяжелейших съемок «Реки…», я обнаружила, что меня ждет очередной сценарий с идиоткой-блондинкой – «Розовое трико». Снова поющая дура, с демонстрацией своих статей и умения очаровывать мужчин. Док, это нечестно, они давали роли, в которых я обязана выглядеть глупой и распущенной, а потом приписывали черты героини мне самой! Можно было хоть на каждом перекрестке Лос-Анджелеса кричать о своей любви к книгам Достоевского, к шекспировским пьесам, к героиням Ибсена или о занятиях у Миши Чехова, Голливуд все равно считал меня дурой-блондинкой, не желая признавать никаких иных достоинств, кроме тех, что выпирали из декольте или выпячивались сзади.

Да, я женщина, и это мне нравится, но разве у женщины, кроме красивой фигуры, не может быть ничего другого? Разве высокая грудь или осветленные волосы сами по себе означают глупость? Меня всегда обвиняли в слишком узких и откровенных нарядах, в том, что платья, в которых я прихожу на приемы в

студии, участвую в рекламных мероприятиях или играю роли, слишком коротки, слишком открыты, слишком облегают… Но ведь обычно я не ношу такие наряды, мои собственные платья куда скромнее, особенно в то время, когда я встречалась и была замужем за Ди Маджио, Джо вообще не переносил откровенных декольте. А все, что на мне надето, согласно роли или по необходимости, придумано не мной, а костюмерами студии! Понимаете, мне сначала создают нечто вульгарное, а потом на это же показывают пальцами.

Мне осточертело быть очередной блондинистой приманкой для зрителей, даже моей Блондинке, похоже, надоело, хотя Занук утверждал, что сценарий написан по заказу для Мэрилин Монро. Крашеная певичка, пусть и в паре с замечательным и любимым мной Фрэнком Синатрой? Правда, я снова получала по семьсот пятьдесят долларов в неделю, а Фрэнки по пять тысяч, но главным было не это. Я больше не желала получать роли словно под копирку, да еще и не имея права читать сценарий перед утверждением на роль. Принося студии денег куда больше других актрис, я желала иметь хотя бы часть их прав.

– Нет!

На помощь пришел Ди Маджио:

– Мэрилин, если уж ты все равно пока не снимаешься, может, мы поженимся?

Я не была уверена, что это хорошая идея, помня скучные вечера перед телевизором, а еще что у Джо довольно крепкие руки и он любит их распускать в гневе. Да, Док, признаюсь, синяки по вине Ди Маджио у меня были, ему, как и Джиму Догерти, не нужна жена, на которую пялятся другие. Только Джим предпочел смыться на корабль, а Джо учил меня жить по-своему, приучал к порядку, как он говорил.

Но мне так надоело идти на поводу у студии, что я предпочла Ди Маджио.

Сенсация получилась настоящая: Блондинка взбунтовалась! Репортеры были счастливы разраставшемся скандалом.

– Чего Вы хотите?

– Справедливости. Я хочу играть в фильмах с хорошими сценариями, где есть что играть. И условия контракта тоже не мешало бы изменить, хотя это не главное. Я не буду сниматься по приказу, не прочитав сценария.

Занук ответил, что это противоречит подписанному со мной семилетнему контракту, а потому студия его расторгает.

Интересно, чего они ожидали, что я расплачусь и прибегу просить прощения? В тот момент раздвоения личности на Мэрилин и Норму Джин у меня не было, мы единодушно

согласились на расторжение контракта и предложение Ди Маджио стать его женой.

4 января 1954 года меня в очередной раз выгнали со студии, а через десять дней мы с Джо поженились. Мне было наплевать на контракт и студию, у меня был Джо, который вполне мог содержать хотя бы какое-то время, и то, что заработная плата перестала поступать на мой счет, не испугало ни в какой степени.

Не знаю, что подумали на студии, но в день свадьбы (видно, в качестве подарка) «Фокс» объявила, что возобновила контракт и ждет меня на работу через неделю. Попробовали бы не возобновить. Америка млела от того, что самая знаменитая Блондинка сказала «да» самому знаменитому Спортсмену и Настоящему мужчине! Я официально стала миссис Ди Маджио.

Америка ревела от восторга, газеты наперебой вспоминали, как Джо примчался к моей постели ухаживать после операции аппендицита, как потом приехал в Канаду, чтобы помочь в трудных съемках «Реки…». Ходили даже слухи, что и он снимался со своей героической невестой. Подозреваю, что треть сборов никчемному фильму обеспечило именно желание зрителей увидеть на экране рядом с Блондинкой Героя Америки.

Не знаю, был ли у Занука повторный разлив желчи, но головная боль терзала наверняка. Увольнения самой знаменитой новобрачной Америки ему никто бы не простил. Студия немедленно предложила возобновление контракта на моих условиях.

Но мне наплевать! Я не желала идти на поводу у студии даже на своих собственных условиях и вместо выхода на работу отправилась вместе с мужем в Японию! Просто Джо пригласили по его бейсбольным делам на выставку для пропаганды бейсбола в Азии. Что могло быть для организаторов лучше, чем присутствие там еще и Мэрилин Монро?!

Джо тоже радовался возможности показать, насколько он популярен во всем мире. Ди Маджио ничего не говорил специально, но то и дело проскакивало, что я увижу толпы его поклонников…

Толпы мы увидели уже на летном поле аэропорта Токио. Только моих поклонников! Больше шести тысяч фанатов, прорвав хлипкое оцепление (видно, в Японии не знали о всеобщей любви к Блондинке), высыпали на поле, и пришлось больше часа сидеть в самолете, пока полосу расчистили, чтобы можно было подрулить.

Я очень хотела увидеть Японию, но я ее не увидела. Газеты раструбили о Блондинке, и собирающиеся толпы не позволяли не только пройти по интересным местам или сходить в обычный

японский ресторан на обычной улице, но и просто передвигаться по городу. У меня осталось впечатление рева восторженной толпы, сотен протянутых за автографом рук и недовольного рыка Джо, вынужденного сидеть взаперти.

Ди Маджио немного отдохнул от меня, пока я посещала Корею.

Еще когда мы летели в Токио, в самолете ко мне подошел генерал Кристенберри (Видите, а говорят, что у меня плохая память! Я просто помню то, что хочу помнить) и пригласил выступить перед американскими солдатами, воюющими в Корее.

Вообще-то получилось несколько нелепо, он представился и просто пригласил выступить в Корее. Джо решил, что зовут его, сокрушенно покачал головой:

– Не знаю, смогу ли выкроить время на такую поездку.

– Я приглашаю не Вас, а Вашу жену.

Мне удалось не хихикнуть, хотя и без того довольно вытянутое лицо Ди Маджио стало совсем длинным. Но он справился, хмыкнул:

– Моя жена может делать все, что пожелает.

Сидеть взаперти в гостинице Токио или скучать на матчах, где я ничего не понимала, слушать разговоры об играх, которые никогда не видела, и мучиться оттого, что моего мужа просто отодвигают в сторону, чтобы взять автограф у меня, не слишком здорово. Я полетела в Корею.

О… эта поездка осталась в памяти надолго, думаю, не только у меня! Мы посещали госпитали и тыловые части, а потом решили, что можно на вертолете слетать на фронт.

Прибытие Блондинки, фотографии которой в самых разных видах, вплоть до обнаженки, были у каждого из солдат, означало полную дезорганизацию. Но офицеры справились, и это был один из немногих случаев, когда мне не удалось опоздать с выходом на сцену.

Знаете, в феврале в Корее не слишком тепло, за сценой я стояла в рубашке и джинсах, кутаясь в шерстяное одеяло, зрители сидели в теплой форме, но к микрофону пришлось выйти в открытом платье на тонюсеньких бретельках. Нет, я не хвастаюсь и не изображаю из себя героиню, но представьте: шел снег, дул ледяной ветер, а на сцене Блондинка в шелковом, совершенно открытом платье распевала одну за другой песни о любви и бриллиантах. Петь пришлось долго, солдатам было наплевать, что я замерзла, что вот-вот сорву голос, ревущая от восторга толпа даже мало напоминала военных.

Еще когда мы подлетали к расположению войск, я попросила снизиться насколько возможно и открыть люк. Ко всеобщему

изумлению, улеглась на пол, потребовала, чтобы меня крепко держали за ноги (потом действительно пришлось замазывать синяки от пальцев с перепугу слишком сильно вцепившегося в лодыжку парня), и принялась размахивать руками и посылать воздушные поцелуи. Внизу творилось нечто невообразимое! Мы долго не могли приземлиться, крики «Мэрилин!» заглушили даже шум вертолетных винтов.

Со сцены я ушла, только когда почти сорвала голос, а слушатели также сорвали свои от криков восторга. Это не потому, что я такая замечательная певица, просто истосковавшиеся по женщинам и оторванные от родины солдаты острее чувствуют женскую красоту. Блондинка была на высоте! Норме Джин пришлось признать, что она права, ведь ради одного вот такого выступления и выказанной радости стоило сниматься в глупых фильмах и крутить задницей, проходя вдоль Ниагарского водопада.

В мою честь был дан роскошнейший банкет, на котором я уже куталась в теплую одежду, потому что простыла, причем не просто простыла, а заработала пневмонию и по возвращении в Токио слегла с высокой температурой.

– Джо, ты не представляешь рев десятка тысяч солдатских глоток! – Я захлебывалась от восторга, рассказывая мужу о поездке.

Он криво усмехнулся:

– Мэрилин, меня приветствовали стадионы по пятьдесят тысяч…

Начались проблемы с мужем, становившиеся с каждым днем все серьезнее. Нет, не потому, что он завидовал моей популярности, Ди Маджио действительно хватало своей собственной, она Джо была просто не нужна. Ди Маджио не понимал, как можно восторгаться ревом толпы или невозможностью нормально ходить по улицам.

– Зачем тебе это?

А я не знала, как объяснить, что вот такой прием для меня – свидетельство, что вопреки негативному отношению на студии, вопреки презрению Голливуда я стала популярной и любимой зрителями, что такие приемы заставят Занука сдаться и принять мои условия, а значит, я смогу играть хорошие роли в хороших фильмах.

Знаете, однажды, выслушав мои рассуждения по такому поводу, Джо с сомнением покачал головой:

– Ты ошибаешься, такие встречи окончательно докажут всем, что ты Блондинка, и ты уже никогда не сможешь играть серьезные роли в серьезных фильмах, но не из-за студии, а потому что

зрители просто не захотят видеть тебя иной.

Док, Джо не мастер произносить длинные и умные речи, он выражается коротко и просто, конечно, он сказал не так или не совсем так, но смысл был таков.

Сейчас, по прошествии нескольких лет, я поражаюсь его мудрости, тому, что Ди Маджио, не слишком любя кино и вовсе не уважая ни киношников, ни зрителей, готовых вопить при виде Блондинки (хотя сам любил мое тело), очень точно понял суть проблемы, которая поломала всю мою последующую жизнь и карьеру. Зрители действительно не пожелали видеть меня иначе как Блондинкой независимо от поведения студии.

Ошеломленная, я простила Ди Маджио и заработанные синяки, которые пришлось без конца замазывать, и даже сломанный большой палец правой руки. Горячий итальянец не вынес картинки своей полуголой жены, пожираемой взглядами тысяч солдат. Журналисты сделали вид, что поверили в мое неудачное падение из-за попавшего под ноги уголка ковра.

Ухаживая за своей больной женушкой, Ди Маджио снова выглядел Героем. Мужская половина Америки лежала у моих ног, женская – у его.

Но дома все оказалось не так просто, Джо поставил меня перед выбором: или кино, или он! Я покорно переехала к мужу в Сан-Франциско, приходила в себя после болезни, много читала и маялась от безделья. Отдых – это хорошо, но когда мужа почти каждый вечер нет дома (он считал, что мужчине положено по вечерам общаться с друзьями в баре и только ночами с женой в постели), а если он есть, то сидит перед телевизором, переживая из-за забитого или пропущенного мяча, знакомых мало, выходить из дома невозможно, даже долгожданный отдых быстро осточертеет.

Мы стали все чаще ссориться. Началось как-то незаметно, на вопрос «А как же я?» Джо лишь пожимал плечами:

– У тебя же вон сколько книг, ты у нас умная…

Конечно, на студии не могли не отреагировать на мое выступление в Корее, хотя бы потому, что «Фокс» и Голливуд вообще зрители завалили мешками писем с требованием «почаще снимать красотку Мэрилин, потому что она нам нравится». Думаю, студия пожалела, что не воспользовалась моим пребыванием в Японии и Корее для рекламной кампании фильмов. Я испытывала ехидную радость при мысли, сколько Занук упустил из-за своего глупого упрямства.

Но даже Зануку пришлось пойти на попятный и предложить мне новые условия контракта. То-то же, мы с Блондинкой еще вам

покажем!

Следующая роль была не просто проходной, а все такой же бессмысленной и блондинистой, музыкальные номера бездарны, наряды и макияж вопиюще вульгарны. Роль Вики в фильме «Нет лучше бизнеса, чем шоу-бизнес» введена нарочно для меня как уступка зрителям, но лучше бы не вводилась! Понимая, что фильм с Дональдом О'Коннором будет провальным, студия выставила меня вроде зазывалы у ворот. Снова приманка, снова полуголая и глупая…

Но за фильм обещали отдельной выплатой сто тысяч долларов, к тому же брали на работу Наташу (с разрешением находиться на площадке независимо от желания или нежелания режиссера), а также моего учителя пения Хэла Шафера и хореографа Джека Кола. Ни Блондинка, ни О'Коннор, ни Наташа, Шафер или Кол не смогли спасти фильм, он получился пошлым, безвкусным и ужасающе пустым, но денег студии принес много.

Однако теперь я могла ставить свои условия и потребовала роль в «Зуде седьмого года» – экранизации очень успешного бродвейского боевика, который должен снимать Билли Уайлдер.

Домашние ссоры набирали обороты, я не могла думать ни о чем другом, как только о разладе с Ди Маджио и о том, что снова играю в бездарном фильме бездарную роль. Нервы ни к черту, в лицо Джо лучше не смотреть, он не мог простить мне возврата к работе, да еще и такой! Я почти не рассказывала ему о фильме, понимая, что будет, когда Ди Маджио увидит мои костюмы и услышит текст, тут сломанным пальцем не отделаешься. Знаете, Док, а ведь тогда у меня даже была тайная мысль, что, серьезно сломав мне, например, нос или челюсть, то есть попросту испортив внешность Блондинки, Джо даже окажет услугу. Может, хоть тогда меня перестанут назначать на роли красивых дурочек?

Однажды, стоя перед зеркалом, задала своему отражению вопрос:

– Ну и чего ты добилась? Рева толпы, которой все равно, есть ли под твоими волосами мозги, читала ли ты что-то серьезнее журналов с картинками, училась ли актерскому мастерству, которой достаточно, что грудь высока, бедра умеют вилять, а ножки стройные? Презрения коллег и откровенной неприязни мужа?

И мне показалось, что Блондинка с усмешкой поинтересовалась в ответ:

– А чего добилась ты?

Она права, Норма Джин не имела и этого.

Я была несчастна, никакой успех Мэрилин Монро или

кассовые сборы глупых фильмов не добавляли мне уверенности или удовлетворения, а откровенная неприязнь Ди Маджио лишала последних сил и надежд. Мне нигде не было места: ни на студии, ни в актерском сообществе, ни даже дома. Я никому не нужна, зрители обожали Блондинку с ее ужимками, студии достаточно кассовых сборов, а Джо терпеть не мог ни то ни другое.

Еще хуже стало, когда мы перебрались в Беверли-Хиллз, чтобы я могла сниматься. Я с ужасом ждала гнева Джо и жаловалась на жизнь всем подряд – Наташе, Бобу Слетцеру, своему агенту Чарльзу Фельдману и даже новому знакомому – фотографу «Лука» Милтону Грину. Наташа, ненавидевшая Ди Маджио (взаимно!), жалела меня, но между нами с наставницей уже пробежал холодок, Слетцер жалел по-своему, норовя по старой памяти приложиться к телу, а Фельдман старался развлечь, но никто не мог просто помочь. Никто, потому что для этого нужно было бы уничтожить Блондинку и начать все сначала, а это невозможно. То есть уничтожить или отказаться от нее я могла, но это означало бы снова безвестность и отсутствие работы. Джо легко мог содержать меня, но становиться вечной Пенелопой, ожидающей по вечерам мужа из бара или взирающей на него, сидящего с пивом перед телевизором, я не хотела.

Из двух зол нужно выбрать одно. Беда в том, что оба вели к гибели, только разными путями. Док, нас во мне двое, но гибель одной непременно приведет к гибели второй. И я должна выбрать, кого уничтожить сначала. Тогда победила Блондинка, Норма Джин была на время придушена, но, как видите, оказалась живучей, дотянув до нынешнего дня.

А помогла мне выбрать одна встреча…

Фельдманы жили почти напротив нас и часто устраивали разные вечеринки, на которые приглашали гостей, далеких от мира кино. Все верно, популярность нужна в разных кругах. Я не раз бывала на подобных приемах у Джонни Хайда и Шенка, знала, что на них может быть интересно, но чаще бывает скучно, боялась попросту напиться из-за отвратительного настроения, а потому приходила изредка.

Но в тот раз мы явились даже с Джо Ди Маджио.

Наверное, это должно было произойти. Джо, как всегда, мрачно наблюдал, как на грудь и бедра его жены откровенно пялятся мужчины, а я – как недовольные женщины скрипят прелестными зубками. Блондинка торжествовала, Норма Джин внутри обливалась слезами. Среди гостей оказалась пара, привлекшая мое особое внимание, – молодой сенатор Джон Ф.К.

с супругой Джеки. Они тоже были молодоженами, но это не слишком бросалось в глаза.

Знаете, бывают люди, при одном взгляде на которых ты чувствуешь их необычную судьбу и их силу. Вот в Ди Маджио мгновенно чувствуется физическая сила и сила воли, ты понимаешь, что этот довольно простой парень способен выручить команду, даже играя со сломанной рукой и ногой, способен вытерпеть любую боль и пожертвовать собой ради других. В нем есть надежность, упорство и простота.

У Джона К. сразу покоряла совсем другая сила, не физическая и даже не моральная, он был Властелином, глядя на него, я понимала, что у этого человека великое будущее, настолько великое, что даже подумать страшно. Если рядом со мной сидел самый знаменитый Спортсмен Америки, то пялил на меня глаза наверняка самый знаменитый политик. Нет, он не был как-то особенно красив или мужественен, скорее наоборот, совершенно обычный внешне, и все же…

А он именно пялил, забыв о своей Джеки.

Нехорошо, некрасиво, непорядочно, но я делала то же, просто не могла отвести глаз от Джона К. Сейчас я могу сказать, что не ошиблась, он стал тем, кем должен был стать, и я приложила для его популярности немалые усилия. Вы поняли, о ком я? Конечно, поняли.

Но тогда до этого было еще далеко. Ди Маджио долго терпеть не стал, видимо испугавшись, что сенатор сломанным пальцем не обойдется, он просто отправился домой один, не позвав меня с собой. Хотя это тоже хорошо, потому что дома Джо побил бы меня наверняка. И за дело, я понимаю, что не слишком приятно видеть, что твоя жена очарована другим.

На следующий день Ди Маджио неожиданно явился на съемки наблюдать за тем, как мы записываем одну из моих весьма фривольных песен. Стоило мне открыть рот и произнести первые слова песни о жарком воздухе Ямайки, как Джо бросился прочь со съемочной площадки и из студии вообще. Мне стоило большого труда взять себя в руки, чтобы не разреветься.

Возвращаться домой я боялась, понимая, что муж в ярости и наверняка побьет посильнее, чем в Токио. К тому же чувствовала себя виноватой из-за Джона К. и из-за новой роли, ради которой бросила спокойную и приятную для Ди Маджио жизнь в Сан-Франциско.

Но сколько ни тяни, а домой ехать пришлось, открывая дверь дрожащими руками, я все придумывала, как оправдываться. Тем, что я снова не читала сценарий и слишком фривольные костюмы

и песни не моя идея? Ди Маджио наплевать на все идеи Голливуда, вместе взятые, он давно требовал от меня полного разрыва отношений со студией, а я вместо этого подписала новый семилетний контракт, пусть и на гораздо лучших условиях.

Да, композитор Ирвинг Берлин, ради его очень популярных песен двадцатых годов и ставился фильм, от моего исполнения был в восторге, заявив, что, если бы песню «Получив то, что вы хотели…» вот так спели тогда, она непременно стала бы настоящим хитом. Да, позже песня разошлась на пластинках огромным тиражом и действительно полюбилась, но для моего мужа это ничто. Оправданий с точки зрения Ди Маджио не было и быть не могло, потому что полуголая, виляющая задом жена, к тому же распевающая весьма «содержательные» песни, его не устраивала совершенно. О молодом сенаторе я вообще старалась не вспоминать, тут прямой повод наставить синяков.

Но оправдываться не пришлось, Джо, видно, побоялся прибить меня, а потому поспешно покинул наш не такой уж уютный дом! Ди Маджио уехал в Нью-Йорк, наплевав на все мои страхи и раскаяния. В тот вечер я была даже рада, потому что избежала разбирательств и выяснения отношений, но прорыдала почти до утра, будучи на следующий день практически не в состоянии работать.

Несколько дней на студии шла запись звука и досъемка неудачных кадров (хотя я пересняла бы весь фильм, а еще лучше выбросила его в корзину), работы хватало, и я старалась не думать о Джо, но стоило остаться одной в пустой спальне, снова накатывала обида и раскаяние…

Приходилось принимать все большие дозы снотворного, которым меня свободно снабжал Милтон Грин. Утром просыпалась поздно, с трудом и с больной головой, временами даже плохо соображая, где нахожусь и что делаю. Джо давно говорил, что из-за большого количества барбитуратов я превращаюсь в наркоманку, но что делать, если организм уже привык и маленькие дозы его не брали?

Док, если у Вас есть пациенты, пользующиеся барбитуратами или прочей гадостью, категорически запретите им делать это, сначала все кажется легким и безобидным, но быстро наступает привыкание, и ты уже ничто. Две таблетки вечером, даже в восемь, чтобы заснуть… потом еще две, потому что сделать это не удается… потом еще… и еще… и с рассветом ты проваливаешься в какой-то омут, чтобы с трудом вынырнуть из него к середине дня, совершенно разбитой, мало на что годной. Заторможенность, ухудшение памяти, плаксивость… все, что угодно, только не то, что нужно для работы. Вокруг не просто косятся или ворчат,

вокруг уже рычат, тебя начинают ненавидеть, а ты в ответ ненавидишь всех.

Эта воронка затягивает быстро и сильно, самостоятельно из нее не выбраться. Нужно бы не принимать снотворное пару недель даже ценой отсутствия сна вообще, но тогда утром под глазами будут страшные мешки и отовсюду вылезут морщины, которые не замажет ни один грим. Я не пила снотворное, пока была в Японии, но не потому, что там ночь, когда у нас день, а потому, что от меня не требовалось спать или не спать в определенное время. Но наступили рабочие будни, и я снова взялась за лекарства. Может, Ди Маджио прав и для меня лучше вообще не видеть этой чертовой надписи «Голливуд»?

Съемки «Бизнеса» закончились, и я сразу же отправилась в Нью-Йорк готовиться к началу съемок «Зуда седьмого года» у Билли Уайлдера.

Сейчас я Вам его нарисую…

Я обожаю Билли и снялась у него не в одном фильме, обожаю его неизменно улыбающееся широкое лицо с чуть съехавшим в сторону носом, немного вздернутый полный подбородок и оттопыренную нижнюю губу. Хотя он объявил меня своим врагом (или себя моим?). А я его все равно люблю!

Во-от… получилось немного похоже, хотя веселый нрав Билли не передает, поверьте, он вовсе не такой озабоченный. А сам фильм стал для меня настоящей отдушиной, хотя привел к окончательному разрыву с Ди Маджио. Сейчас, через несколько лет, мы снова друзья и даже любовники, наверное, Ди Маджио единственный, кто любит меня по-настоящему. Док, даже не так, он единственный, кому не нужна эта самая Блондинка! Он был бы счастлив, чтобы во мне осталась только Норма Джин, а что, у нее же тоже была неплохая фигура?

Господи, неужели рядом со мной столько лет был человек,

который мог освободить меня от этой… Блондинки, поселившейся внутри, и я от него отказалась только потому, что Джо любил смотреть спортивные передачи и не читал Достоевского? Док, какая же я дура! Наплевать на его нежелание интересоваться интеллектуальной литературой, я тоже не сразу стала знатоком Ибсена и Фрейда, Джо мог помочь мне справиться с самой собой, с моим вторым «я», пусть даже ценой потери бешеной популярности. Что дала мне эта популярность, кроме необходимости скрываться под черным париком и постоянно вилять задом? Все равно через несколько лет я попыталась начать все заново, но за это время Блондинка настолько окрепла и приросла ко мне в глазах окружающих, что от нее не избавиться.

Но вместо того чтобы спрятаться от нее за спиной Джо, попросить помочь, я сделала противоположное – избавилась от самого Джо! Рассталась с ним.

Но сначала о фильме.

Знаете, Док, сейчас я скажу страшную вещь, но чем больше я пытаюсь разобраться в себе в последнее время, тем отчетливее понимаю, что это именно так.

Наверное, я не актриса, не драматическая актриса.

Вчера нарочно нашла маленький кинотеатр, в котором показывают фильмы прошлых лет, и посмотрела «Зуд седьмого дня». Там я играю лучше всего, хотя это трудный период развода с Ди Маджио и его дурацкой слежки, над которой потешалась вся Америка, но все равно я была счастлива. Игралось легко, почти весело, не надо было делать никаких усилий.

Но смотрела на экран и понимала, что Девушка сверху, как звали мою героиню (Вы не помните этот фильм? Наверное, нет, он слишком легкомысленный, зато веселый), это и есть Мэрилин Монро. Так, может, Артур Миллер прав, сказав, что за всю жизнь я хорошо сыграла только Блондинку?

Это очень плохо?

Наверное, мои откровения трудно слушать? Я то и дело сбиваюсь, хотя очень стараюсь (скажу откровенно: даже делаю предварительные короткие записи, чтобы быть последовательной и говорить внятно и красиво, но не выдерживаю), перескакиваю с одного на другое… Вот и сейчас начала о фильме и Билли Уайлдере и почти сразу принялась каяться в собственной глупости. Так Вы можете подумать, что Мэрилин Монро настоящая дура. А она и есть дура, только хитрая-хитрая. Это Норма Джин умная, но ее почти не видно…

Ладно, вернемся к фильму.

Что за радость играть безымянную роль? «Девушка сверху»… Глупость? А получилось наоборот. По сценарию у вполне

обычного ньюйоркца Ричарда Шермана, рядового редактора рядового журнала, на летний отдых отбыла жена с ребенком, предварительно взяв с него едва ли не клятву «не пить, не курить и не волочиться за каждой юбкой». И надо же такому случиться, что Ричард, став «соломенным вдовцом», в тот же день вынужден дома читать рукопись о сложностях семейной жизни на седьмом году брака (а у него как раз седьмой год!) и познакомиться с соседкой этажом выше, вселившейся в квартиру ненадолго, одинокой, красивой и нестрогого поведения.

Не понятно, чего в фильме больше – реальных событий обыкновенного человека или его фантазий, даже снов. Ничем не примечательный и тихий в обычной жизни, Ричард оказывается мечтателем, а уж когда его мечты подкрепляются парой незначительных событий или неосторожных фраз жены, ему нет удержу.

В фантазиях Ричарда у него бурный роман с Девушкой сверху, в то время как собственная жена изменяет с их знакомым Томом, случайно оказавшимся попутчиком в поезде. Девушка сверху – это девушка его мечты, непременно красивая и, конечно, блондинка. Но это единственный случай, когда я вовсе не была против Блондинки, потому что роль скорее гротескная, высмеивающая, но очень мягко высмеивающая пристрастие мужчин к этому образу.

Реальная блондинка, живущая этажом выше, то и дело вступает в противоречие с идеальной мечтой Шермана, ее не захватывает Второй концерт Рахманинова, Девушка сверху также далека от фантазий своего соседа, как он сам от реального мачо, каким воображает себя в мечтах. Но при этом она удивительно человечна и добра. Я сама, слушая этот концерт, просто затерла пластинку, а при первых аккордах начинала просто рыдать. Вот оно настоящее искусство, не имеющее ничего общего с тем, что сплошным валом выплескивается со студий Голливуда на экраны!

Впервые я играла Блондинку, у которой перед глазами не мелькали диадемы и не щелкал счетчик купюр. Да, она вовсе не была образцом добродетели, скорее, из тех, с кем священник действительно мог запретить общаться Тонни Реттингу, но не гонялась за выгодой. Но это как-то не слишком отражалось ни на ее поведении, ни на ее внешности. Кроме того, роль, по сути, оказалась двойной, ведь я играла то фантазию главного героя, то реальную девушку. Фантазию следовало чуть утрировать, как утрированы оказывались все фантазии главного героя, и это тоже было замечательно!

Одна только сцена с игрой концерта Рахманинова на рояле чего стоит.

– Ах, я вся дрожу, у меня мурашки бегут по телу!

Ричард воображает себя исполняющим этот концерт, хотя дураку понятно, что это ему не по силам. Но фантазия верит и показывает пупырышки на коже, она обожает концерт, и ее впечатлило мастерское исполнение соседа.

– Вы играете на рояле?

– Да, занимался этим когда-то… – так, словно исполнение Второго концерта Рахманинова – мелочь, которой занимаются между делом по выходным…

В реальности все иначе, девушку не впечатлил концерт, поставленный на пластинке, а сам герой сумел сыграть на рояле лишь общеизвестную песенку, которую легко подыграла и его новая знакомая. «Ах, у меня даже мурашки по коже» теперь относилось вовсе не к Рахманинову.

И так во всем. Фантазия весьма страстна, реальная девушка, напротив, оставляет нового знакомого спать на неудобном диване в одиночестве, правда утром благодаря за доброту и сдержанность. Фантазер мысленно бьет морду сопернику, якобы соблазнившему его жену (тоже в фантазии), и в реальности отправляется на две недели за своей семьей.

Комедия нелепых положений, где вымысел очень тонко переплетается и контрастирует с действительностью. Все очень тонко (это же Уайлдер!), умно и точно. На экранную девушку легко накладывалась моя собственная судьба и мои перипетии, о которых знала вся Америка. Казалось, это Мэрилин, приехав в Нью-Йорк рекламировать зубную пасту, на время остановилась в квартире этажом выше. Когда позже кому-то из журналистов пришло в голову задать вопрос зрителям, как зовут героиню фильма, все опрошенные в один голос ответили:

– Мэрилин Монро.

Никто даже не заметил, что у Девушки сверху нет экранного имени, все уверенно называли мое.

Я действительно играла словно саму себя, да почему словно, я действительно играла Мэрилин Монро. Текст роли очень точно отразил мои интонации, сценарий, написанный Билли Уайлдером и автором бродвейской пьесы Джорджем Эксельродом, был просто подарком, не приходилось делать никаких усилий, хотя без сложностей не обошлось, я просила десятки дублей одной сцены.

Но Уайлдер был терпелив, позже я снималась у него еще. Билли очарователен и очень добродушен. А еще нас роднила неприязнь к Хэмфри Богарту. Незадолго до «Зуда…» Уайлдер снимал Богарта в «Сабрине» с Одри Хепберн и Уильямом Холденом. Богарт, как всегда, вел себя безобразно и страшно

оскорблял Уайлдера. Не представляю, как и за что можно оскорбить Билли, на него даже рассердиться невозможно. Впрочем, когда позже мы снимали «Некоторые любят погорячее» («В джазе только девушки». – *Прим. пер.*), то не обошлось без обид и взаимных обвинений. А после фильма Уайлдер вообще сказал, что не рискнет еще снимать фильмы с моим участием, потому что уже не столь здоров и молод. После «Джаза» Уайлдер даже не пригласил меня на вечеринку по поводу окончания съемок.

Когда я приехала в Нью-Йорк на съемки «Зуда…», Ди Маджио там уже не было, он отбыл в Сан-Франциско, но ближе к окончанию работы над фильмом появился. Отношения между нами были таковы, что даже жить в одном номере отеля оказалось невозможно. Представляете мужа и жену, которые в одном отеле живут на разных этажах, общаются по телефону, и каждый разговор заканчивается швырянием трубки на рычаг!

Разве газетчики могли пропустить такую лакомую информацию? Подогреваемый разными слухами и сплетнями, Джо словно сошел с ума, решил, что у меня любовник, и принялся выслеживать с помощью Фрэнка Синатры. Но окончательно разрушили наш брак съемки знаменитого эпизода, когда ветерок из вентиляционной решетки метро при прохождении внизу поезда поднимает подол моего платья. Поверьте, Док, все было вполне пристойно, это потом на рекламных плакатах изобразили черт-те что, в действительности камера располагалась чуть выше моей головы, и платье слегка приподнималось над коленями. Увидеть трусики можно было только сидя под этой самой решеткой.

Мы назначили съемку на полночь, чтобы избежать ненужного ажиотажа, но это не удалось. Откуда публика узнала о съемках, остается только догадываться, но толпа собралась такая, что после нескольких попыток их пришлось отменить, гвалт собравшихся за оцеплением заглушал наши голоса. Мы переснимали сцену в студии, это можно было сделать сразу, подозреваю, что ажиотаж создан сознательно. Как и присутствие рядом Ди Маджио. Почему они с друзьями выбрали именно этот ресторан и кто сказал моему мужу, что на улице толпа разглядывает трусики его супруги при вздымающемся платье? Говорят, некоторое время бедный Джо молча наблюдал это безобразие, а потом просто бросился прочь, как чуть раньше со съемочной площадки во время моего пения.

Ну да, Джо не выдержал и снова пустил в ход кулаки… На следующий день пришлось замазывать синяки, правда, никто не требовал объяснений, откуда они появились.

Утром Ди Маджио уже не было в Нью-Йорке, наш брак

перестал существовать

А все газеты были заполнены фотографиями красотки с вздымающейся юбкой. Реклама фильму обеспечена. Кто-то постарался, чтобы съемки, в общем-то, безобидной сцены превратились в скандал. Наш с Джо развод тоже оказался частью рекламы.

Я была просто уничтожена, потому что, играя в фильмах по своему выбору, все равно оказывалась достоянием студии, которая могла выдать меня замуж или развести, устроить из моей жизни скандал или рекламный ролик. Даже став звездой, я все равно была студийной вещью, пусть и получше оплачиваемой.

Так не могло продолжаться!

В следующий раз я расскажу Вам, как пыталась стать самостоятельной.

«Мэрилин Монро Продакшнз». Самостоятельность

Привет, Док!

Я не знаю, что рисовать… Можно я просто расскажу, как объявила войну «Фоксу» и выиграла (или проиграла)?

Еще когда я воевала с «Фоксом», отказываясь играть в «Розовом трико», меня поддерживал Милтон Грин. Милтон – фотограф, очень хороший фотограф, но он в немалой степени авантюрист, снедаемый страстью стать сверхуспешным продюсером. Грин решил, что нашел золотую жилу, вознамерился выпустить целый альбом моих фотографий, но главное, он убеждал меня порвать всякие отношения со студией.

– Милтон, не эта студия, так другая, какая между ними разница? В «Коламбии» нет Занука, так есть Кон, к тому же в каждой студии своя Блондинка.

– Совсем порви со студиями. Давай организуем собственную компанию.

– Самим снимать фильмы?! Ну нет, на это я не соглашусь никогда!

– Не фильмы снимать, а просто самим вести дела, самим продюсировать твои фильмы.

– У меня нет таких денег.

– Найдем.

– Но у меня контракт со студией, я не смогу ничего играть, пока не выполню все обязательства перед ними, а уж Занук постарается, что они были кабальными.

Грин долго убеждал меня, обещая содержать до тех пор, пока не разрешатся все споры со студией:

– Мы включим это отдельным пунктом в контракт.

Я очень не хотела сниматься на «Фоксе», пока там Занук, даже после того как по окончании съемок в мою честь студией был организован роскошный прием (на нем я познакомилась с Кларком Гейблом!). Занук действительно быстро показал, что прием и хвалебные слова в мой адрес для него лично ничего не значат, тут же предложив одну за другой три совершенно пустые роли в пустых фильмах. Я категорически отказалась, поскольку это снова были алчные белобрысые дуры. Хватит с меня! То, что теперь мне давали прочесть сценарий, ничего не меняло.

Кстати, все три фильма были сняты с другими актрисами, и все три провалились в прокате.

Именно на это и рассчитывал Грин. Он утверждал, что из-за

моего отсутствия студия ежегодно будет терять миллионы и быстро согласится с новыми условиями. Меня не слишком волновали деньги, если я и добивалась повышения оплаты, то только потому, что другим платили в несколько раз больше, даже обещанных ста тысяч долларов за игру в «Зуде…» не было. Смешно, звезда, привлекающая толпы любопытных просто из-за съемки эпизода, приносящая студии миллионы, все еще получала по тысяче долларов в неделю, в то время как оплата уже угасших звезд оказывалась в десятки раз больше. Где справедливость?! Не хотите платить – не требуйте от меня игры в чем попало!

Милтон Грин давил и давил, но ему не удалось бы убедить меня сбежать из Голливуда, если бы не… Артур Миллер.

С самого начала нашего брака с Джо Ди Маджио стало ясно, что, кроме постели, нас рядом не держит ничто. Джо ненавидел мою работу, моих друзей, всех, кто мне помогал. Возможно, он и был прав, называя их акулами, которые жируют на моем теле, но я не могла обойтись без Наташи Лайтесс, без того же Милтона Грина, без Сиднея Сколски, много без кого, и далеко не все они жили за мой счет или благодаря работе на меня. Кстати, Занук не раз напоминал, что помимо моих услуг студия щедро оплачивает и моих постоянных помощников, советовал мне просто разогнать всех и забрать себе их зарплату. Что-то в его совете было…

Но как бы ни раздражало Ди Маджио все связанное с Голливудом, а меня, связанное с рекламой ресторанов, открытых им совместно с друзьями (туда приходилось ходить, привлекая публику), а также рекламой бейсбола, развело нас не это. Нас действительно ничего не объединяло, кроме секса, а как раз он никогда не был для меня определяющим.

Иногда, глядя на мужа, уткнувшегося в экран телевизора или сидя в одиночестве дома, я задавала вопрос: что я вообще делаю рядом с Джо? Нет, он очень хороший, надежный (когда не дерется), но нам не о чем даже поговорить. Я всегда любила читать, а познакомившись сначала с Наташей Лайтесс, а потом с Михаилом Чеховым, научилась читать не что попало, а хорошую литературу. Вот этого Джо не понимал совершенно. Если фильмы еще куда ни шло, то книги Ди Маджио интересовали куда меньше. Я пыталась привить любовь к чтению, покупая и подсовывая хорошие книги – они оставались нераскрытыми, ставила пластинки с хорошей музыкой – звук приглушался, приносила альбомы с репродукциями – Джо только морщился в ответ. «Метрополитен»? А что, разве в Нью-Йорке больше некуда пойти?

Думаю, Джо мучился от меня не меньше, ему претили не только мои вульгарные экранные образы, не только ревущие

толпы, готовые вырвать клок волос на память, как было в Гонолулу, не только мое катастрофическое неумение быть собранной или содержать дом в порядке, но и необходимость интересоваться рядом со мной тем, что его совсем не интересует. Я не осуждаю, конечно, можно прожить жизнь, не имея понятия о Достоевском или Стейнбеке, действительно не любя или даже просто не слышав Второй концерт Рахманинова, можно ничего не знать о Гойе и не подозревать о существовании Джойса, но при этом быть хорошим человеком. Но если есть возможность, то почему бы не почитать или послушать?

Я все чаще вспоминала об Артуре Миллере, с которым уж точно есть о чем поговорить, который знает, как именно пишет Джойс и чем хорош Сэндберг. Постепенно стало казаться, что рядом с Миллером я смогла бы раскрыться не хуже, чем на занятиях с Мишей Чеховым. Артур должен понять мою любовь к поэзии, к книгам, он вообще должен меня понять…

Но Артур был в Нью-Йорке, и после развода Нью-Йорк стал ассоциироваться у меня со свободой. Огромный город, в котором легко затеряться, особенно если не подчеркивать свою внешность, где, надев парик или просто косынку, можно ходить по улицам, не рискуя быть растерзанной сумасшедшей толпой. Мне все больше казалось, что время Голливуда прошло, что если уехать в Нью-Йорк, то можно начать жизнь сначала, но только не такую, как предлагал Ди Маджио, – с сидением у телевизора и бесконечными ужинами в определенных ресторанах, а действительно наполненную.

Милтон Грин предложил иначе: не уехать (студия не отпустит, не даст даже отпуск курице, несущей золотые яйца), а удрать, скрыться и некоторое время пересидеть, пока адвокаты будут утрясать дела со студией.

Именно три никчемные роли, предложенные мне Зануком, упорно не желавшим замечать ни моей звездности, ни моих способностей, подбросили хворост, подлили масла в огонь моих сомнений. Я решилась.

В черном парике и широкой одежде я сбежала сначала к своим старым знакомым Кэрроллам, которые приняли бывшего несчастного котенка, а теперь звезду, правда не ставшую от этого счастливее, а потом к Гринам в Коннектикут и в Нью-Йорк.

Боже, какой поднялся скандал! Люсиль Кэрролл ежедневно приносила кипы газет, заголовки которых не отличались оригинальностью: «Куда девалась Мэрилин?!»

Док, понимаете, это была победа не только над студией или Зануком, но и над Блондинкой во мне. Куда девалась Мэрилин?

Нет, она не пряталась, она умерла, ее больше не было! Я приказала, и Блондинка послушно свернулась клубочком в дальнем уголке. Во всяком случае, мне казалось так. Я испытывала настоящую эйфорию от ее послушания, оказалось, что я могу не давать ей воли, действительно прятать и лишь вытаскивать на время, я могу снимать маску Блондинки, как снимают маску клоуна или ослиные уши после спектакля.

Люсиль, которая терпеть не могла Занука, с явным удовольствием пересказывала голливудские новости, ведь главный удар пришелся именно на моего давнего обидчика. Наши с Грином адвокаты нашли слабые места в моем давнишнем контракте, обвинив студию в навязывании мне безнравственных ролей, которые сильно вредят моему имиджу и оскорбляют меня как личность, а ведь каждый человек имеет право на защиту своего достоинства. К тому же мы создали новую компанию, в которой акции распределялись почти поровну. Правда, тут я воспротивилась, когда Грин пожелал иметь 51 %, оставив мне 49 %. Нет, мне надоело быть в положении управляемого, я хотела наоборот. В конце концов Грин согласился, и у меня образовался перевес в два процента. Это смешно, потому что 51 % от нуля – это ноль, а денег у нас не было совсем. Оставалось надеяться, что Милтон прав и нам легко их ссудят при необходимости.

Но пока мы ничего предпринимать не могли, ведь любые съемки грозили бы огромными штрафными санкциями со стороны студии.

У нас не было ничего: ни денег, ни фильмов, ни предложений их снимать, ни права делать это, но все равно это была свобода от студии! Нам казалось, что свобода.

Я разорвала отношения с Наташей, они уже давно тяготили обеих, мне надоело зависеть от каждого ее слова, одобрения или неодобрения. Тем более я чувствовала, что профессионал сцены Наташа мало приспособлена к съемочной площадке, часто не помогала, а мешала съемкам, из-за ее диктата у меня портились отношения с режиссерами, ее ненавидели последовательно все, с кем я жила и дружила. Сама Наташа отвечала тем же, она терпеть не могла Хайда и Ди Маджио, Сколски и Каргеров, Слетцера и, конечно, Гринов. Удивительно, но, нахваливая Мишу Чехова, она очень ревниво относилась и к моим занятиям у прославленного мастера.

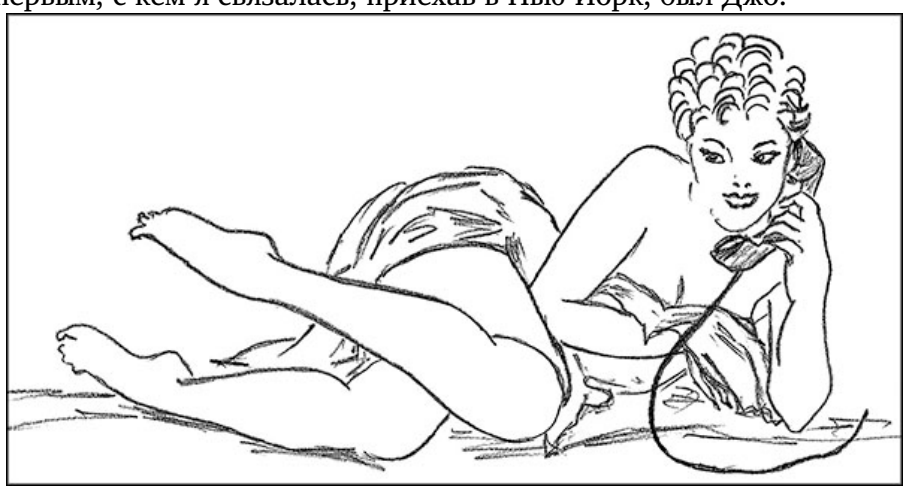
Я хотела избавиться от всех и всего, что связывало меня с Голливудом, потому что хотела избавиться от Блондинки. Если бы я объявила об этом вслух и на студии, меня упекли бы в психушку еще тогда. Избавиться от образа, который принес такие деньги и славу?! Правда, деньги он принес студии, а слава часто

выходила не тем боком и мешала мне стать настоящей актрисой.

Док, сейчас мне кажется, что дни, прожитые в Коннектикуте на ферме у Гринов, были одними из самых счастливых в моей жизни. Там не имелось роскошных бассейнов, не было фоторепортеров, камер, противной команды «Мотор!», там был отдых и душевное спокойствие. Никакой косметики, простая одежда, простая еда, прогулки в лесу и по полям, возня с детьми Эми и Милтона Гринов, болтовня с кухаркой, а еще книги… О… это особое удовольствие, потому что у Гринов оказалась прекрасная библиотека.

А еще были поездки в Нью-Йорк на обычной машине в черном парике и темных очках, хотя довольно скоро оказалось, что и без очков меня в музеях и галереях Нью-Йорка мало кто узнает, вернее, не узнает совсем. Я купалась в безвестности, как раньше купалась во всеобщем восхищении. Я снова была Нормой Джин, только теперь знающей цену успеху и славе, я не хотела славы Блондинки, я хотела просто отдохнуть.

Удивительно, но я вдруг поняла, что мне очень нужен… Ди Маджио! Понимаете, странно, но я в равной степени нуждалась и в умном Артуре Миллере, и в грубом Джо Ди Маджио. Мечта о Миллере все больше приобретала реальные очертания, но первым, с кем я связалась, приехав в Нью-Йорк, был Джо.



За это время адвокаты обсудили положение дел со студийными адвокатами, Грин оказался прав, простой Мэрилин Монро слишком дорого обходился «Фоксу», чтобы студия могла себе позволить не обращать на меня внимания. Только фильм «Зуд седьмого года», вышедший на экраны в 1955 году, принес «Фоксу» большие деньги, остальные были убыточными. Это не могло не вызвать уступчивость студии.

Грин ликовал, мы создали свою компанию «Мэрилин Монро

продакшнз», контракт такого не запрещал, и выдвинули «Фоксу» собственные условия, которые Занук сначала счел неприемлемыми. Я не желала сниматься на студии более чем в четырех картинах за следующие семь лет, к тому же требовала выбора и утверждения сценария, оплата должна быть не меньше, чем у других звезд, к тому же я требовала права сниматься и в фильмах собственной компании.

Занук над всеми этими требованиями только посмеялся. Он был уверен, что не играть я не смогу, будучи разведена с Ди Маджио, я потеряла источник содержания, а потому нуждалась в работе. Но он не знал, что Грин действительно решил субсидировать меня, пока компания не встанет на ноги.

Пока мой враг в «Фоксе» скрипел зубами, я отдыхала. Занук не учел еще одного: меряя всех своей меркой, он думал, что я очень дорожу образом белобрысой идиотки, принесшим мне такую известность. Даррил Занук забыл о том, что Блондинка – порождение в равной степени мое и студийное, образ вульгарной крашеной особы создали студийные костюмеры, гримеры, сценаристы и сам Занук, растиражировала его студия, а я сама давно мечтала от него избавиться, а потому за такую известность обеими руками не держалась.

Что касалось денег, то и тут Занук запамятовал, студия никогда не платила мне много, даже за последний фильм «Зуд седьмого года» обещанные сто тысяч долларов так и остались устным обещанием, что, кстати, позволило моим адвокатам напоминать о нечестности студии по отношению к актрисе, приносящей такие дивиденды.

Занук стирал себе зубы, а я в Нью-Йорке занималась своими делами. Пока конфликт не разрешен, не определены условия моей дальнейшей работы, я не могла сниматься ни у кого другого, но имела возможность не появляться на студии. «Зуд…» имел грандиозный успех, огромные картонные фигуры Девушки сверху с поднятой порывом ветра юбкой возвышались на каждом шагу, что позволяло мне вздыхать перед репортерами:

– Видите, что они со мной сделали…

К осени, посчитав прибыли и прикинув убытки, на студии были вынуждены признать, что с Мэрилин выгоднее договориться, причем без обмана. Начались переговоры, приведшие к нашей полной победе. Контракт был заключен на наших условиях: четыре фильма за семь лет, восемь миллионов гонорар, обещанные за «Зуд…» сто тысяч вернуть с извинениями и право на съемки в фильмах своей компании!

Но главным для меня стали даже не деньги и новые права, а

известие, что Даррил Занук подал в отставку! Его место занял Бадди Адлер. Победить Занука!.. О таком Норма Джин, обивавшая пороги студии, не могла и мечтать! Я визжала от восторга и скакала по комнате на одной ножке. На таких условиях можно и в «Фокс» возвращаться.

Грин перепугался, решив, что я откажусь от своей компании, пришлось его успокаивать. Если честно, то я была бы не против, но предавать Милтона не хотелось.

К этому времени ему и так стало нелегко. Нет, существовавшая только на бумаге компания пока не требовала никаких забот, и Милтон занимался фотографиями, но не успела у него закончиться война со студией в Голливуде, как началась другая – тайная – в Нью-Йорке, тоже со студией, только актерской, но тоже из-за меня. Схлестнулись те, кто претендовал на меня и мое имя, но не студии, а Страсберги и Милтон. Они просто не переносили друг друга!

Знаете, Док, в чем главная ошибка людей, имевших со мной дело? Меня все считали глупой и неспособной понять, что происходит, а если потом я вдруг поступала как-то «не так», проявляла разумный подход и даже хитрость, поражались. Почему все думают, что я не понимаю, когда меня пытаются использовать, тянут куда-то не туда или загоняют в рамки? Я понимаю, что я слишком пассивна и иногда просто ленива, чтобы давать отпор, заступаться за себя. Именно поэтому мне очень нужен рядом человек, который делал бы это, нужен защитник.

Таким защитником попытался стать Ди Маджио, но он слишком буквально понял свою роль, попытавшись разогнать от меня всех. Защитником мог бы стать Артур Миллер, но он был слишком занят своей собственной персоной, никогда не считая меня равной, а потому не полагая себя обязанным защищать. Но об Артуре и его защите позже, пока о Страсбергах.

У меня началась новая жизнь, кроме смены места жительства я сменила почти всех окружающих людей, я Вам уже рассказывала. В Нью-Йорке познакомилась со многими очень интересными людьми, со многими восстановила знакомство или сделала его более крепким. Но теперь меня окружали не дельцы от кино, а настоящие интеллигенты. Ди Маджио с ними было неинтересно, он предпочитал в таком обществе не появляться, такие насмешники, как Трумэн Капоте, например, в бейсболе не разбирались совершенно, а на неприятности вполне могли нарваться.

Я познакомилась, например, с Карлом Сэндбергом, чью биографическую книгу об Аврааме Линкольне изучила по совету Артура Миллера почти досконально. В это мало кто мог поверить,

но это так.

А вот Карен Бликсен, путешествовавшая по Америке со своей книгой, пожелала познакомиться со мной сама! Очень интересная дама, одни умные темные глаза чего стоят. И книга об Африке у нее великолепная, она столько пережила, столько прочувствовала, столько знает…

(Рисунок утерян, что на нем было изображено, не известно. – Прим. пер.*)*

Это не рисунок моего детства, нет. Мне попала на глаза книга Карла Сэндберга «Рутамята», она детская, но совершенно замечательная.

Уже очень поздно, и я хочу спать даже без горсти таблеток снотворного, но все равно расскажу Вам о Карле Сэндберге. Почему мне в детстве не прочитали его «Рутамяту»? Без этой книги невозможно детство. Если Вам тоже не читали, немедленно найдите ее и прочтите своим детям. Док, у Вас есть дети? Если нет, запомните Карла Сэндберга и его «Рутамяту» и обязательно подарите малышам, когда будут.

Он добрый, он очень, очень, очень добрый. И стихи у Сэндберга замечательные.

Впервые о Карле Сэндберге я услышала от Артура Миллера. Он отзывался о биографии Авраама Линкольна, написанной Сэндбергом, почти восторженно. Если вспомнить, что я сама была в восторге от Миллера, то это лучшая рекомендация. Немедленно по совету Артура купив толстенную биографию, принялась читать. Если честно, то я редко дочитываю всю книгу до конца, для меня главное не то, что произойдет, а как это происходит и почему. Ведь если вдуматься, то к чему знать окончание какой-то истории, интереснее понять ее героев и пытаться представить себе, что же может произойти с ними дальше.

А еще мне нравятся хорошо построенные фразы. Я не знаю, как это называется правильно, но если слова ловко складываются одно за другим в красивую цепочку и при этом фраза осмысленна, это очень красиво. А сюжет… нет, сюжет для меня не главное. Я читаю ради самого чтения. Наверное, это плохо, Артур говорил, что при таком чтении теряется почти вся информация. Он прав, но заставить себя задумываться над каждой прочитанной фразой не могу. Если начну это делать, то попросту стану учить книгу, как роль, а я «проглатываю» книги, как говорила Наташа.

Но я хотела рассказать Вам о Карле Сэндберге… Мы с ним вполне подружились, Карл даже учил меня декламировать свои стихи и (скажу по секрету) немного хвалил мои!

Для меня Сэндберг – прекрасный пример того, как человек может получить знания сам, ведь он даже не окончил школу и был вынужден работать с 13 лет. Конечно, я не слишком образованна сама, но думаю, что человек должен очень много знать, чтобы написать трехтомную биографию Авраама Линкольна и получить за нее Пулитцеровскую премию.

Но лучше всего Сэндберг умеет представлять себя чем-то и выражать это в стихах, например медным проводом, по которому днем и ночью пробегают человеческие телефонные разговоры обо всем: семье и деньгах, любви и войне, жалости и мечтах… Я попыталась представить таким проводом и себя тоже. Сколько всего можно понять, если размышлять подобным образом, но чтобы писать такие стихи, нужно многое пережить и увидеть самому.

Сэндберг пережил и увидел, он любит фольклорную музыку и со своим банджо в руках объездил всю Америку, он знает, что это такое.

А еще он очень точно описал ад и рай. Я сейчас прочту:

НЕБЕСА И АД

Для каждого небо и ад на других не похожи…
Одним – уютное, чистое, синее небо.
Другие без бурь и не мыслят его.
А ад? Кому одиночка, другим заводские круги,
а третьим дом, кухня и дети.
Что ад для меня?
Это там, где по свету гуляют лгуны,
что набиты битком красивыми, ловкими фразами.
Что ж, каждому в мире свое…

Я не хочу сейчас рассуждать о моем аде и рае, но как-нибудь обязательно это сделаю.

Знаете, как Сэндберг замечательно сказал о внешности: «… ее не сбросишь с себя никогда…» Не помню все стихотворение, хотя стоило бы, в нем есть такие слова: «Не обменивается, пока не износится».

Вот уж верно, внешность дана навсегда, можно только следить за ней или, наоборот, портить, можно, конечно, улучшать разными операциями, диетами, макияжем. Но все равно основа та, что получена при рождении. Если у человека приплюснутый нос или широкое лицо, то, как бы ни старались хирурги, они не сделают лицо узким, а нос с большой горбинкой. Конечно, мое лицо тоже подправляли, это заставил сделать еще Хайд. Тогда мне убрали «картофелину» на кончике носа и добавили немного морской губки к нижней челюсти, чтобы овал лица был мягче и ровнее. Губку позже пришлось поправлять, потому что она взяла и растворилась.

Но в остальном внешность моя. Я о ней забочусь постоянно, если этого не делать, все быстро придет в негодность. Это только кажется, что красивой быть легко, в действительности очень трудно. И только кажется, что у Мэрилин Монро идеальная внешность. Мне приходится тратить очень много времени, чтобы нанести правильный грим, не доверяю это делать другим, разве только для съемочной площадки, потому что там грим иной, не такой, как всегда. Если не для съемок, все выполняю сама, никто лучше меня не знает достоинства и недостатки моего лица, и никто не жалеет его больше, чем я сама.

Знаете, у актрис так быстро стареет кожа лица, потому что на него наносится большое количество грима, и наносится не всегда

бережно. Гримеру, даже самому замечательному, некогда и неудобно осторожно обрабатывать каждый дюйм, в результате морщины… У меня тоже, если хорошо присмотреться в зеркале, их видно, приходится тщательно замазывать каждую, но делать это так, чтобы грим не был заметен со стороны. Это долго, и меня всегда ругают за опоздания.

Если бы больше обращали внимания на мои актерские способности и на мою игру, я тоже меньше бы заботилась о внешности, но все видят только внешность Мэрилин Монро, приписывая мне свои собственные представления о моем внутреннем мире. Я устала доказывать, что я не глупая Блондинка. Приходится выглядеть так, как от меня того ожидают.

Вот так, начала рассказывать о Сэндберге, а закончила собственными морщинами! Просто его стихотворение о внешности напомнило о моей собственной. Это эгоизм, Док? Его надо искоренять?

Я попробую подумать над этим…

Благодаря столь долгим рассказам у меня получается не короткая исповедь, а настоящая автобиография. Я однажды наговаривала Бену Хехту, но там все испоганилось, потому что рассказывать, зная, что завтра каждое слово станет известно всем, очень трудно, то и дело сбиваешься с правды на легенду. Не думайте, что я и Вам рассказываю все, во-первых, это слишком долго и много, а во-вторых, не все нужно выносить на суд даже такого тайного слушателя, как Вы.

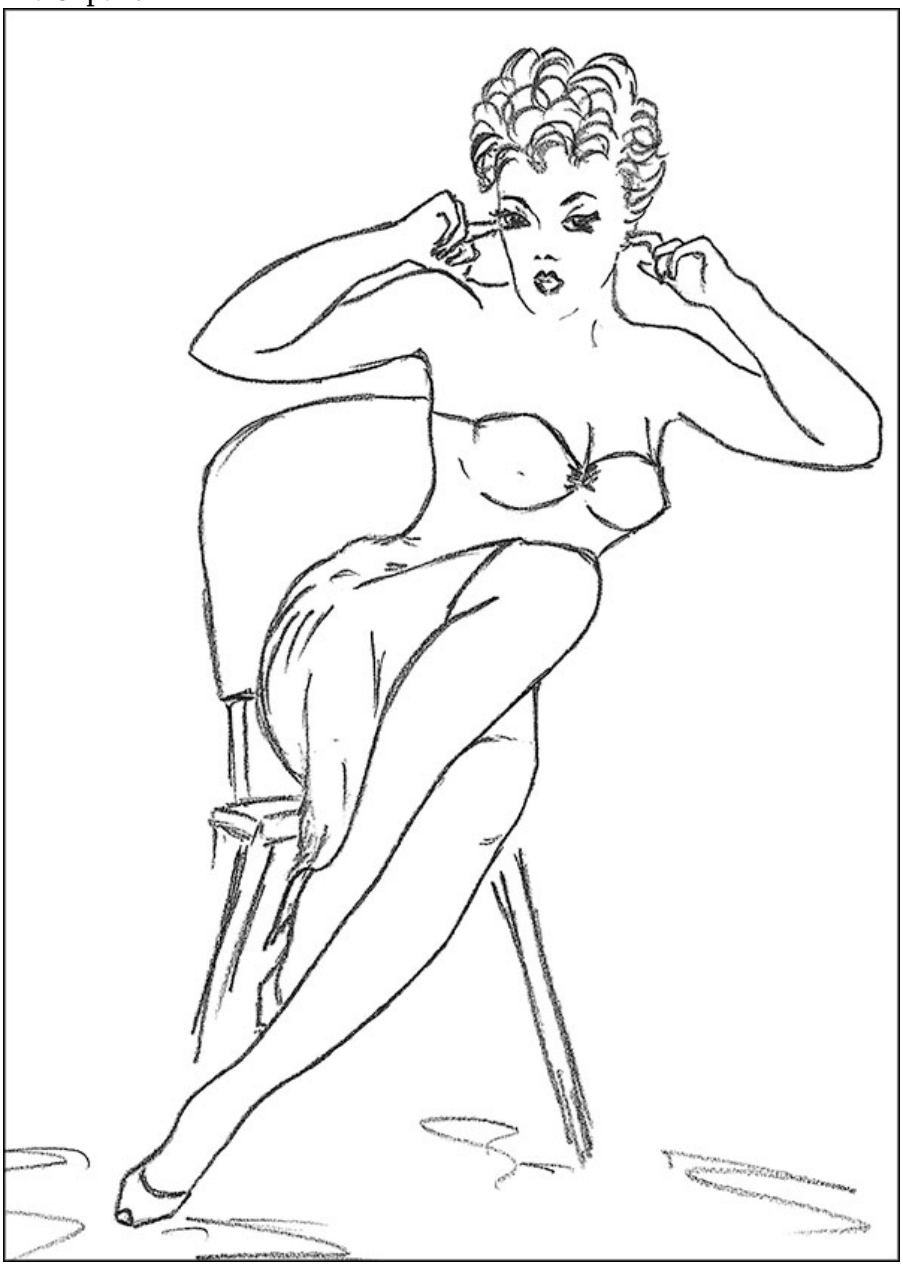
Док, а Вы вообще слушаете мои рассказы? Мне кажется, что нет. Или Вы слишком хороший актер и не показываете свои мысли обо мне.

Но это Ваше дело, Вы сами предложили мне выговориться. Наверное, не ожидали, что разговор будет столь длинный и обстоятельный? Представляю, сколько денег можно было бы получить за эти разговоры. Если хотите заработать, валяйте, я согласна, но только с одним условием: публиковать после моей смерти! Не бойтесь, осталось недолго, я всегда знала, что проживу короткую жизнь и умру молодой, как Джин Харлоу. Молодость прошла, а я все жива, значит, скоро.

Зачем жить долго? Актрисе нельзя стариться, когда видишь морщинки на лице и понимаешь, что они скоро превратятся в настоящие глубокие морщины, которые невозможно замазать гримом, а с экрана с какой-нибудь старой пленки на тебя будет смотреть твое же молодое и чистое лицо, становится страшно. Нет, актрисы не должны жить долго! Однажды я сказала это вслух, Артур посмеялся:

– А кому же тогда играть старух?

– Никому! Старух хватает в жизни, чтобы их переносить еще и на экран.



Нет, он, конечно, прав, старух тоже нужно кому-то играть, кроме того, есть актрисы, которые старятся как-то красиво, достойно. Но я к таким не отношусь, а потому умру молодой.

Что-то у меня мрачные мысли. Чтобы их развеять, пришлось налить себе шампанское. Вы любите шампанское? Я очень! Могу

пить его фужерами и даже лекарство запивать. Все твердят, что шампанское с утра верный путь к болезням желудка, но меня это не берет, разве что поджелудочную пришлось оперировать. И желчный пузырь тоже… И вообще, я куда большая развалина, чем кажусь, когда вспоминаю, что я Блондинка. Видите, и в этом есть своя польза…

Ладно, вернемся в Нью-Йорк. Но только потом, сейчас я хочу еще шампанского. За Вас, Док! Лучшего собеседника у меня еще не было. Вы прелесть!

Привет, Док.

Я вчера была несколько… не в себе…

Вместо того чтобы рассказать Вам о Страсбергах, которые сыграли в моей жизни огромную роль, вдруг начала рассуждать о морщинах, внешности и старении актрис.

Вернемся к Страсбергам, Вы не против? Как Вы можете быть против, если не слышите меня? Это очень-очень удобно, Вы не можете меня заткнуть, простите, вежливо попросить помолчать немного, Вы же вежливый, наверняка вежливый, как Артур Миллер. Джо, если его что-то злило, просто орал, чтобы заткнулась, а Артур морщился и делал вид, что слушает мои рассуждения, но сам ничего не слышал. Лучше бы заорал, я бы понимала, что ему противно. Хотя я и так знала, когда противно. А вот я на него орала, еще как орала, но вывести из себя так и не удалось. Артур Миллер – интеллигентный кремень.

Ладно, черт с ним, пусть живет, о нем расскажу потом, а то я никогда не доберусь до Ли и Полы. Кстати, надо изменить завещание, потому что я почти все завещала им. Этого всего не так много, но я лучше отдам в приют. Или оставлю Ди Маджио, пусть переведет в свой Фонд помощи нуждающимся. Да, у него есть такой, он у нас благородный, хотя неинтеллигентный. Это лучше, чем быть неблагородным интеллигентом? Или лучше быть благородным и интеллигентным одновременно?

Док, можно я пойду приму ванну и немного приду в себя, а то снова говорю что-то не то… Видите, как удобно, сейчас нажму кнопку и отправлюсь валяться в ванне, а потом вернусь и снова буду болтать все подряд о своей жизни…

А вдруг я не отдам Вам свои записи? Ну и что, что уже несколько пленок отдала, а остальные не отдам, и все тут!

Простите, Док, я еще не проснулась или не протрезвела. Вчера было выпито слишком много шампанского.

Я пришла в себя, извините. Наверное, это неприятно, больше не буду браться за магнитофон, если чувствую себя не очень…

Я хотела рассказать Вам о Страсбергах. Наверняка Вы не знаете Ли и Полу.

Вообще-то меня с ними мог познакомить Элиа Казан, но этого приятеля я интересовала только в постели. К тому же Казан уже познакомил меня с Артуром и решил, что для Блондинки и этого многовато.

У Ли Страсберга знаменитая актерская студия, в которой занимались многие прославленные актеры и актрисы мира.

Я попала к ним в студию, когда жила в Нью-Йорке, сбежав из Голливуда.

Мне очень не хватало занятий и просто умных бесед с Мишей Чеховым, как свежего воздуха не хватало, тем более он умер в 1955 году. Обиженная Наташа осталась в Голливуде, мы расстались не очень красиво, возможно, в этом есть моя вина, нужно было объяснить, что я не намерена тащить за собой в новую жизнь старые грехи. К тому же ее присутствие сильно раздражало всех вокруг меня, просто бесило, да и мне самой Наташа больше не могла ничего дать, она ходила по кругу, в котором я знала уже каждый шаг. Наташа не росла сама, не позволяя делать этого и мне.

Хотя я в те месяцы ничего не играла, наставник, хотя бы духовный, мне был нужен.

К Ли Страсбергу и его методу погружения относились по-разному. Очень многие считали Ли настоящим шарлатаном, но было немало и тех, кто почти боготворил. Я относилась ко вторым.

Почему «относилась»? Потому что сейчас не отношусь. Страсберги талантливы, но у Ли такой же холодный ум, как у Артура Миллера. К тому же, усердно занимаясь в студии, я окончательно разучилась делать хоть что-то, а все заверения Ли и Полы в моей гениальности и способности стать второй Дузе не больше чем пустышка, даваемая детям, чтобы не плакали. Зато я окончательно потеряла уверенность в себе, ничего не могу без ежеминутной поддержки, стала нервной и даже злой.

Пять лет я во всем подчинялась диктату Ли и его жены Полы, которая ездила со мной на съемки и присутствовала на площадке, как раньше Наташа Лайтесс. И так же, как Наташу, Полу ненавидят режиссеры и играющие со мной актеры. Страсбергов ненавидит Милтон Грин (а они его) и Артур Миллер (тоже взаимно). Я не пытаюсь понять почему, это их дела. Пять лет я пыталась, присутствуя на занятиях студии или слушая советы Ли и Полы, забыть все, чему учила Наташа, забыть о существовании актерской техники и играть методом погружения.

По мнению Ли, нужно настроиться на образ, который ты

намерен сыграть, погрузиться в его сущность, только тогда возникает полное слияние с этим образом, тогда придут нужные жесты и интонации. Слова приводили меня в восторг, потому что подобное я слышала у Миши Чехова, ему удавалось погружаться в образ почти мгновенно, несколько секунд, и перед тобой был уже совсем иной человек… Но я-то так не умела и не научилась. Постоянно помня о необходимости погружения, я пропускала все остальное, забывала текст, последовательность действий, жестов, не могла сосредоточиться.

Почему никто не объяснил, что метод не годится для кино, что это театральный метод, а скорее, вообще метод этюдов. Актеру на съемочной площадке некогда и негде погружаться, он должен играть с лета, все вокруг меня это умели, я – нет. Повторяю: в театре можно войти в роль и не выходить из нее до конца спектакля, на съемочной площадке этого не сделаешь. Мои отвлечения и консультации с Полой воспринимались как каприз или простое неумение играть. Каждый дубль становился все мучительнее.

Пола старалась помочь, она очень старалась, но что она могла, если для погружения нужно время, а его нет. Дальше замкнутый круг: нас торопят, я нервничаю, никакого погружения не происходит, значит, по мнению Ли, играть нельзя, но простаивать тоже нельзя, я снова нервничаю… В конце концов режиссер орет, обещает больше никогда не снимать меня, дубль следует за дублем, и только на двадцатом я чувствую, что погрузилась. Однако к этому времени все остальные уже выжаты как лимоны, никто не хочет и не может не только играть, но и просто держаться на ногах. Виноватой объявляют меня, всеобщая ненависть обеспечена. Капризная Блондинка, не способная сыграть простую сцену несколькими дублями, опять едва не сорвала съемку.

Купаться во всеобщей ненависти совсем не то, что купаться во всеобщей любви. Я долго не понимала, почему это происходит, а когда осознала, удрала из Нью-Йорка так же, как раньше из Голливуда. Нет, метод погружения не для меня, нервов не хватит.

Но пять лет я всецело зависела от Страсбергов и таблеток, которыми меня щедро снабжали Милтон Грин и Пола. Она утешала, кормила снотворным, заслоняла грудью от всех обвинений и невзгод, но вела куда-то не туда.

Док, я безумно благодарна Ли и Поле за учебу, за заботу, за постоянную готовность прийти на помощь, всегда старалась оплатить любые их услуги, но платила не только деньгами, но и своей зависимостью. Я очень зависимый человек, и если опытный наставник говорит перед всеми, что я ничего не смогу без их

помощи и поддержки, у меня подкашиваются ноги. После таких заявлений кто угодно не смог бы.

Как избавиться от зависимости? Ведь я же марионетка, действую только по подсказке, только по чьему-то движению руки. Актриса не может быть столь зависимой и беспомощной. Я понимаю, что Вы не актер и никакого отношения к этой профессии не имеете, но ведь Вы же психоаналитик, скажите, как научиться жить самостоятельно, без ежеминутного наставничества не только в игре, но и во всем остальном? Я попала в полную зависимость не только от Страсбергов, но и от психоаналитиков, Гринсону приходится подсказывать, что мне думать, как относиться к тому или иному вопросу.

Но ведь несамостоятельной, неспособной ничего решать самой стала моя мама. Неужели меня ждет такая же участь?!

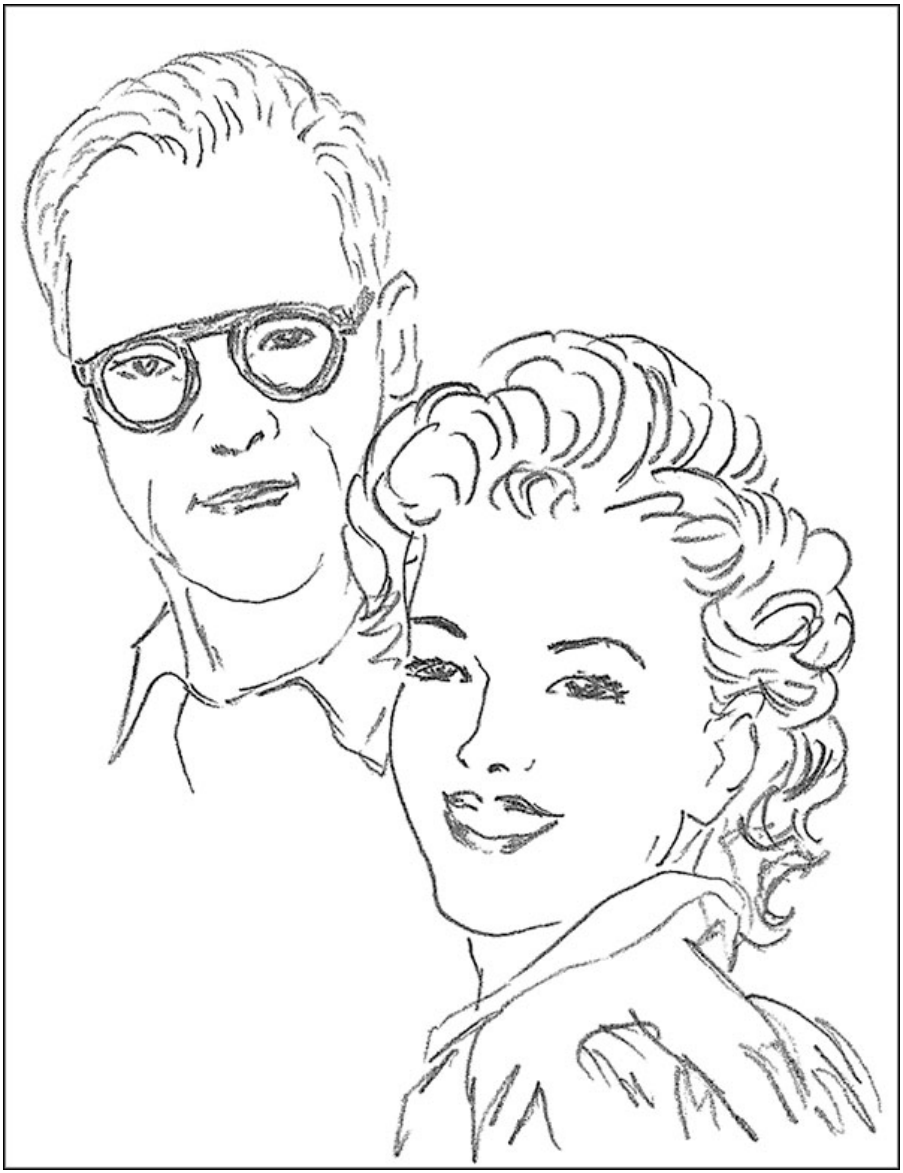
Артур Миллер. Надежды и потери

Артур Миллер – мой третий муж. И последний? Почему-то кажется, что больше не будет, разве что вернуться к Ди Маджио…

Я не спрашиваю, знаете ли Вы Артура Миллера, кажется, его знает вся Америка, вся грамотная Америка, умеющая читать и считающая себя интеллигентной. У Артура Пулитцеровская премия, его пьесы идут в театрах по всему миру, он умный. Очень умный. У Артура есть все, чего мне так не хватало в остальных мужчинах. Но у него один недостаток – разум сильнее сердца. Может, это достоинство, я не знаю, но для меня недостаток.

Хорошо, когда человек умен, когда он способен разобраться в том, что происходит с тобой или даже с собой, умеет разложить по полочкам чувства и мысли, увидеть их со стороны. Это хорошо для психоаналитиков, но не для мужа, тем более моего…

Было время, когда я еще не полностью надела эту маску и надеялась справиться с ней. Тогда я и встретила Артура Миллера. Он приехал в Голливуд со своей пьесой, не буду утомлять Вас рассказом о перипетиях, в результате которых они с Элиа Казаном оказались в разладе, а пьесу Гарри Кон не взял, испугавшись прокоммунистической направленности. Миллер отказался изменять что-либо, что повлекло немалые проблемы, а с Казаном они в результате даже поссорились, но это не сразу.



Я тогда была любовницей Казана в надежде, что он найдет мне роль в каком-нибудь своем фильме. Не удалось, и роль не получила, и с Элиа расстались.

Между нами с Миллером в момент первого прикосновения вспыхнула искра, но Артур был женат и, хотя семья уже практически распалась, делал отчаянные попытки что-то склеить и сохранить, даже купил дом и сам принялся пристраивать к нему веранду.

Я не могла представить интеллигентного Артура Миллера, умного очкарика, с молотком в руках и гвоздями в зубах. Но меня меньше всего интересовала веранда Миллера и куда больше он

сам. Казалось, вот такой человек сумел бы оценить по достоинству меня настоящую, хотя я прекрасно видела, что он очарован оболочкой.

Но это же только временно, пока он не понял, что за внешностью сексапильной Блондинки скрывается душа Нормы Джин, той, что читает Достоевского и после совета самого Артура спешно купила трехтомник Карла Сэндберга о Линкольне и проштудировала биографию этого президента, как учебник по выживанию. Он увидит, что я интересуюсь серьезными вещами, люблю серьезную литературу, и хотя плохо в ней разбираюсь, но учусь, что я люблю читать и стараюсь наверстать упущенное за годы бесконтрольного чтения….

Казалось, что Артур все поймет, как только мы окажемся рядом.

Он не пожелал стать просто моим любовником, пока существовала его семья, пока у них с Мэри была хоть какая-то надежда сохранить брак. Не вышло.

А я успела за это время побыть женой Джо Ди Маджио.

Когда мы снова встретились с Артуром в 1955 году в Нью-Йорке, я не помнила себя от счастья, у меня начиналась новая жизнь! Понимаете, я развязалась с Голливудом, во всяком случае, мне тогда казалось, что это так. Собственная компания с Грином создавала видимость свободы и заработков. Переезд в Нью-Йорк приближал меня к совсем другой культуре.

А еще роман с Артуром Миллером, который затеял-таки развод, явно намереваясь на мне жениться. Ему понадобилось, как и мне когда-то с Догерти, немного пожить в Неваде, но Миллер устроился не в Лас-Вегасе, а очень скромно подальше от чужих глаз, чтобы писать в тишине и покое.

Артур умный, очень умный, он вращался совсем в иных, чем я, кругах, казалось, что, выйдя за него замуж, я сумею заткнуть рты всем, кто твердил, что я глупая гусыня. Уж Миллер-то увидит во мне меня, а не Мэрилин!

Это было одним из самых страшных разочарований в жизни. Я мечтала, что он поможет раскрыться моей внутренней сути, начать играть серьезные роли в серьезных фильмах, сменить имидж, соответствовать ему самому. Миллер и Страсберг, кто мог бы лучше помочь развиться Норме Джин, победив Мэрилин?

Все друзья твердили, что мы совершаем ошибку, создавая семью. Понимали это и мы сами. Я как страус прятала голову в песок, как ребенок, не желая видеть страшное, закрывала глаза, но уже понимала, что произошло – Артур влюблен в мою оболочку, он без ума от Мэрилин! У умного, интеллигентного Артура животное начало брало верх при виде красивой обертки,

это было сильнее него, он отчаянно боролся, но ничего не мог с собой поделать.

Артур не мог справиться со своей телесной страстью и ненавидел себя за это, за свою неспособность удержаться, за страсть, за пассивность. Я видела эту борьбу и ненависть и тоже ничего не делала. Норма Джин внутри просто обливалась слезами, потому что даже в этом побеждала Мэрилин. Я понимала, что делаю ошибку, выходя замуж за Артура Миллера, внутри понимала, но пока жила надежда, что он сумеет справиться со своей страстью к глупой Блондинке, а когда поймет, что внутри есть Норма Джин, то будет еще и благодарен, что я не она.

Господи, если бы я тогда знала, что, справившись со своей страстью к Мэрилин, Артур вовсе не полюбит Норму Джин! А ведь Миллер с первого дня видел мою двойственность, и это ему нравилось, нравилось видеть, как я сбрасываю оболочку Блондинки, как змея кожу при линьке, как говорил Артур, становлюсь прозрачной. Но позже я поняла, что Миллер не приемлет чужие проблемы, признавая лишь свои, а потому ему вовсе не могли понравиться метания Нормы Джин.

Но хуже всего – он меня стеснялся! Нет, не сразу, сначала даже гордился…

Иногда мне кажется, что лучше было бы не сниматься в Англии, возможно тогда наши отношения сложились иначе?

Сначала, пока Милтон Грин воевал со студией, я бездельничала, много читала, знакомилась с интереснейшими людьми Нью-Йорка и вообще Америки, а то и всего мира, ходила на выставки, концерты… Я развивалась.

А потом появилась идея снять фильм вместе с Лоуренсом Оливье «Принц и танцовщица». Оливье играл в такой пьесе вместе с Вивьен Ли, а Милтон Грин придумал перенести все на экран со мной. И великий Лоуренс Оливье согласился, причем он сам собирался снимать фильм в качестве режиссера и сам же играть принца.

Казалось, у меня было все, о чем я только мечтала: муж – известнейший драматург, умный, интеллигентный, влюбленный в меня, триумфальное возвращение на студию, деньги, слава, отменная внешность, надежда родить Артуру ребенка и мудрые наставники.

Мы торопились в Лондон, потому медовый месяц был очень коротким, хотелось поскорее приступить к съемкам фильма. К тому же в голове роилось множество планов. Миллер – драматург, что ему стоит написать для обожаемой жены достойный сценарий, чтобы не приходилось играть черт-те что.

Впереди только счастье с любимым, способным увидеть меня настоящую мужем. Я была в этом совершенно уверена.

Артур увидел, но как!..

Лондон принял нас с распростертыми объятьями. Мы с Вивьен не стали подругами, оказались слишком разными, но с семьей Оливье и Ли подружились. Да, во время съемок было немало недоразумений и даже обид, Оливье несдержан на язык, а я необязательна, снова и снова изводила всех то опозданиями, то просьбой о новом дубле, то неумением по команде выразить нужную эмоцию… В то время только Страсберги верили или, по крайней мере, говорили, что верят, в мою способность стать актрисой.

Не буду рассказывать о фильме, мне просто не по себе, когда я вспоминаю эти съемки. Оливье трудно со мной, мне не легче с ним, но это производственный процесс, который всегда проходит нервно, найдите режиссера, который не кричал бы, что никогда больше не станет работать с этими актерами, не будет вообще ничего снимать! Найдите актера или актрису, у которых во время очередной проблемы на площадке или после неудачного дубля не появлялась мысль бросить к чертовой матери эту профессию!

Но заканчиваются съемки, фильм выходит на экраны, следуют (или не следуют) аплодисменты, отзывы критиков, режиссеры, актеры и все остальные оживают, и все начинается сначала на такой же площадке, только в несколько ином составе. Кино вечно, и оно бесконечно.

Мучились и мы. Но если бы мучения были только на съемочной площадке!.. Для меня куда катастрофичнее все оказалось вне ее. Кем я была для Лондона? Это зрители и журналисты могли осаждать летное поле или гостиницу, где мы сначала расположились. Для сэра Лоуренса Оливье и ему подобных всего лишь безродная особа из Голливуда, не умеющая работать, как привыкли в Англии! Именно так он представил меня съемочной группе. С трудом сдержавшись, чтобы не разреветься или не броситься прочь, я лихорадочно придумывала, чем ответить знаменитому актеру, который, приезжая в Голливуд, вел себя совсем иначе – был внимателен и явно мной очарован. Понимаете, с первой минуты перед большим коллективом низвести меня до глупой американочки, ничего не умеющей и ни на что не способной, вообще-то подло. А если вспомнить, что я всегда в себе неуверенна…

Но главное потрясение я испытала не из-за высокомерия Оливье, не из-за своего несоответствия требованиям англичан или незнания некоторых сложностей этикета, а из-за обожаемого мужа. Однажды журналисты спросили, что, по моему мнению,

значит любовь. Я ответила, что для меня любовь – это доверие. Артуру Миллеру я доверяла бесконечно, казалось, рядом с ним наконец смогу обрести душевный покой и устойчивость, справлюсь со всеми сложностями, сумею осилить все свои страхи, неуверенность, раскроюсь с лучшей стороны, обуздаю Блондинку и всему миру покажу Норму Джин.

Но этому не суждено сбыться. Однажды утром (Артур явно не ожидал, что я встану так рано, а потому был неосторожен) на столе в комнате увидела раскрытую записную книжку мужа, нечто вроде дневника. Док, я по сей день дословно помню прочитанное! Не буду всего произносить, слишком больно даже через годы, но суть такова. Артур обращался ко мне: «…я думал, что ты ангел, а ты… Оливье прав! Ты просто занудная сучка… Я тебе не слуга…»

В таком духе несколько страниц! Любимый, обожаемый муж соглашался с мнением драгоценного партнера, с которым только-только начались съемки, что я занудная сучка!

Хрустальный дворец мечты о счастливом браке и успешной работе с великим Оливье в одно мгновение разлетелся вдребезги. Любовь – это доверие, но я больше не верила Миллеру, совсем не верила. Последовал очередной выкидыш, природа тоже не желала нашего счастья.

Из огромной ямы депрессии меня вытащил не Артур, он ведь знает только свои проблемы и свои переживания, а Страсберги и Анна Фрейд. Конечно, Страсберги грубо льстили, убеждая меня, что я чего-то стою, но они интуитивно чувствовали, что именно нужно. Я понимала, что это лесть, что в действительности нет и десятой доли вещаемого Полой, но запись Миллера о занудной сучке требовалось чем-то выбить. Артур разрушил во мне все, если до того я просто пила таблетки, которые легко прописывают всем актерам врачи Голливуда (считается, что барбитураты стимулируют творческий подъем), то теперь принялась глотать их горстями. Пола ругала:

– Ты же можешь умереть от передозировки!

Смешно, к чему этого бояться, если я снова никому не нужна?

А фильм получился и даже понравился. Мою игру хвалили, расчувствовавшийся Оливье целовал в щечку, Артур тоже (поцелуи Иуды), все улыбались и делали вид, что жизнь прекрасна.

Я тоже улыбалась Артуру и тоже делала вид, что все прекрасно, у меня это получалось, я ведь актриса. Но больше не верила мужу, тем более когда узнала, что он за моей спиной довольно часто обсуждал меня и мое поведение и вовсе не защищал при этом. Заступаться за занудную сучку аристократ

Миллер считал для себя неподходящим занятием. Артур легко усвоил высокомерный тон Оливье, и только врожденная интеллигентность мешала ему выражать мысли вслух, но теперь я хорошо знала, о чем он думает.

Что ж, сиротке за пять долларов в неделю, конечно, не место рядом с такими личностями, как Миллер или Оливье, сучка должна знать свое место.

Артур предавал меня еще не раз, и дело не в том, что он что-то говорил за моей спиной или писал в дневнике (я дала себе слово никогда не заглядывать в чужие записи!), Миллер предал даже в творчестве. За годы нашего брака он не написал ничего путного, считалось, что мешаю я. Но я же не заставляла Артура ехать со мной в Англию, в конце концов мы и были там недолго, не заставляла уродовать чужие сценарии, как он сделал для фильма с Ивом Монтаном, или переделывать собственный рассказ в скучнейшее произведение для скучнейшего фильма. За сценарий «Неприкаянных» Миллер получил неплохие деньги – 250 000 долларов, а работу выполнил из рук вон плохо.

Но меня никогда не волновали деньги, хуже всего, что у нас распадалась семья, хотя мы еще долго делали вид, что это не так и все прекрасно.

Вот так я чувствовала себя в те дни…

Стоит вспомнить Артура и нашу с ним жизнь, становится очень-очень больно не из-за разладов или предательства, а от сознания, что понимания между нами не было вовсе. Кто я для Миллера? До сих пор не знаю. Думаю, он и сам не понимает.

После Англии и Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности в Вашингтоне мы попытались удрать от всех и провести хотя бы одно лето в тишине и отсутствии репортеров. Я решила стать хорошей женой и хозяйкой, а может, и мамой. Небольшой дом (зачем больше для двоих?) в поселке Амагансет на Лонг-Айленде, где не очень интересовались знаменитой блондинкой, был вполне подходящим для этого местом. Артур тяжело переносил назойливое и постоянное внимание журналистов.

Я выбросила из головы дневник, попыталась убедить себя, что ничего не было, что Артур просто сочинял новую пьесу и это роль героини. Да, да, конечно! Конечно, Миллер пишет пьесу, и это в ней такой текст, интеллигентный автор может себе позволить неинтеллигентно выражаться устами героев. Можно спросить Артура, но тогда никакие отношения невозможны, Артур врать не умеет и не стал бы.

Миллер вел себя менторски, даже не замечая этого. Нет, он не делал указующих жестов, не распоряжался, но общался со мной как с маленькой девочкой-недотепой. Мне снова давали понять, что ни на что не способна, ни на что не годна. Все по-отечески, заботливо, но и отцовская забота бывает разной. Можно, как Кларк Гейбл: «Детка, ты плохо себя ведешь, не возбуждай меня, я старый, больной человек…», а можно, как Артур – снисходительно и свысока, когда отеческий тон только подчеркивает разницу в положении и способностях. Он сам утверждает, что опекает меня, словно малого ребенка. Меня не нужно опекать, меня достаточно просто любить и защищать, а не злословить за моей спиной или заносить в дневник все мои промахи, чтобы потом использовать в новом произведении!

Попытки убедить себя, что Миллер просто использует факты нашей жизни для новой пьесы или новеллы, облегчения не принесли, жить с человеком, чувствуя себя лягушкой на

лабораторном столе или зверьком в зоопарке, находящимся под наблюдением круглосуточно или вообще препарируемым для развития науки, тошно. Я не хочу, чтобы мою душу даже ради литературы препарировали, пусть делает это со своей. И без того живу под светом софитов и камер, мне хватает журналистов и их сплетен.

Артур этого не понимает, он считает, что актер, как и писатель, должен быть открытым, способным показать свою душу всем.

– Разве не этого требует твой хваленый учитель Страсберг?

Наверное, этого, но когда душа болит и мучается от раздвоения, вытаскивать ее еще и на общий осмотр слишком тяжело. Я могу копаться в ней сама, но не тащить на всемирное обозрение.

Ладно, хватит об этом!

На Лонг-Айленде очень красиво и очень спокойно. Вокруг зеленые поля и тихий, обычно пустой пляж, а где-то вдали шум океана. Соседи не совали нос в наши дела, рыбаки, которых мы встречали на берегу, вежливо здоровались, приветливо улыбались, но не пялили на меня глаза. Казалось, можно расслабиться и ни о чем не думать.

Я немного научилась готовить, старалась сама выполнять домашнюю работу, находя это даже интересным, и втайне мечтала, что Артур сможет там плодотворно писать свои пьесы, у нас родится ребенок, даже несколько, и мы будем большую часть года проводить в этом спокойном раю вместе с детьми своими и Артура от первого брака и его родителями.

Я забыла, что жизнь не дает мне надолго дом и семью, что все временно. Ничего не получилось, беременность закончилась выкидышем, а рай не состоялся, мы умудрились найти несовпадения мыслей и чувств. Наверное, таких людей, как мы с Миллером, не сможет примирить даже рай.

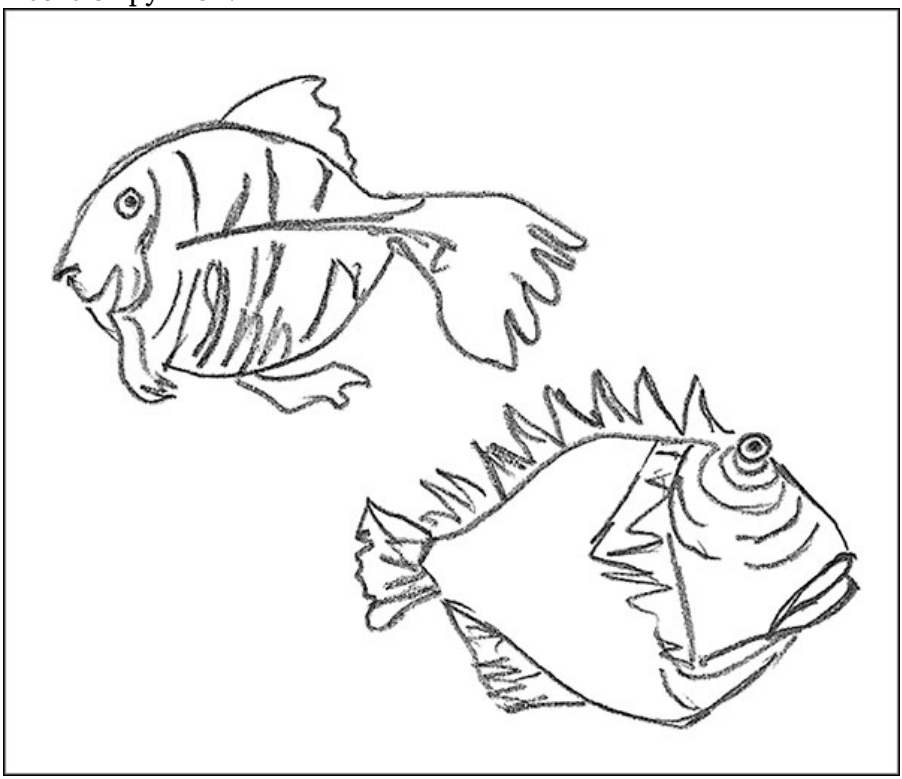
Мы часто гуляли по пляжу, собственно, это был и не пляж, а просто песчаный берег, на который рыбаки вытаскивали свои сети. Артур тоже ловил рыбу, но не сетями, а удочкой. Я очень любила такие минуты, но однажды обратила внимание, что, когда рыбаки вытащат улов из сетей и уберут в корзины, множество мелких рыбешек бывает просто выброшено на берег. Им нужна лишь крупная, которую можно продать или использовать самим, а запутавшаяся в сетях мелочь остается умирать на солнце.

– Но она же живая!

Меня не понял никто: ни рыбаки, ни Артур. Что делать с мелкой рыбешкой? Часть растащат вездесущие чайки, часть

местные приблудные коты, но в основном рыбешки так и останутся на берегу. Я не вынесла вида бьющейся рыбы и принялась швырять мелочь обратно в воду. Но ее много, слишком много, чтобы справиться одной. Начавшийся прилив спас некоторых, только дожили до него не все выброшенные рыбешки.

Так повторялось каждый раз, когда вытягивали сети ржавой, страшно скрипевшей лебедкой. Понимаете, какое жуткое сочетание – скрип ржавого металла и смерть ни в чем не повинных созданий? Они оказались некондиционными, то есть не соответствовали каким-то стандартам, а потому были обречены. Остальной рыбе не лучше, ее отправляли на кухни хозяек, но меня особенно пугала вот эта – мелкая, посмевшая попасть в сети вместе с крупной.



Рыбаки не могли понять поведения странной женщины, бросавшей рыбешек в воду. Не понимал и Артур. А для меня их гибель была похожей на мою собственную, я тоже, словно мелкая рыбешка, посмела уподобиться крупной рыбе, неужели и меня ждет гибель на берегу?! Артур смеялся, говорил, что всех рыбешек не спасешь, всех дождевых червей, выползших на поверхность, не закопаешь обратно, всех выпавших птенцов не вернешь в гнезда родителям. Он не понимал, что я не могу видеть гибель живого и беззащитного, он снова меня не понимал.

Зато теперь я знала точно – и не поймет.

Но если меня не понимал тот, кого я ценила больше всех людей на свете, что мне оставалось делать – ждать, пока выбросит на берег, как рыбешку, и надеяться, что кто-то пожалеет и вернет в воду? Но я и была такой рыбешкой, а Артур мог бы дать мне жизнь. Но он не захотел…

Особенно тяжело стало после выкидыша, уже второго за недолгое время нашего брака. Первой была внематочная беременность, мой организм отказывался вынашивать детей!

Я могла признаться Артуру во многом, во всем, он знал о моих мужчинах, моих глупостях, даже о том, в чем признаваться не стоило бы, но я молчала об одном своем страхе – оказаться похожей на маму. Я очень боялась повторить ее судьбу, боялась сумасшествия, неспособности быть самостоятельной, боялась не суметь воспитать ребенка.

Артур говорил, что у нас будет столько детей, сколько я захочу и смогу родить. Но ведь наверняка он так же говорил и Мэри Грейс, а потом разошелся с ней. Значит, мог разойтись и со мной? Тогда я осталась бы с ребенком одна. Как мама… А вдруг я не смогла бы воспитать свою дочь (или сына, какая разница?), как не смогла Глэдис?

Этот страх я загоняла внутрь, не позволяя пробиваться даже мыслями, не только словами. Но от этого страх не исчезал, никуда не девался, был внутри и становился еще сильнее. Страх родился еще тогда в Лондоне, когда я прочитала записи Артура о разочаровании во мне, прочитала и поняла, что могу остаться одна со своим ребенком. Я очень хотела детей, но ведь хотела и мама, однако она не смогла воспитать ни одного из троих рожденных, вдруг и я не смогу?! Тогда мой ребенок будет сиротой, конечно, деньги позволят ему ни в чем не нуждаться, но никакие деньги не заменят семью.

Я убеждала себя, что даже если умру при родах, то Артур воспитает нашего малыша, к тому же Исидор и Августа – прекрасные дедушка и бабушка, но никакие уговоры не помогали развеять страх неспособности самой вырастить ребенка.

Возможно, признайся я в этом Артуру, он сумел убедить меня, что зря боюсь, но это означало бы признание в боязни повторить судьбу мамы, а еще озвучить страх распада нашей собственной семьи. О таком я тоже старалась не только не говорить, но и не думать.

Мысли страшны тем, что, даже не высказанные, они не дают покоя внутри, их бесполезно давить или прятать, потому что разрушительная сила все равно сделает свое дело. Док, я поняла, мой организм, напуганный моей же неуверенностью в

способности создать нормальную семью и вырастить счастливого ребенка, просто избавляется от плода. Поэтому то внематочная беременность, то выкидыши.

У нас с Артуром не было шансов на рождение ребенка, потому что не было шанса на семью. Все по кругу, потому что именно ребенок мог бы эту семью сохранить.

Значит ли это, что своим сиротским детством, своей ненужностью я попала в круг, который нельзя разомкнуть? Ведь точно так же со снотворными: я принимаю таблетки вечером, потом поздно вечером, потом ночью, потом под утро и, наконец, засыпаю совершенно измученная и нервная. Но сон не приносит облегчения, только оставляет заторможенность на весь день. Вокруг недовольство, потому что я опаздываю, плохо соображаю, медленно двигаюсь и всем мешаю. На меня злятся, заставляют нервничать еще сильнее, и к вечеру становится понятно, что без таблеток заснуть не удастся. Все начинается сначала – таблетки, сон до обеда, заторможенность, всеобщее недовольство, нервные срывы.

Этот порочный круг как-то может быть разорван? Я пыталась не пить снотворное совсем и не спать тоже, получилось еще хуже, потому что к утру выглядела просто ведьмой, была злой и измученной.

Знаете, тогда на Лонг-Айленде, перенеся выкидыш, решила, что жить не стоит, и наглоталась снотворных до комы. Артур вовремя понял, что произошло, а врачи оказались достаточно опытными, меня вытащили на свет, только зачем, чтобы я снова и снова пила эти таблетки?

Помню глаза Миллера, когда я пришла в себя, он был в ужасе одновременно от того, что я едва не погибла, и от того, что могу повторить попытку в любой день. Думаю, он сам не смог бы сказать, чего боялся больше. Бедный Артур, он жаждал получить в постель на супружеских правах самую знаменитую Блондинку, мечту миллионов мужчин мира, а когда это удалось, вдруг выяснил, что от этой Блондинки проблем больше, чем удовольствия. Я понимаю его разочарование.

Но я-то разочаровалась тоже… Ум Артура оказался холодным, он рационально раскладывал по полочкам свои и мои эмоции, описывал их в рассказах вместо того, чтобы просто любить меня. Даже его отец Исидор Миллер любил меня больше, чем Артур. Я люблю их обоих, Исидора как собственного отца, которого у меня никогда не было. А он гордится своей пусть и бывшей снохой и не считает меня пустышкой. Хорошо бы объяснить это и Артуру тоже…

Брак со знаменитым драматургом, с самым умным (как я считала) человеком не дал ничего: ни семьи, ни любви, ни детей, ни уважения (как могли уважать супругу Артура Миллера, если сам Миллер меня не уважал?). Что мне оставалось? Вернуться в мир кино, там меня не уважали, но хотя бы было дело…

В Голливуде не было Занука, у меня новый контракт с хорошей оплатой, но сценарии все равно один другого глупее.

– Артур, напиши для меня сценарий. Обо мне.

Он написал, но лучше бы этого не делал!

Все! Не хочу больше о Миллере!

Я нарисовала это прямо в ресторане, там танцевали мужчина невысокого роста и рослая женщина. Очень похоже на нас с Трумэном Капоте.

Вы не знаете Трумэна? Даже если знаете, то не так, как знаю его я.

Чертов гомосек! Никогда не прощу ему, что не настоял на моих съемках в роли Холли Голайтли в его «Завтраке у Тиффани»! Пусть не врет, что «сделал все, что мог…». Неужели автор произведения не сумел настоять? Его, видите ли, поставили в жесткие рамки, у «Парамаунт…» любимая актриса Одри Хепберн. Мог бы сказать, что у него любимая актриса Мэрилин Монро.

Хотя от этого мерзавца можно ожидать всего, он мог меня и разлюбить. А я его все равно люблю. Мы с Капоте духовные родственники, оба уроды. Он тоже нарывается на пощечины. Зачем? Словно все время испытывает судьбу или играет роль. Есть какое-то родство душ, и с каждым годом оно все больше чувствуется. Трумэн Капоте играет Трумэна Капоте так же, как я играю Мэрилин Монро.

Нас сфотографировали, когда мы танцевали совершенно пьяные. Мне пришлось снять туфли, чтобы Капоте не оказался под мышкой. Он маленький, как кукла, но в этом уродце такая внутренняя сила, что самые красивые женщины падают к его ногам. Нет, вовсе не хотят стать любовницами, все знают, что он гомосек, но все равно обожают Трумэна. О… у этого малыша с кукольным голосом такой резкий и язвительный ум, что только держись! Когда-нибудь он припечатает своих «лебедушек», как Капоте называет женщин, которые его содержат.

Странно, красивые, очень красивые и умные женщины, имеющие богатых мужей и состоятельные сами, у которых

прекрасные дети, роскошные дома, завидные любовники, обожают Трумэна Капоте, который мал, странен и язвителен. Но главное – он абсолютный гомосек, со стажем чуть ли не с рождения. Капоте рассказывал, что еще в детстве просил гадалку, чтобы та превратила его в девочку. С мужьями понятно, пусть лучше под боком будет Капоте, чем мускулистый ковбой, но сами красавицы-то?

Мы с Трумэном приятели, а зачем он нужен роскошной Бейб Палей? Когда вижу фотографии Бейб, то понимаю, что я сама просто лахудра. Чертов Капоте в небольшом рассказе написал о том, что я сказала резче: «халда». Он придумал, я так не говорила, но подумала похоже.

А вот это его слова: «У Бейб Палей только один недостаток – она идеальна», это точно его слова. Но всякий, кто видел Палей, с Трумэном согласится. Какая дружба может быть между Бейб Палей и Трумэном Капоте? Но этот языкатый гомосек прекрасно знает, чем взять любую женщину, тем более не ожидающую никакого подвоха (он же гомосек). Лучше Капоте никто не умеет слушать, он делает это так, что невольно выложишь все начистоту даже о своих женских проблемах, откровеннее, чем гинекологу. Лучше Капоте никто не умеет делать комплименты, он кого угодно может в чем угодно уверить, рядом с ним начинаешь верить в сказку, которая вот-вот начнется.

Такое я слышала от многих, но мне этот малыш никогда не обещал золотых гор или долгой, богатой жизни. И счастья никогда не обещал. Зато взял и рассказал о предчувствии Констанс Колльер. С этой великой актрисой меня тоже познакомил Трумэн, подсунув, точно щенка, которого некуда девать на выходные. А потом поинтересовался, будет ли из меня толк.

Обычно хитрый Капоте не говорит гадостей в лицо, но мне сказал как раз в тот вечер, когда была сделана эта фотография. Привычным для близоруких людей жестом поправил очки, которые всегда сползали с его маленького носика, серьезно посмотрел на меня и вдруг заявил:

– Констанс сказала, что готовит тебя к роли Офелии, а еще хочет, чтобы ты сыграла у Греты в «Дориане Грее».

Мы действительно репетировали, во всяком случае, проходили с Констанс некоторые шекспировские сцены, в том числе и монологи Офелии. Кто-то скажет, что это смешно – старая уже Констанс подавала мне реплики Гамлета, но ведь она учила и звезд – Вивьен Ли, обеих Хепберн, много с кем из звезд дружила… Ее мнение для меня много значило. Думаю, не только для меня (жаль, что не для руководства студии!).

Но Трумэн не остановился, тогда-то он мне и объявил, будто Колльер предчувствовала, что я долго не проживу.

Вот уж спасибо! Но я и без Капоте и Колльер знаю, что это так.

– Значит, надо выпить за мою короткую и яркую жизнь!

Мы выпили, потом еще за его долгую и еще за нас обоих, потом еще… даже не помню сколько, а потом пошли танцевать, и мне пришлось сбросить туфли, чтобы Капоте не оказался мне по плечо. Хватка у Капоте крепкая, со стороны можно подумать, что Трумэн меня подцепил. Чертов гном, он был совершенно пьян, это видно даже на фотографии, я куда меньше, но как он танцевал! Со своим карликовым ростом вел так, словно я игрушка в его руках, крутил и заставлял выписывать пируэты, пьяным голосом уговаривая:

– Детка, только не упади, я не смогу тебя поднять…

– Плевать, будем лежать, пока не протрезвеем!

Мы не упали, просто перестали выделывать немыслимые па и долго-долго топтались на месте, уже обнявшись. Господи, представляю, что это была за сцена – Капоте, обхвативший своими маленькими ручками пышные стати Мэрилин!

Если бы я так танцевала с кем-то другим, назавтра бы все газеты показывали пальцем, а рядом с этим малышом все сходило с рук.

Стоит вспомнить, и губы невольно расплываются в улыбке. Я видела его детские и юношеские снимки. Очень даже симпатичный мальчик – большие, широко посаженные глаза, в которых тоска и насмешка одновременно; если не знать о миниатюрном росте, тоненьком, как у ребенка, голосе и наклонностях, то можно решить, что это преуспевающий молодой человек из богатого особняка. Постепенно симпатичный мальчик растолстел и превратился в желчного, въедливого насмешника, правда немыслимо талантливого и обаятельного.

Если кто-то говорил, что его Холли Голайтли из «Завтрака у Тиффани» – это он сам, Капоте загадочно посмеивался. Только мы с ним знали, что это объединенный портрет, кое в чем он срисовал Холли с меня, а в чем-то с себя.

И после этого допустить, чтобы Холли Голайтли сыграла тощая Одри Хепберн? Я не спорю, она талантливая и сыграла прекрасно, но ведь это МОЯ РОЛЬ! Удивительно, мне столько твердили, что ничего другого, как только секретарш и проституток, играть не могу, а когда подвернулась стоящая роль именно проститутки, ее отдали другой!

Я позвонила Капоте и сказала все, что о нем думаю. Трумэн, внимательно выслушав, поинтересовался:

– Ты можешь повторить это еще раз мне прямо в лицо?

– Зачем?

– Хочу увидеть Мэрилин в гневе.

На него невозможно разозлиться. И все же я думаю, зря «лебедушки» слишком доверяют этому малышу, у меня ощущение, что он складывает все их секреты в большую тайную копилочку, а потом выплеснет все это наружу, и получится куда более забористо, чем «Завтрак у Тиффани».

Другое дело я – у меня нет секретов, я вся на виду, поэтому Капоте ничего и не выпытывает. И комплиментов тоже не говорит, не считать же таковыми фразы «Милая, ты прекрасно выглядишь!». Во-первых, если я действительно выгляжу хорошо, то сама знаю об этом, а если плохо, то в голосе Трумэна звучит такое ехидство, что хочется не улыбаться в ответ, а спрятаться.

Интересно, придет ли этот очаровательный мерзавец на мои похороны, ведь о себе он сказал, что ему нагадали долгую жизнь. Пусть только попробует не прийти, я ему на том свете устрою хорошую встречу! Мы с Капоте оба попадем в ад. Или в рай. Или еще куда-нибудь, но обязательно в одно место, мы похожи. Хотя я красивая и фигуристая, но он талантливее, это несомненно.

Но главное – я для Трумэна Норма Джин, он прекрасно понимает разницу между мной и ролью.

Я Вам вот что хочу сказать:

– Кертис – мерзавец!

Когда его спросили, каково это – целоваться с Мэрилин Монро, он ответил:

– Словно целоваться с Гитлером!

Сам Тони клянется, что сказал репортерам совсем иначе, но это тот редкий случай, когда доверять лучше журналистам.

Вы поняли, о ком я? Да, о Тони Кертисе, с которым мы снимались в фильме «В джазе только девушки». Газеты вовсю болтали о том, что брак Кертиса и его красавицы Джанет Ли не выдержит испытания съемками с Мэрилин Монро, словно Мэрилин – монстр, только и делающий, что разрушающий семьи. Подозреваю, что это из-за самого Тони, он трепался, что у нас роман. Док, не верьте, роман был только на площадке! Если ему противно целовать меня, словно Адольфа Гитлера, то мне и того меньше. К тому же я была беременна и мечтала сохранить ребенка, чтобы попытаться сохранить брак с Артуром. Если честно, я не уверена, что этот брак стоило сохранять, но это другие могут запросто выходить замуж или жениться и так же легко разводиться, для меня (какой бы легкомысленной меня ни считали) это трагедия. Не потому, что я до смерти любила своих

мужей, просто развод – это всегда отказ, отказ от меня, моя ненужность. Это как в детстве, когда говорили:

– Норма Джин, завтра ты пойдешь жить к…

Но давайте я лучше расскажу о фильме и противном Кертисе.

Фильм вы наверняка видели, его видели все в Америке. Легкая комедия с множеством нелепых ситуаций, много музыки, шуток, были фразы, которые стали летучими. Помните? «И вообще, я мужчина!» – «Неважно, у каждого свои недостатки».

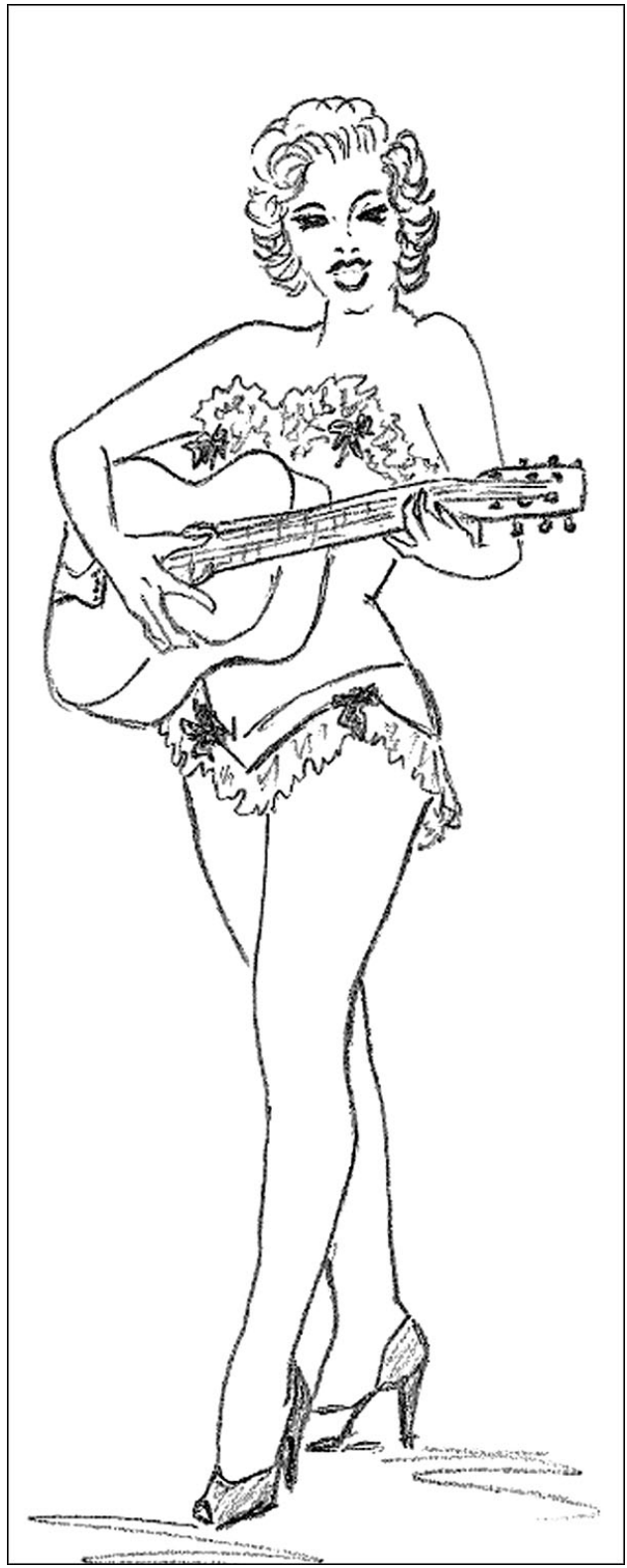
Но когда мне показали сценарий, я была в ярости. Даже за гонорар в миллион долларов я категорически не желала играть новую Блондинку. Нет, нет и нет! Белобрысая крашеная дура, только и умеющая бренчать на гавайской гитаре и мечтать о свадьбе с миллионером, до того тупая, что не заметила, как под нелепым макияжем и ужимками ее приятельниц скрываются два мужика, любительница выпить и готовая ради призрака богатства на все…

Никакое замужество за Миллером ничего не изменило, меня все равно воспринимали глупой Блондинкой. Но, Док, ужасно даже не это, а то, что уговаривал меня принять предложение… Артур! Мой умный муж, за которого я цеплялась, как за последнюю надежду выбраться из образа глупой Блондинки, почти заставил согласиться именно ее и сыграть.

Я рыдала, говорила, что отвыкла от камеры, боюсь, что не выдержу… К тому же режиссер снова Билли Уайлдер. Я с удовольствием снималась у него в «Зуде…», прекрасно относилась к Билли, но теперь он вдруг стал казаться монстром, требующим невесть что! В голове поселилась мысль, что съемки «Зуда…» с Уайлдером разрушили наш с Ди Маджио брак, и теперь съемки нового фильма разрушат брак с Миллером. Я прекрасно понимала, что съемки «Зуда…» ни при чем, знаменитая сцена с вздувающейся юбкой над решеткой метро лишь поставила точку в том, чего уже не было, но все равно упорствовала.

Но нам были нужны деньги… Артур настаивал, студия требовала, и я сдалась. Уайлдер привез в Нью-Йорк двух актеров, которых я должна не заподозрить в принадлежности к мужскому полу, а героя Тони еще и не узнать, стоило тому переодеться из женского платья в мужское. Парни красавчики, что и говорить, особенно Тони Кертис. У Леммона уже был «Оскар»… А кто я? Глупая блондинка, неудачница и в работе, и в личной жизни.

Я стала обузой для Артура и хорошо это понимала, уже не верилось, что мы сможем сохранить пусть ненастоящую семью, но хотя бы видимость брака, и моя беременность что-то спасет. Но мой муж настаивал на съемках, и я послушно согласилась. Миллион долларов на траве не валяется…



Диета, уход за собой, занятия со Страсбергами, примерка костюмов… и вот перед съемочной группой новая Мэрилин, вернее, прежняя – сияющая, очаровательная, немного лукавая. А на душе творилось черт-те что! Хотелось выть, зарыться с головой в подушку и реветь с утра до вечера или с вечера до утра.

Артур писал нежные, добрые письма, рассказывая, какая я замечательная, как он меня любит, как счастлив моей любовью к нему. Я не верила, потому что помнила ту самую запись в его дневнике. Меня не устраивала любовь на расстоянии, причем чем дальше, тем крепче. Стоило Миллеру оказаться со мной рядом, как вся его страсть, весь пыл проходили, Артур начинал меня презирать. Это не любовь, Док, это патология.

Мне никто не мог помочь. Теперь я сознаю, что Страсберги ни черта не понимают в комедиях и игре на съемочной площадке, Ли – театральный режиссер и учитель, хотя и гениальный. Но его метод, как и наставления Полы, а до них Наташи Лайтесс, в кино не работает, потому что полностью погружаться в роль на несколько минут съемки очередного дубля невозможно, невыносимо, бессмысленно, особенно если это роль вроде Душечки из «Джаза…». В комедиях нужно уметь играть, а не погружаться! Какая разница, что чувствовала в детстве Душечка или Девушка сверху, если их биографии начинаются практически с первыми кадрами фильмов?

Я понимаю, что на съемках «Гамлета» погружение нужно, но я не играла Офелию, мне такие роли никто не доверял, а Блондинкам погружение и метод ни к чему. Знаете, на площадке столько раз вступали в конфликт советы моих театральных наставников с режиссерскими требованиями… Но без поддержки и помощи Полы я чувствовала себя совершенно беспомощной, словно маленький ребенок, которого оставили одного на проезжей части широкой улицы, заполненной машинами. Если бы Наташа или Страсберги поняли, что мне нужны не наставления, а просто присутствие со словами: «Мэрилин, ты все сможешь сама!» Но они наставники, считающие себя ответственными за каждый мой шаг.

Док, у Вас были наставники? Не в детстве, а когда Вы начинали работать профессионально? Ведь ни один человек, как бы он хорошо ни делал свое дело, не может быть сразу опытным, всех кто-то учит. Актеров тем более.

Сначала меня учила мисс Снайвли:

– Распрями плечи, не сутулься. Голову выше. А теперь слегка разверни корпус. Норма Джин, я сказала слегка, а не повернуться всем телом.

Потом я долго никому не была нужна и пыталась учиться сама, наблюдая, сравнивая, анализируя. Но одно дело – видеть, как движутся, жестикулируют, слушать, как произносят текст другие, понимать, что лучше, а что хуже, и совсем другое – делать самой. Себя со стороны не видишь, никакие зеркала не отразят твои движения, например со спины, а голос и интонации со стороны слышатся совсем иначе, чем кажутся тебе самой.

Было что-то неосознанное, что мне не нужно репетировать, нарочно играть, но этого оказалось мало, за мою ауру, которую потом так хвалили, меня не приглашали сниматься. Я поняла, что нужно серьезно учиться актерскому мастерству.

Мою первую настоящую наставницу актерского мастерства Наташу Лайтесс ненавидели все, с кем я работала: режиссеры, продюсеры, Джонни Хайд и Джо Шенк, даже мои мужья Джо Ди Маджио и Артур Миллер. Удивительно, но не легче оказалось и со Страсбергами. Почему? Их тоже ненавидели режиссеры, работавшие со мной актеры и Артур Миллер.

Когда-то я считала, что это простая ревность, потому что я слишком много времени уделяю занятиям с ними, слишком доверяю их мнению обо всем на свете, слушаю их советы… Так было и с Наташей, и с Ли и Полой Страсбергами.

Понимаете, Док, я зависимый человек, легко попадаю в эмоциональную зависимость от тех, кому доверяю, особенно если не уверена в своих силах. Меня никто не может переубедить, если я что-то знаю или умею сама или если я в чем-то уверена, но таких областей мало, обычно приходится полагаться на знания других. Это очень трудно, потому что я либо не доверяю человеку с первой минуты, либо вешаюсь на шею.

Я поняла, я сейчас поняла! Я зависима тогда, когда не уверена в себе, а это бывает часто, когда общаюсь с людьми, которые знают и умеют больше меня, умеют непринужденно общаться, образованны, начитаны, состоялись профессионально. Если такие люди презирают меня или относятся настороженно, я замыкаюсь в себе, становлюсь потерянной. Я очень боюсь осуждения, боюсь, что на меня покажут пальцем и скажут:

– Смотрите, она мало знает и ничего не умеет!

Ожидая такую реакцию, либо теряюсь и замолкаю, либо надеваю маску Мэрилин, которой наплевать, что о ней думают!

Если же умные, образованные люди относятся ко мне со вниманием и пониманием, то я доверяю им полностью и становлюсь зависимой. Но тогда мне нужно от них одобрение, постоянное, ежеминутное. Те, кто это дают, не всегда сознавая, что делают, становятся моими хозяевами, если отказывают в такой поддержке, начинаю их ненавидеть. Это нелепо? Но это так!

Вот посмотрите, от Занука я зависела, но он меня не поддерживал, и в ответ получил просто ненависть. Джонни Хайд любил меня и поддерживал, но он учил тому, что я знала и умела сама, – я не попала к нему в зависимость. Наташа учила тому, чего я не умела, и поддерживала, поэтому я зависела от нее полностью, от ее одобрения или неодобрения, от ее мнения, пока Наташа не влезла в область, где я сильнее, тогда зависимость прошла.

Я очень зависела (и завишу) от Страсбергов, потому что они знают, как воспитать актеров, как научить играть, как должна играть я сама. И Страсберги поддерживают, Пола все время твердит, что я способная, что все смогу сыграть, нужно только точно выполнять их указания. Ли учит Полу, Пола учит меня.

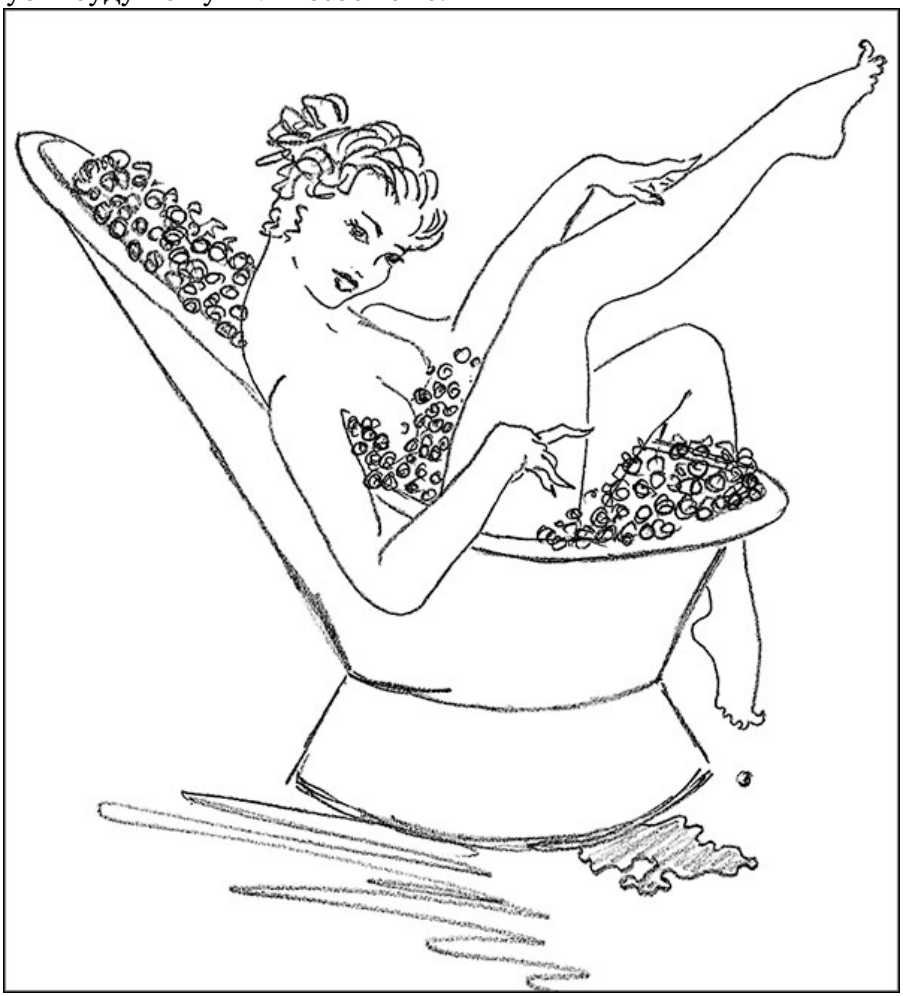
Я очень завишу от своих психотерапевтов, потому что они знают, как выбраться из состояния депрессии, поддерживают меня.

Теперь я понимаю, что такого ожидала и от Артура Миллера. Артур много умнее, образованнее, интеллигентнее меня, он из той элиты, в которую я так мечтала попасть. Казалось, стоит мне стать женой Миллера, и все перестанут считать меня ни на что негодной, глупой гусыней. Артур – моя главная жизненная неудача.

Он наставник? Мог таким стать, но не захотел.

А еще я безумно завишу от медицинских препаратов. Понимаю, что это плохо, гибельно, приводит к потере памяти, особенно в сочетании с выпивкой, все понимаю! Но когда вечером

накатывает одиночество, когда остальные с кем-то, тоска из-за своей ненужности, рука сама тянется сначала к упаковке снотворного, а потом к бутылке шампанского или виски. Последнее время виски стало слишком часто заменять шампанское. Я спиваюсь? Ну и пусть! Если я никому не нужна, то пусть буду не нужна и себе тоже!



Док, я и правда спившаяся белобрысая дура, да? Пытаюсь рассказывать внятно, но перескакиваю с одного на другое, путаюсь и, кажется, рассказываю несколько раз об одном и том же. А какая разница, если Вы все равно не слушаете? Ведь Вы же не слушаете мои рассказы, я это знаю… Вот и Вам я тоже не нужна… Вы просто терпите меня, потому что совестно отказаться, сами напросились… И денег не берете.

Док, почему Вы не берете у меня денег? Все берут, а Вы нет. Я всем нужна из-за денег, даже Артуру. И студии, и режиссерам, они меня терпеть не могут, но снимают, потому что фильм с

Блондинкой означает кассовые сборы… Нет, Ди Маджио мои деньги не нужны, ему нужна Норма Джин в оболочке Блондинки, только он никак не может выбить из меня эту чертову красотку. Скажу Вам по секрету, рука у Джо очень тяжелая… Обидно, что он не понимает, что именно нужно выбивать.

Простите, Док, я пьяна, я Вам потом расскажу о фильме. Хотя что о нем рассказывать? Вы его видели… его все видели… смеялись… Смеялись ведь?

Нет, я расскажу сейчас, а то потом забуду, я стала забывать все: реплики, планы, даже саму себя.

Никогда не ставьте знак равенства между экраном и жизнью на площадке. Часто они противоположны. На экране комедия и любовь, на площадке кошмар и ненависть. Уайлдер не хотел снимать меня, совсем не хотел. Он уже наслушался рассказов о моем пьянстве и почти сумасшествии, а о необязательности еще не успел забыть. Да, я замучила всех, страшно опаздывала, действовала на нервы требованием сделать еще дубль, нервными срывами… Но я была беременна и, хотя все это знали (я даже растолстела), никто не желал учитывать.

Фильм получился легкий и искрометный, даже моя Душечка не столь уж мерзка, но ненависть ко мне у всех просто зашкаливала, Уайлдер даже не пригласил меня на вечеринку по поводу окончания съемок! Док, меня снова вышвырнули! Я снова была безродным, никому не нужным щенком! Меня обвинили в непрофессионализме, неспособности вообще что-то играть на площадке, создать образ, связать вместе два слова или просто прочесть реплику по подсказке… Билли Уайлдер наговорил репортерам обо мне столько таких гадостей, что сравнение меня с Гитлером, которое сделал Кертис, на этом фоне было детской шалостью по сравнению с уголовным преступлением.

Я ничтожество, только из-за попустительства студийного руководства и собственной хитрости и алчности занесенное на съемочную площадку! Пустоголовая белобрысая курва, все достоинства которой внутри бюстгальтера и пониже талии! О… чего только не говорили обо мне, правда дипломатично стараясь, чтобы обвинения, попав на страницы газет, звучали более интеллигентно, ведь единственной неинтеллигентной курвой во всем Голливуде, как известно, являюсь я.

Но хуже всего, что сразу после окончания съемок в середине декабря на пятом месяце беременности я снова потеряла ребенка! Лужа крови на полу ванной, невыносимая боль, физическая и душевная, и полная опустошенность…

Отношения со всеми отвратительные, Артура я просто

ненавидела, ведь это он настоял на съемках, а потом пальцем не пошевелил, чтобы защитить честь своей жены или уберечь меня от физических нагрузок. Почувствовав, что теряет лицо, Миллер вступился, написал обвинительное письмо Уайлдеру, но слова уже были сказаны. У всех на слуху и в головах, что я неуправляемая стерва-пьяница, от пяток до макушки накачанная наркотиками, почти впавшая в маразм, и от такой держаться нужно как можно дальше.

Первым от меня сбежал Артур, он просто подло бросил жену – после выкидыша в состоянии нервного срыва, оскорбленную и униженную всеми – и смылся в Роксбери, оставив меня наедине со своей болью, тоской, страхами, со своими мыслями. Я проглотила две упаковки снотворного, беречь здоровье ни к чему… Однажды, после смерти Джонни Хайда, меня спасла Наташа, потом Миллер, теперь один из работников, что-то делавших по дому.

Очнувшись, я поняла, что просто умереть не удастся, а еще поняла, что ненавижу Артура Миллера больше, чем кого-либо на свете. Нет, больше я ненавижу только Блондинку. Она в фильме на высоте – очаровательная, сияющая, обожаемая миллионами, полнейший контраст со мной – уничтоженной, раздавленной, никому не нужной.

Фильм имел оглушительный успех, но никому не пришло в голову поблагодарить за это меня, словно я и не снималась в одной из трех главных ролей. Было пять номинаций на «Оскара» – за режиссуру, сценарий, художника и даже Леммона за мужскую роль (хотя он играл женскую). Обо мне не вспомнили.

Критики могли называть меня лучшей актрисой Америки, зрители могли хором подпевать моим песенкам или плакать, слушая о конце любви, толпами валить на киносеансы, просматривая фильм ради Душечки по несколько раз, но ни Голливуд, ни актеры, ни режиссеры не считали меня достойной упоминания, кроме как стервы, всем мешающей жить. Казалось, не будь меня в фильме, он получился бы во стократ лучше, хотя все прекрасно понимали, что это не так. Голливуд не просто не принял меня, он меня ненавидел, причем в полном составе, даже без Занука (я зря думала, что главный ненавистник на студии именно он).

Нет, ненавидели Блондинку, и никому не приходило в голову, что уничтожают прежде всего Норму Джин. Блондинке наплевать, она явилась на премьеру под ручку с Миллером, как прежде, красивая, сияющая и не замечала ничьих злобных взглядов! Уайлдер скрипит зубами? Да черт с ним! Кертис жалуется журналистам на мои поцелуи? Пусть целуется с

Уайлдером или крокодилом из зоопарка! Гримерам надоело поправлять мой грим, а осветителям заново выставлять свет? Ну и хрен с ними!

Норма Джин притаилась внутри и обреченно наблюдала, как Блондинка справляет триумф, как от нее, словно град от крыши, отлетают любые обвинения, оскорбления, нападки. Господи, как я завидовала сама себе, завидовала ЕЕ умению обратить любую неприятность в победу, выдержать любые отзывы, вынести любые обиды. Блондинку не задевало ничто, она словно показывала мне: вот как надо жить! У меня не получалось.

Закончились праздники, а в будни крашеная дрянь внутри меня затихала, словно набираясь сил для новой демонстрации своего великолепия и умения владеть людскими душами. Я поняла ее тактику, теперь Блондинка не лезла напролом, понимая, что я могу в очередной раз уехать на ферму в Коннектикут или найти еще какого-нибудь Артура Миллера в качестве супруга и заняться спасением гибнущих рыбешек на берегу. Нет, она сидела тихо, выжидая, когда мне будут нужны деньги (если честно, то не мне, а мужу, мне достаточно крошечной квартирки и пары бутербродов в холодильнике) и придется согласиться на очередную пустышку с демонстрацией пышных форм. Тем более за мной был еще долг студии.

Я понимала, что могу изменить положение дел только одним – поскорее сняться в какой-нибудь очередной поделке и разорвать контракт со студией окончательно. Мне миллиона на счету хватит, я долго не проживу, а Артур пусть как хочет, он же обо мне не думает? Речь о восстановлении отношений уже не шла, я не верила мужу и хорошо знала, что Миллер может бросить меня в самую трудную минуту, бросить как собачонку, которая надоела. Если честно, то само пребывание с Артуром под одной крышей стало настоящим испытанием, а идея снять фильм со мной в главной роли по его же новелле «Неприкаянные» приводила в ужас!

Мне не нравилось все: сам текст, моя предполагаемая роль, режиссер Хьюстон, который не слишком меня жаловал, его решение снимать фильм в пустыне в самую жару… Но Артуру были нужны деньги, свои, не мои, он желал превратить свою новеллу в сценарий и получить за это 250 000 долларов. И Миллер нашел выход, вернее, то, чем можно меня соблазнить – актерами. На главную роль Артур уговорил… Кларка Гейбла! На роли второго плана моих приятелей Монтгомери Клифта и Илая Уоллака, с которыми конфликтов вроде Тони Кертиса не предвиделось.

Играть с Кларком Гейблом… Док, Вы понимаете, ЧТО это

значило для меня? Норма Джин и Кларк Гейбл!.. О таком нельзя было даже мечтать. Артур знал, чем меня взять. Даже если бы он потребовал весь бюджет «Мэрилин Монро продакшнз», я бы отдала за такую возможность.

Миллер хотел поставить свое произведение и выбраться из безденежья. А чего хотела я? Конечно, я очень хотела сыграть с Кларком Гейблом, но еще я хотела развязаться наконец со всеми. Казалось, сыграв еще в одном, последнем по контракту, фильме у «Фокса», спродюсировав «Неприкаянных» Миллера и сыграв с Гейблом, я выполню все обязательства – перед Голливудом, перед мужем и перед мамой и Грейс. Все, тогда у меня не будет долгов.

А еще отдать остальные деньги Страсбергам на развитие студии, Анне Фрейд на развитие ее центра, Гринсону, чтобы не мучил пациентов, и еще всем-всем, если что-то останется…

Казалось, что, отдав все эти долги, я стану свободной не только как актриса, но и от Блондинки тоже. Только бы выполнить… Иногда становилось страшно, что не хватит сил, Пола Страсберг, слыша такие вздохи, убеждала, что хватит (она же не знала, на что именно). Мне требовалась ее поддержка хотя бы на время съемок, конечно, Пола согласилась помочь (еще бы, она получала хорошую зарплату!).

Я жила в состоянии тягостного ожидания: скорее, ну, скорее же! Никто не мог понять этой нервозности, особенно Миллер, которого я уже просто ненавидела, причем взаимно. Пусть сколько угодно рассказывает о своей любви ко мне и сверхтерпении, не было такого! Мы жили как два скорпиона в банке, пока опасаясь сделать неосторожное движение, чтобы не вызвать ответную агрессию, если случалось неловко повернуться, сразу предупреждали партнера, чтобы не пустил в ход ядовитое жало.

На студии решили, что пока я не окочурилась, надо срочно снять фильм со мной – «Займемся любовью». Я согласилась, даже не заглянув в сценарий, только бы скорее! Но начались задержки в подготовке, во-первых, Артур, посмотрев сценарий, заявил, что его надо переделать, иначе звезда сниматься не будет. И ничего, что на вторую роль согласился Грегори Пек, сняться с которым мечтала каждая актриса. «Фокс» согласился, переделки, конечно, поручили самому Артуру. Миллер снова пользовался спросом, очистившись от обвинений в антиамериканской деятельности и найдя золотую жилу в виде кошмарной супруги.

Пока он уродовал сценарий, мне сделали операцию. Зачем? Не знаю, обещали, что теперь я смогу выносить и родить ребенка. Хотелось крикнуть:

– Какого ребенка?!

Мне шел тридцать пятый год, и семья существовала только на бумаге. Мы просто терпели друг дружку, пока было выгодно. Нет, Артур терпел меня, пока я была выгодна ему. Вот и все.

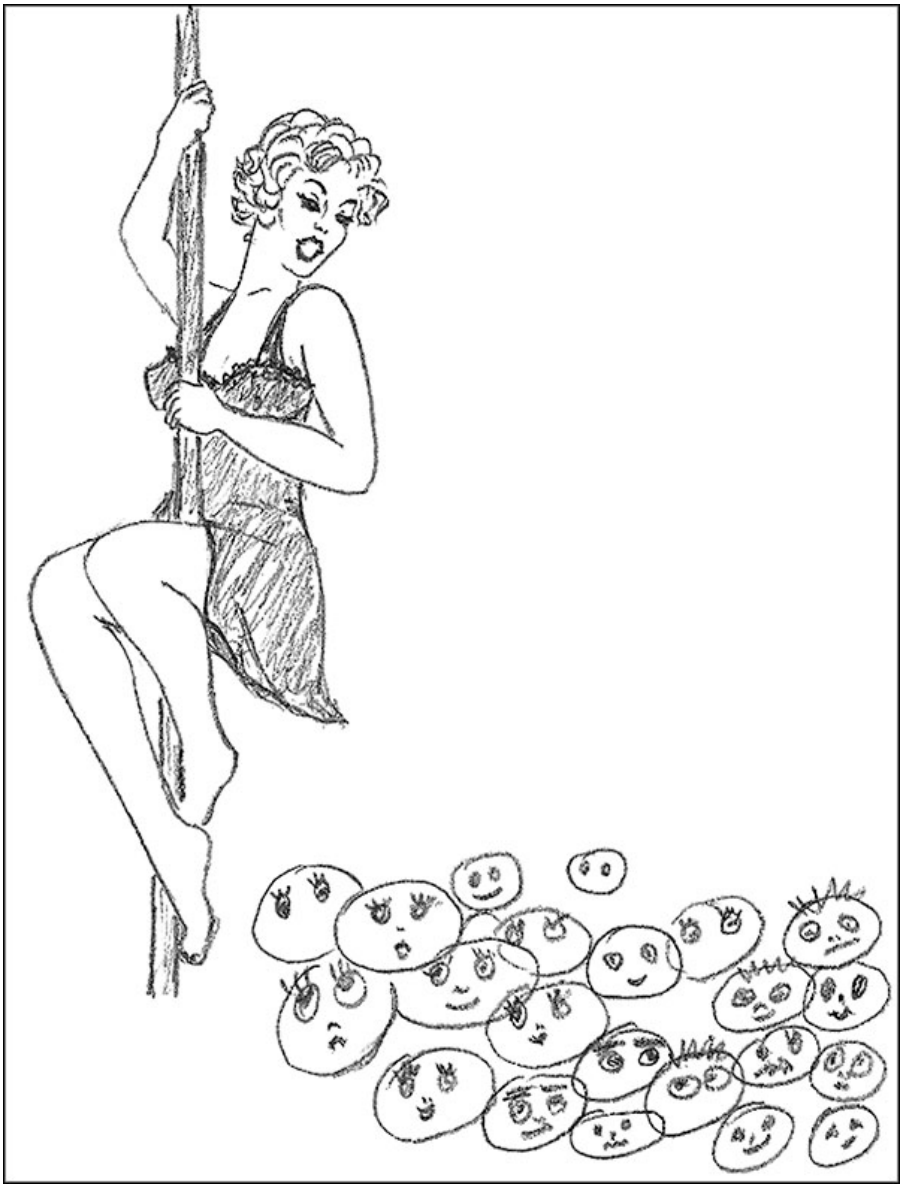
Переделанный Миллером сценарий категорически не устроил Грегори Пека, его роль была урезана почти до эпизодической, все ради увеличения моей роли, в этом немедленно обвинили капризную звезду, даже умному Пеку не пришло в голову, что Миллер мог сделать все по собственному почину. На «Фоксе» с переделками согласились (когда это там обращали внимание на сценарий?), оставалось найти актера на главную роль. Подозреваю, что никто из американцев не согласился бы, уж слишком много разговоров ходило обо мне, разве какой-нибудь из неудачников, как я когда-то, мечтающих выбиться на большой экран.

Мне было все равно, только скорее. Находиться рядом с Артуром становилось все тяжелее. Он демонстрировал христианское смирение (хотя христианином никогда не был), всему миру показывая, как терпит свою супругу-фурию, несдержанную, злую истеричку, и этим бесил меня еще больше. Он терпел!.. Ничего он не терпел, он просто использовал мое имя и мою компанию! У Артура прошли времена, когда его пьесами зачитывались, просто Миллер всегда рассказывает о себе и только о себе, а когда ничего не происходит или нет возможности выставить себя героем, не пишет ничего. За все время нашего брака он создал лишь несколько мало кому интересных рассказов и тех самых «Неприкаянных». Времена «Смерти коммивояжера» прошли, и не я тому виной, Миллер исписался еще до встречи со мной. Пусть говорит, что хочет, но это так.

Артур непотопляемый, он выплывет, еще будет писать, например, напишет слезливую пьесу о том, как его терзала полусумасшедшая супруга, возомнившая себя гениальной актрисой. Но пока он либо сидел на моей шее (мне не жалко, но не стоило тогда выживать из компании Милтона Грина, чтобы брать все в свои руки), эксплуатировал то, что создано до него, либо использовал мое имя и мою популярность, мне же доказывая, что я ничтожество!

Все! Ненавижу и вспоминать не хочу!

На съемках «Неприкаянных», которые погубили Кларка Гейбла и едва не погубили меня, Артур закрутил роман с Ингой Морат, на которой женился тотчас после нашего развода. Вот Вам хороший пример супружеской верности человека, который за полгода до этого жаловался всем подряд, что его супруга изменяет с Ивом Монтаном!



Иногда слава обременительна

Ведь это была идея Миллера – пригласить на роль Клемана в «Займемся любовью» Ива Монтана, при том что Артур прекрасно знал, как мне нравится такой тип мужчин. Ив чем-то напоминает Ди Маджио – сильного, яростного, не всегда сдержанного. В нем много от Джо, но есть то, чего у Ди Маджио не хватает – умения общаться с женщинами (француз все-таки!) и нравиться им. Монтан галантен, этого не отнимешь.

К тому же у нас нашлось много общего. Было забавно, что он совершенно не знал английского, но за время пребывания в

Америке вместе с его очаровательной супругой Симоной Синьоре заметно улучшил произношение и выучил многие фразы. Ив страстно желал завоевать Америку, а потому легко согласился сниматься с чертовой Блондинкой в Голливуде. А Симона приехала получать свой «Оскар» за роль в фильме «Путь в высшее общество».

Артур и Симона поступили просто нечестно: сначала они сквозь пальцы смотрели на появившуюся между нами с Ивом симпатию, даже поощряли ее, особенно Артур, а потом уехали в Европу, конечно, по отдельности, но какая разница? Когда Миллера спрашивали, почему он не желает замечать роман своей супруги и Монтана, он только пожимал плечами:

– Наш брак все равно разваливается.

Надо ли говорить, что эти слова тут же донесли до моих ушей? Мой муж считал наш брак оконченным, но я была нужна ему ради постановки его мерзких «Неприкаянных»! Вот Вам супружество!

У нас был роман с Ивом Монтаном, я не отрицаю, трудно играть, если не испытываешь симпатию к тому, в кого по роли обязана быть влюблена. Это Кертис мог считать меня Гитлером и при этом делать вид, что обожает, я такой наглой лжи на экране не выношу. Играть любовь с человеком, которого переносишь с трудом, значит обманывать зрителей. И хотя кино все равно обман, но не такой же!

Ив был последним моим разочарованием в мужчинах. Знаете, Док, почему последним? Потому что я больше не верю ни мужчинам, ни в любовь. Вы можете напомнить роман с Фрэнки Синатрой и с Д.К., но это не любовь, это именно сексуальные романы. А в Ива я была влюблена. Знаете, Хедда написала в своей газетной колонке, что я втрескалась, как школьница! Прочитав, я долго хохотала, потому что она права. Но не влюбиться невозможно. Кьюкор, который был режиссером фильма, то и дело орал на меня, все вокруг злились, а Ив Монтан помогал, поддерживал, подбадривал. Он помогал даже больше Полы, твердил, что у меня все прекрасно получается, что я все могу, а иногда даже устраивал хорошую встряску, если я того заслуживала. Казалось, Ив единственный понял, как именно надо обходиться со мной – терпеливо подбадривая, если я неуверенная в себе птичка, и попросту встряхивая за шиворот, когда превращаюсь в капризную кошку. Конечно, я боготворила партнера. Тем обиднее было разочарование.

Ив Монтан оказался еще худшим предателем, чем Артур Миллер. Мой муж демонстративно удалился, чтобы создать все условия для измены, но это хоть как-то понятно, при разводе

меня легче обвинять, а вот Ив крутил роман вовсю, совершенно меня очаровав, а потом просто смылся! Причем сделал это почти тайно!

Если бы он сказал мне прямо в глаза, что не готов бросить свою Симону, что любит ее, а со мной просто спал ради удовольствия, я разбила бы о его голову фужер для шампанского или расцарапала лицо, но не больше. Ни бросаться на него с ножом, ни нанимать убийцу, ни сама прыгать с балкона я бы не стала, а порезы заживают быстро, я знаю, у меня они бывали часто. Я бы просто обозвала его мерзавцем и плюнула вслед. Но Монтан бежал, до последнего часа обманывая меня относительно своих планов и своих чувств. Меня снова предали и вышвырнули из своей жизни.

Что бы я ни делала, какой звездой ни становилась, всегда одно и то же – предательство и одиночество.

И фильм получился отвратительным, и роли хуже некуда, и я получила новую порцию унижений. Разве Голливуд мог пропустить такую возможность посмеяться и показать пальцем на незадачливую дурочку? Блондинка внутри меня вовсю хохотала над влюбившейся и брошенной Нормой Джин. Я не спорю, Симона Синьоре лучше, умнее, у нее нет той скандальной известности, как у меня, зато есть «Оскар», но можно же было сказать мне честно, что наш роман всего лишь приятное времяпровождение, наверняка Ив с самого начала понимал, что вернется к Симоне.

Я была даже рада, что фильм с треском провалился в прокате. Но он не мог не провалиться. Я не читала начального сценария, потому не знаю, испортил ли его Артур, но что не улучшил – это точно. Бездарная история, где у моей героини, вынужденной выглядеть почти комически, нет ни одной забористой реплики, все до умопомрачения скучно, не спасали даже песни мои и Ива. Было понятно, что публика попросту свернет челюсти, без конца зевая.

После провала и «Неприкаянных» я поняла, что Артуру нельзя писать ничего веселого и тем более комического, он не способен. Занудный, холодный, как медуза, интеллигент с холодным разумом не может делать комедии, в лучшем случае серьезные пьесы для таких же зануд!

Подспудно, нутром я понимала, что такая же участь ждет и «Неприкаянных», что Миллер снова сделает нечто тягучее и для меня неприемлемое. Он делал вид, что перерабатывает пьесу, чтобы максимально приблизить образ главной героини ко мне. Я уже догадывалась, во что превратит образ ненавистной женушки обиженный муж, но старалась не сдаваться. Хотя тогда впала в

такую депрессию, из которой с трудом выбралась. Артур не пришел на помощь даже в самый критический момент. У него был козырь – супружеская неверность, теперь на меня можно наплевать, и никто не осудит. Что Миллер и сделал.

Нет, я не напилась снотворного, не стала резать себе вены, я обратилась к психиатрам и через некоторое время жестоко поплатилась за это.

Док, а почему Вы меня не спрашиваете о моем детстве? Это первое, с чего начинали все психоаналитики и даже Ли Страсберг. Все старались, чтобы я вытащила из детства все плохое, вспомнила все обиды и тем самым развязалась с ними. Это по Фрейду: все наши неприятности и опасения будущего идут из детства.

Мы очень много говорили о моем детстве и с Хохенбергом, и с Крис, и с Страсбергами, и с Гринсоном. Только зачем это все? Одни и те же вопросы о поступке матери, подбросившей меня другим людям, отца, не желавшего признавать свою дочь, тоска по семье и дому… Это якобы нужно для понимания моего места в нынешнее время. Может, это и нужно, только меня куда больше интересует не то, где я нахожусь, а на что годна и что могу сделать, чтобы состояться уважаемым человеком, хорошей актрисой, способной играть не только Мэрилин Монро, но и серьезные драматические роли.

Я никак не могла объяснить свои метания и сомнения психоаналитикам, а они заставляли и заставляли ходить по кругу:

– Расскажите о своей матери. Не стали ли Ваши первые браки проекцией отношений Ваших родителей?

Но я не знаю, о чем думала моя мама, когда ее забирали в психушку, уж наверное, не о том, каково будет жить мне у чужих людей. Я не знаю, какие отношения были у моих родителей, потому что они не жили вместе, я никогда не видела отца и не знаю, почему они не стали семьей. Может, в этом была ошибка всех работавших со мной? Я придумывала, и мои страхи никуда не девались, потому что эти страхи вовсе не связаны с отношениями между родителями.

Нет, не так, есть два, которые точно связаны с детством. Я очень боюсь одиночества, потому что в детстве была страшно одинока и такой осталась до сих пор. Именно поэтому я просто цеплялась в тех, кто хотел хоть чем-то помочь, как-то поучаствовать в моей судьбе, даже если делал это за мои же деньги. Поэтому цеплялась за статус замужней женщины с Артуром Миллером, мне казалось, что этот брак сможет вытянуть

меня из одиночества.

А еще я боялась и боюсь, что так ничего и не смогу, останусь просто крашеной блондинкой с хорошими формами, которую ценят только за эти формы. Боюсь, что меня больше не за что ценить, что сама по себе я ничего не стою и ни на что не способна.

Эти страхи из детства, но чтобы такое сообразить, не стоит долго ходить по кругу, достаточно одного сеанса. Мне не жаль денег, потраченных на лечение, хотя в случае с Крис оно едва не привело к катастрофе – я оказалась в психиатрической больнице (вот третий страх из детства – закончить свою жизнь, как родственники, в психушке).

Марианна Крис стала моим психотерапевтом в начале 1957 года. Уже тогда было ясно, что снова ничего не складывается. Из Англии мы с Артуром вернулись почти врагами, он откровенно презирал меня, с Милтоном Грином тоже началась почти вражда, фильм «Принц и хористка», на который я так надеялась, снимался настолько тяжело морально, что я чувствовала себя развалиной. К тому же Милтон основательно «посадил» меня на всякие таблетки. Он сам пил их горстями – вечером, чтобы уснуть, а утром, чтобы проснуться. Я не рискнула пить по его примеру дилантин, который заставлял мозг усиленно работать, это страшно, но ежевечерне глотала барбитураты и нембутал. Заснуть удавалось редко, никакого облегчения от сна не чувствовалось, словно это не отдых, а проваливание в темную яму…

Не хочу сейчас об этом говорить, но как-нибудь расскажу, что чувствую, пытаясь заснуть, и потом, когда пытаюсь проснуться. Ненавижу ночи, они страшны, а спать днем не могу, достаточно лучика света в комнате, чтобы я проснулась.

Но сейчас не об этом, я хочу рассказать о докторе Крис и своем пребывании в психушке. Мы очень долго топтались на месте, рассуждая о моем детстве, у меня было страшное ощущение, что я хожу по кругу, причем в глубокой, глубокой колее, а она становится все глубже, и скоро за ее краями не станет видно не только остального мира, но и неба тоже.

От меня требовались рассказы о детстве, они были болезненны, якобы эта боль, как нарыв, должна была прорвать, созрев. Нарыв становился все больше, но прорывать не собирался, а во мне росла неуверенность и страх на всю жизнь остаться в этой колее. И я… придумывала события детства, которых не было и быть не могло! По словам доктора Крис, выходило, что, вытащив все негативное, что только могло быть в те годы, я смогу освободиться и разом разорвать все свои страхи и сомнения, чего бы они ни касались.

Не знаю, поняла ли она, что я выдумываю, кажется, не поняла, но я пересказывала страшные случаи, которые происходили с моими знакомыми или о которых просто слышала. Сказались годы, проведенные на съемочной площадке, я легко входила в роль и принималась играть обиженную девочку, которую в восьмилетнем возрасте изнасиловал состоятельный старик-постоялец, или еще что-то подобное, как когда-то в детстве рассказывала о своем отце – Кларке Гейбле. Но тогда надо мной смеялись, а доктор Крис верила…

Никакие страхи и негатив мы не уничтожили, я по-прежнему боюсь одиночества, сейчас еще больше, чем раньше, по-прежнему боюсь психушки и боюсь не состояться.

Зато бесконечные тягостные разговоры пять раз в неделю, не принося облегчения, полностью подчинили меня влиянию доктора Крис. Я уже не могла и дня обойтись без этих тяжелых бесед, беспокойство вместо того, чтобы рассеиваться, только усиливалось. Усиливалась моя зависимость от доктора, боязнь оценки. Кроме ожидания оценки от Страсбергов за какие-то этюды, сыгранные у них на занятиях, я начала переживать и из-за оценки работы над собой со стороны доктора Крис.

Глупо, да? Я платила немалые деньги психоаналитику, чтобы она освободила меня от беспокойств, помогла обрести себя, стать свободной и уверенной женщиной, а Марианна Крис, напротив, ввергала в еще больший страх и зависимость.

Чтобы стать увереннее в себе, я старалась забыть те годы, когда у меня не было ни дома, ни семьи, когда я от всех зависела, должна была всегда и всем угождать и улыбаться. Мне нужно было подтверждение, что я смогу добиться чего-то сама, создам дом и семью, а меня заставляли снова и снова возвращаться в те страшные годы. Наверное, у кого-то и происходило освобождение от страхов и проблем при использовании такого метода, но у меня нет, я все больше замыкалась в своих страхах и выхода не видела.

Кроме того, был страх осуждения и со стороны Крис, и со стороны Ли Страсберга. Я страшно неуверенный в себе человек, чтобы я играла или раскрепостилась, нужны либо полное погружение в роль, как было в «Зуде седьмого года», либо чья-то поддержка. У меня ничего этого не было. Но и сидя перед доктором Крис, я чувствовала себя словно на сцене. Это из-за необходимости «играть» свое детство. Почему-то было боязно не оправдать ее ожидания и сказать что-то не то.

Закончилось все очень плачевно. День за днем оказываясь в ловушке ненужных и тяжелых размышлений, я скатывалась в какую-то пропасть самоедства, самобичевания и

самоуничтожения.

Знаете, во что все вылилось? Это произошло позже, но произошло.

Доктор Крис испугалась того, что происходило, и попросту отправила меня в больницу! Они солгали, накачали меня наркотиками и дали подписать какую-то бумагу. Я мало что понимала в том состоянии, цеплялась за Марианну Крис, как за последнюю надежду вылезти из ощущения провала в темноту, и готова была ради этого на все. Но даже сейчас я помню, что разговоры были об отдыхе в больнице, никто не говорил, что меня поместят в психушку!

Как могла доктор Крис, прекрасно знавшая, что моя мать именно в таком заведении провела половину жизни, что мои бабушка и дедушка тоже страдали сумасшествием, что я до смерти боюсь свихнуться и попасть в психиатрическую лечебницу, отправить меня туда, как буйную больную? Да, после известия, что многие считают меня виновницей смерти Кларка Гейбла (хотя он умер просто от перенапряжения), у меня была мысль выброситься из окна. Но разве не дело психиатра помочь пациенту выйти из такого состояния, внушить надежду на жизнь, а не изолировать его в четырех стенах без окон и с прозрачной дверью? Наверное, доктор Крис просто испугалась ответственности и торопилась переложить ее на других, но не лучше ли было просто оставить меня в покое?

Я очень смутно помню то, как оказалась в стенах больницы, зато помню, как меня долго вели какими-то коридорами и за нами с грохотом закрывались двери.

– Где я?

Думаете, ответили? Нет, я для них помешанная, с которой разговаривать не стоило.

Док, это камера, настоящая камера, где окна зарешечены, а дверь стеклянная! И никаких ширм, чтобы спокойно сходить в туалет или помыться, все на виду у персонала. Я никогда не стеснялась наготы, но только не вынужденной. Когда сквозь стеклянную дверь видишь, как по ту сторону собирается персонал, чтобы посмотреть, как я буду сидеть на унитазе или биде, как я сплю или не сплю, но мучаюсь посреди голых стен… очень хочется запустить чем-нибудь в эту стеклянную дверь.

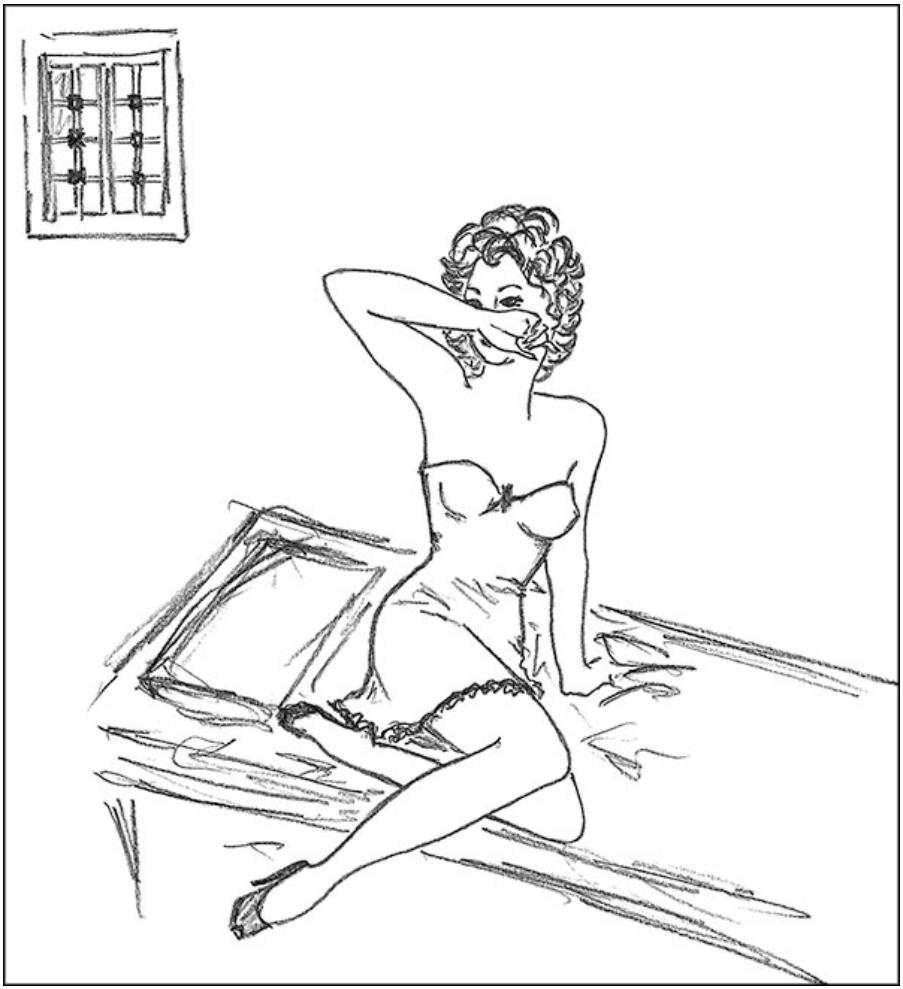
Меня охватил настоящий ужас, ведь случилось то, чего я так боялась, – психушка! Немного придя в себя и осознав, где нахожусь, я просто впала в панику. Найдите человека, даже никогда не бывавшего у психиатра и не имеющего больных родственников, который не испугался бы на моем месте. Перестало хватать воздуха, показалось, что не просто

проваливаюсь в черную яму, но и задыхаюсь.

Идиоты-врачи считали меня сумасшедшей. Персонал таращился на меня сквозь стеклянные двери, как на диковинку. Потом я узнала, что доктор Крис поместила меня туда под вымышленным именем как Фэй Монро, но это не помогло, скоро все поняли, что я Мэрилин Монро, и любопытных у двери прибавилось, всем интересно посмотреть на сумасшедшую звезду.

Кажется, я устроила настоящую истерику, требовала выпустить меня: запустила в окошко стулом, чтобы привлечь к себе внимание не любопытного персонала, а хотя бы врачей. Разбитые в кровь кулаки, запущенный в стекло стул привели только к тому, что у меня отобрали все: одежду, сумочку, книги, которые Крис позволила взять с собой, обещая, что я смогу почитать во время «отдыха».

Больничная рубаха (с обещанием связать рукава за спиной, если не перестану буянить), круглосуточный надзор и снова лекарства, после которых впадаешь в состояние прострации.



Сколько дней или ночей прошло? Не знаю, получается, что двое суток. Двое суток непрекращающегося кошмара и состояния действительно близкого к помешательству. Док, знаете, каково это – бороться за собственный разум, когда тебя поместили в каменный мешок безо всякой связи с внешним миром и надежды выйти, да еще и уверяли, что ты уже свихнулась? Чтобы действительно не потерять остатки способности воспринимать действительность, я принялась рассуждать: просто это я играю помешанную. Для того чтобы ее играть, вовсе не обязательно и впрямь быть таковой. Меня поместили в декорации палаты для умалишенных и забыли там на некоторое время. Беситься и бить стекла бессмысленно, я должна вести себя как нормальный человек.

Я принялась мысленно читать стихи, вспоминать, но совсем не свое детство или больных родственников, а лучшие моменты своей жизни, интересных людей, тех, с кем я общалась с

удовольствием. Артура не вспоминала.

А идиот-доктор все задавал и задавал один и тот же вопрос:

– Почему вы чувствуете себя такой несчастной?

– А вы были бы счастливы, окажись запертым в камере-одиночке с зарешеченными окнами?!

Он чуть улыбнулся:

– Но ведь я тоже здесь…

– Сидите? Лежите? Нет! Вы можете выйти, так выпустите и меня тоже. Я буду счастлива.

Помню еще один дурацкий вопрос:

– Как вы полагаете, почему и что с вами происходит?

Я взорвалась:

– Я плачу огромные деньги врачам, чтобы вы разобрались в этом, а вы спрашиваете меня?!

Кажется, после этой фразы он задумался. Во всяком случае, мне разрешили написать записку, а потом позвонить.

Получается, они вовсе не были уверены в моем сумасшествии, но поместили сразу в каменный мешок, как буйную.

Я написала Страсбергам. Кому же, как не им, моим самым близким друзьям и наставникам? Умоляла вытащить меня оттуда, потому что, оставаясь, я наверняка свихнулась бы и действительно.

Казалось, Страсберги должны примчаться и немедленно доказать лечащим врачам, что я нормальная, хотя очень нервная и способная впадать в депрессию. Док, но ведь депрессия и сумасшествие не одно и то же?

Мне стоило огромных усилий справиться с собой и удержаться от еще одной истерики в ожидании ответа от Страсбергов. Я понимала, что если начну снова бить стекла или демонстративно раздеваться, чтобы устроить шоу для персонала, то не выйду оттуда никогда. Старалась вести себя как можно спокойнее и сдержаннее.

Но ответа от Страсбергов не было. Как знать, может, им и вовсе не передали мою записку? Знаете, какое это отчаянье, когда те, кому ты веришь и на кого рассчитываешь, не приходят на помощь? Что я могла думать: что они поверили в мое помешательство и отказались от своей сумасшедшей приятельницы или что просто ничего не знают обо мне? И то и другое ужасно, потому что отказ самых близких людей, которым доверяешь, означает гибель. Но и то, что, позволив для вида написать кому-то, эту записку не передают, означает, что выбраться из каменного мешка невозможно.

Понимаете, оба варианта означали гибель! Наверное, я

никогда не была такой собранной и решительной, как тогда, когда там, в психушке, пыталась добиться своего освобождения. Осознав, что требовать подобное бесполезно, напротив, это приведет только к ужесточению содержания, я принялась осторожно просить, чтобы мне позволили позвонить хоть кому-то.

Среди персонала нашлась добрая душа, разрешившая воспользоваться телефоном. Но как назло нью-йоркских друзей не оказалось дома, хотя я не представляла, что им скажу, ведь никто не знал, где я.

И тогда я разыскала во Флориде Джо Ди Маджио! Это нечестно – прибегать к помощи Джо, с которым мы давно расстались и столько не виделись? Может быть, но тогда мне показалось, что только крепкое плечо Джо может защитить меня, только он может вытащить из этого кошмара.

Я не ошиблась, Джо Ди Маджио примчался в тот же день, бросив все свои дела, он осадил больницу, пообещал доктору Крис, что если меня немедленно не выпустят под его присмотр, то он разнесет всю клинику по кирпичику и поднимет такой шум, какого Нью-Йорк еще не видел! А самой доктору Крис, кажется, обещал, что я буду ее последней пациенткой, потому что все узнают, что она делает с теми, кто обращается к ней за помощью. Он не сделал этого и больше не упоминал о своей угрозе, но однажды вскользь проговорился. Вообще-то правильно, потому что доктор Крис сначала долго выкачивает деньги за пустую болтовню, доводя до тяжелой депрессии, а потом сплавляет в психушку, вместо того чтобы из этой депрессии помочь выбраться.

Если честно, то сейчас происходит нечто похожее – я снова привязана к психоаналитику, как когда-то к Крис, мы снова обсуждаем мое детство и мои детские страхи и снова встречаемся ежедневно. Неужели грядет повторение?! Нет, тогда уж лучше сразу спрятаться за спину Джо Ди Маджио!

Но я вернусь к своему выходу из больницы.

Джо поднял на ноги всех, кого знал в Нью-Йорке, и сумел добиться, чтобы меня выпустили. Я должна была уехать оттуда вместе со своим массажистом и другом Ральфом Роберте и с доктором Крис. Но я категорически запротестовала, боясь, что просто наброшусь на Крис и меня вернут обратно, как буйнопомешанную. Ненавижу эту женщину, она монстр, которого нельзя подпускать к людям, а тем более к детям, которых она пытается лечить. Представляю, скольких малышей эта доктор изуродовала, скольким отравила всю их жизнь!

Терпеть ее пришлось, потому что эта преступница привезла меня в больницу, она должна была и забрать. Я стиснула зубы и

молчала, пока мы не сели в машину и не выехали за ворота клиники. Доктор Крис всю дорогу с ужасом повторяла, что она сделала страшную вещь.

– Почему же вы не исправили ее за столько дней?! Видеть вас больше не желаю!

Я не знаю, действительно ли она переживала из-за того, что едва не погубила меня, сомневаюсь и не верю Крис больше. Ради своих экспериментов она чуть не упекла меня в психушку навсегда. Не возьми я себя в руки и не приди мне на помощь Ди Маджио, не будь он столь настойчив, все могло закончиться очень плохо.

Меня все же поместили в Неврологический институт Колумбийского университета, но не в палату к психам, а просто чтобы привести в себя после «лечения» доктора Крис. Отвез туда сам Джо Ди Маджио и каждый день навещал, чтобы убедиться, что я в порядке. Джо превратился в мою сиделку. Как я ему благодарна за спасение!

Однажды он спросил, почему я не позвонила Артуру, ведь у Миллера достаточно много знакомых в Нью-Йорке. Артуру? Нет, ни за что! Миллер потребовал бы, чтобы в моей камере поставили тройные решетки, а на меня саму надели смирительную рубашку! Артур считает меня впавшей в детство и ни на что не способной. Но об этом я Вам уже рассказывала, не хочу повторять.

Я пробыла в той клинике почти месяц, и все это время Ди Маджио опекал меня, как мог. Там никто не предлагал отправиться на трудовую терапию, как в первой больнице. Трудовая терапия – это шитье, вязание, игра в шашки. Когда я заявила, что никогда не занималась такими делами и делать этого не собираюсь, потому что не такая, как все, это сочли еще одним признаком безумия.

Но разве это не так? Ведь если вдуматься, каждый человек не такой, как все. Почему все должны любить шить, вязать или играть в шашки? Я люблю читать Фрейда, хотя Артур однажды сказал, что Фрейд тяжеловат для моего ума. Это подразумевало, что я умственно не доросла до Фрейда. Артур никогда не считал меня достаточно умной для серьезных книг, ролей или занятий. Неужели он прав?

Я устала… Сегодня больше не могу… Еще потом, потом…

Худшего подарка, чем сценарий «Неприкаянных», Артур мне сделать не мог. Он привык анализировать, копаться в своих чувствах, раскладывать все по полочкам. Я тоже люблю копаться в своих мыслях и ощущениях, но это совсем другое. К тому же Артур не пытается понять, почему пришли такие мысли или что

они означают, а фиксирует и оценивает. Я всегда боялась услышать негативную оценку, потому что за ней могло последовать изгнание, ненужность, одиночество. Еще с детства привыкла: для того чтобы остаться в семье, нужно быть приятной, нравиться, поэтому любое осуждение вызывает либо панику, либо отчаяние.

Страсберги и все мои психотерапевты говорили о низкой самооценке, думаю, она именно из-за этой боязни. И Блондинка тоже боится, но она умеет скрывать за показной бравадой и почти наглостью. Я не потому заставляю себя ждать часами и столь необязательна, что не могу с собой справиться. Справиться действительно не могу, но больше со страхом быть осужденной, отвергнутой теми, к кому должна выйти, прийти, с кем должна работать. Не лень и не капризы причина моей необязательности, а страх. Это поняла Джейн Рассел, просто беря меня за руку и выводя на площадку. Это понял и Ив Монтан, за шиворот вытаскивая на съемки, но с Рассел мы давно не встречаемся, а Ив меня предал.

Артур сделал еще хуже, он вытащил все мои страхи, облек их в действия и слова и даже продумал дальше. Но он не понял меня и эти страхи, в образе Розлин Миллер показал меня такой, какой видит сам. Получилось нечто тягучее, неудобоиграемое, непригодное для фильма. Артур – прекрасный писатель, когда дело касается передачи чувств и мыслей на бумаге, но он никудышный кинодраматург, то, что блестяще выглядит в повести и даже театральной пьесе, никуда не годится в кино. Даже пьесы переделывают, а уж новеллы тем более. Но переделывать должен тот, кто в этом смыслит. Можно поставить «Старика и море», гениально сыграть, но для этого нужен опытный сценарист, опытный режиссер, опытный оператор и гениальный актер.

Но и гениальный актер не сыграет, если играть нечего. Даже телефонный справочник играть легче, чем написанное Артуром якобы в качестве сценария. Реплики скучны и вымучены, все затянуто; создавая сценарий, Миллер имел в виду нас двоих, нам он и был понятен, а остальные просто скучали. Артур может писать гениальные пьесы, новеллы, рассказы, романы, все, что угодно, но только не киносценарии. Новелла в сотни раз лучше, к чему переделывать уже созданные образы? Артур переделывал до самого конца съемок, доводя образ Розлин до полной негодности. Остальные получились не лучше.

Почему согласился играть Кларк Гейбл, зачем ему, актеру, уже имевшему славу, деньги, огромный опыт, понадобилась вялая, точно подыхающая от жары роль Гая? Не знаю, чем его

взял Миллер, но даже участие Гейбла не спасло фильм от провала.

Сами съемки стали кошмаром. Хьюстон, согласившийся снимать фильм, зачем-то потащил нас в пустыню, хотя все понимали, что работать на жаре будет очень тяжело, а у актеров возникнут проблемы со здоровьем. Кларк уже в возрасте, у него больное сердце, но актер глотал виски, невзирая на запреты врачей. Монтгомери Клиф накачивался наркотиками не меньше меня, правда, его за это никто не осуждал… От жары страдали все, даже сам Артур.

Но куда больше мы страдали от того, что вынуждены играть, ведь роль Клифа просто списана с его собственной судьбы, и это жестоко, потому что Клиф несколько лет назад попал в автокатастрофу и у него изуродовано лицо, так же изуродован на родео герой Клифа.

В общем, было ужасно, не хочется даже вспоминать. Артур просто показал нам всем, как он наблюдателен и как умеет этим пользоваться. Скучнейший, тоскливый конфликт пары, которая парой быть просто не может, – Розлин и Гай, настолько они разные, настолько каждый занят своими жизненными ценностями. Вымученное примирение в конце не убедило никого. Понятно, что в образе Розлин Миллер вывел меня, такую, какой видел сам (ни Мэрилин, ни Норма, ни то ни се). А кто тогда Гай? С одной стороны, это сам Артур с его измышлениями и менторским подходом к жизни и людям, несмотря на всю его интеллигентную терпимость, он именно таков. С другой – Кларк Гейбл, играющий роль. И это для меня страшно, Артур словно показывал, что между моей детской мечтой Кларком Гейблом и мной самой нет и не может быть ничего общего! Вот твое место, глупая Блондинка, если хеппи-энд и написан, то звучит фальшиво.

Миллер растоптал мою последнюю иллюзию, доказав, что даже детские мечты Нормы Джин ничего собой не представляют. Нет, он всем твердит, что заботился обо мне, старался ободрить, поддержать, оградить от людей вроде Страсбергов. Если хотел оградить от Страсбергов, то нужно было просто за руку увести из их студии, а не смотреть молчаливо, как я попадаю в полную зависимость от Ли и Полы. Но Артур сначала отстраненно наблюдает, ни во что не вмешиваясь, а потом разводит руками, мол, я же говорил, что будет плохо…

Так во всем, он позволил Хьюстону окончательно выхолостить сценарий, а потом сокрушался по поводу упущенных возможностей. Интеллигент чертов! Сначала долго смотрит, как мне колют наркотик, а потом вздыхает, что это вредно. Если ты

понимаешь, то гони в шею всех врачей, собственноручно выброси лекарства, дай пинка Поле, а не сокрушайся. Я ненавидела Миллера за это невмешательство и последующее осуждение! Мне кажется, он будет стоять на берегу, глядя, как я тону, а потом долго рассказывать всем, как советовал покрепче держаться за спасательный круг (хорошо, чтоб его еще и кинул кто-то другой). Он готов поддерживать тех, кто способен идти сам, а тем, кто на костылях, всегда даст дельный совет:

– Не оступись, не поскользнись, ставь костыль ровнее.

Меня обвиняли в смерти Кларка Гейбла, мол, своими опозданиями я заставляла его ждать на жаре по несколько часов, ему якобы было смертельно скучно. Но это не так! То есть я не хочу сказать, что не опаздывала или Гейбл не скучал, просто он был даже доволен затяжкой съемок. Понимаете, по контракту съемки с Кларком Гейблом всегда начинались, а главное, заканчивались минута в минуту, все сверх того оплачивалось отдельно и по сумасшедшему тарифу. Кларку, видно, подсказали, и в контракте он оговорил такое условие, как стоимость сверхурочных, если приходится работать не по его вине. Гейбл талант, он работал прекрасно, был очень пунктуален и получал за мои опоздания 50 000 долларов еженедельно. Согласитесь, неплохая компенсация необходимости дремать в кресле первую половину дня.

Да, в Неваде было очень жарко, всем приходилось потеть и мучиться, но Гейбл же не сидел на солнце, он отдыхал в своей гримерке под вентилятором. Просто не нужно было изображать из себя ковбоя и работать наравне с каскадерами, все же Кларку не двадцать лет.

Конечно, это вовсе не оправдание, в его смерти обвинили меня, а уж Артур и Хьюстон особенно. Миллер выплеснул на меня всю свою ненависть, словно я собственноручно придушила Кларка Гейбла в Неваде. Неужели нельзя просто и спокойно развестись? Он разочаровался во мне? Но ведь и я в нем тоже, почему его разочарование стоит принимать во внимание, а мое нет?

Но если бы жена Кларка Гейбла Кэй считала меня виновной в его гибели, разве позвала бы на крестины их младенца Джона Кларка, родившегося уже после смерти отца? Она молодец, сумела переступить через все нашептывания и сплетни, своим приглашением Кэй показала всем, что не считает меня ни в чем виноватой. Я готова просто носить и маму, и малыша на руках, задарить их подарками, но не только из чувства благодарности, я вообще обожаю детей, а уж сына Кларка Гейбла чувствовала

своим младшим братишкой. Глупости? Ничуть, он продолжение обожаемого мной человека.

В этом обожании не было ничего дурного, никакой сексуальности или попытки завести с ним интрижку. С Кларком Гейблом очень легко и душевно работать, несмотря на все тяготы съемок «Неприкаянных». Он безумно талантливый и тактичный человек, вот Гейбл ни за что не сказал бы, что целовать меня все равно что целовать Гитлера, даже если ему это было просто омерзительно. Нет, Кларк сумел бы скрыть свои негативные чувства, чтобы не портить мне настроение и жизнь.

Я не могу говорить о Кларке Гейбле в прошедшем времени. Он просто уехал на съемки и скоро вернется. Когда я сказала об этом Кэй, она расплакалась:

– Мне кажется так же. Хотя и похоронила Кларка…

– Ничего подобного! Это был его экранный образ в «Неприкаянных». Омерзительный фильм, который стоило бы похоронить вместо Кларка.

Удивительно, Док, люди, которые близко знакомы или знакомы со мной едва, делятся на три категории. Одни, и таких большинство, считают глупой фигуристой блондинкой, ни на что не способной, которая только и годна, чтобы демонстрировать свое тело и вызывать сексуальное возбуждение.

Сбылась мечта сыграть с Кларком Гейблом

Другие, их много меньше, они знакомы со мной ближе, знают, что я на многое способна, но при этом считают, что не способна сама, без чьего-то руководства и опеки. Такие воспринимают меня маленькой, заблудившейся в жизни девочкой, которую нужно крепко держать за руку и вести за собой. При этом хорошо бы и глаза завязать, чтобы не задавала лишних вопросов вроде «куда ведет эта тропинка?», «почему она узкая?», «мы движемся вверх или вниз?». Мои наставники сначала долго и серьезно учат меня, как делать каждый шаг, а потом презирают за то, что поступаю только по их подсказке. Иногда они даже сами не понимают, что крепко берут за руку, не позволяя шагнуть хоть чуть в сторону, но при этом требуют самостоятельности и корят за ее отсутствие. Откуда возьмется

самостоятельность у человека с завязанными глазами, вынужденного на каждом шагу спрашивать, туда ли он ставит ногу? Только если шагнуть, забыв об осторожности, пусть и в пропасть.

Но если я только заношу ногу, чтобы сделать такой шаг, раздаются крики:

– Остановись! Ты не знаешь, куда идти!

Я инвалид, мои ноги переставляют, мои руки передвигают, мне подсказывают слова и действия, поступки и мысли. Нет, я не инвалид, а марионетка, вынужденная каждую минуту поступать по воле моих кукловодов. Когда понимаешь это, становится страшно. Получается, что я ни на что не способна сама по себе? Я не способна играть без подсказки сначала Наташи Лайтесс, потом Полы Страсберг, не способна сама понять роль, сама произнести реплику, сама почувствовать, что именно должна выразить в сцене.

Постоянная опека породила жуткую зависимость в постоянном наставлении и похвале. Если я не слышу одобрения Полы или Ли, подтверждения, что произнесла фразу без запинки с нужной интонацией и сделала нужный жест, я теряюсь. Глупо, потому что при одной мысли, что сделаю что-то не так, неправильно, собьюсь или сфальшивлю, я тут же запинаюсь, забываю текст и фальшивлю или вообще останавливаюсь.

Все считают, что я не способна выучить даже маленький текст и произнести его без ошибок, но это не так. Просто я жду этих ошибок, жду запинки, жду, что забуду. Если чего-то боишься или ждешь, оно обязательно происходит. Почему ни Наташа, ни Пола никогда не внушали мне, что я все смогу сама, без поддержки, что я взрослая женщина и вполне способна, отрепетировав сцену заранее, больше не обращаться взглядом к наставницам во время съемки?

Простите, Док, я снова принялась говорить на тему, о которой уже рассуждала. Я не так глупа и забывчива, все прекрасно помню, что говорила и делала, просто я не уверена в себе, а потому иногда повторяюсь, хожу и хожу по кругу.

Мне кажется, что если бы мои наставники поняли то, что я поняла сама о себе, они бы работали со мной иначе.

Да, я начала рассказывать Вам о трех типах отношения ко мне. Первые – это люди, считающие меня глупой блондинкой, вторые думают, что я неглупа, но ни на что не годна сама по себе. Но есть третьи, их очень-очень мало, так мало…

Это те, кто считает, что я пусть не все, но многое могу сама. Сама, понимаете, без опеки, без ежеминутного присмотра и наставлений, что я на что-то гожусь без подсказки, могу думать,

выражать свои мысли, играть роли, писать стихи, жить, наконец!

Эти люди тоже делятся на две группы. Одни знают меня очень мало, потому что встречали редко, но успели поверить в мои способности и не успели разочароваться. Другие знают обо мне все, но все равно верят в меня. Док, у меня на глазах слезы, потому что один из таких людей, самых дорогих мне, это Вы. Это не комплимент. Знаете, чем Вы поразили меня с первой же встречи, хотя и совершенно не представляла, как будут развиваться наши отношения дальше? Помните, Вы спокойно спросили, что случилось? И я вдруг почувствовала, что Вы спрашиваете не из вежливости, увидев одиноко стоящую на берегу несчастную женщину, а потому что Вам действительно не все равно, брошусь я вниз или нет.

Док, я помню наш диалог.

– Что случилось?

– Я потерялась…

– В городе?

– Нет, в жизни…

– Это серьезно.

Куда уж серьезнее. Я не знала, кто Вы, да и сейчас толком не знаю. Но Вы в тот первый вечер поверили в то, что я, Мэрилин Монро, глупая блондинка, способна разобраться в своих проблемах сама, и не просто разобраться, а выпутаться из них. Очень хочется думать, что Вы все же читаете мои магнитофонные записи, а не просто складываете рисунки в мусорную корзину.

Но даже если это так, я все равно буду думать, что Вам небезразлично мое состояние, если Вы уже столько времени встречались со мной и забирали то, что я приношу. Конечно, это все куда нужнее мне, чем Вам, да и денег Вы не берете… Если честно, то была мысль, что записи можно будет использовать в корыстных целях (видите, я откровенна), но какая разница, я ничего не скрываю, используйте, если понадобится. На моем имени так много людей делают деньги… Я уже привыкла.

Док, есть еще один человек, который любит меня такой, какая я есть, и верит в меня. Которому не нужен грим, правильно произнесенная фраза во время съемки, до него не нужно тянуться, вставая на цыпочки, чтобы соответствовать интеллектуальному уровню, ему не нужны мои деньги, моя поддержка в качестве музы, ему не нужно мое имя, не нужна слава Блондинки… Джо Ди Маджио нужна только я сама, я Норма Джин, даже основательно растолстевшая, ни на что не способная, безвестная и всеми презираемая. Джо нужна я, и какая же я дура, что не поняла этого раньше!

Да, он бил меня, мешал сниматься, не позволял фривольные

сцены на площадке, но Джо любил меня всегда. Поверьте, мои слова не благодарность за то, что он вытащил меня из каменного мешка психушки, это благодарность за его всегдашнюю любовь ко мне. С Джо бывает скучно и не о чем говорить? А разве есть о чем говорить с Артуром? То есть мне есть, но он не желал опускаться до моего уровня и презрительно встречал все попытки подняться до его. Разве легче со Страсбергами, которых я люблю и уважаю?

Конечно, Джо Ди Маджио несопоставим с Д.К. и его братом Р.К., но для братьев я тоже всего лишь эпизод в жизни, а для Джо единственная.

Дура! Дура! Дура! И Фрэнк с его безумной страстью мне тоже не нужен! Мне нужен Ди Маджио, хотя бывают минуты, когда я совсем в этом не уверена.

Снова запуталась. Ну почему я путаюсь, как только пытаюсь разобраться в себе и окружающем мире?!

Джим Догерти сказал бы:

– Детка, живи проще.

Джимми прав, но у меня не получается… Мир такой сложный, в нем слишком тяжело жить просто, особенно если все время приходится играть какие-то роли. Я имею в виду не только роли на съемочной площадке, но и в жизни.

(Пленка № 8 либо стерта, либо намеренно испорчена, восстановлению не подлежит. На бобине нацарапано: «Фрэнки» и инициалы «Д.К.» и «Б.К.», это позволяет предположить, что записи касались Фрэнка Синатры и братьев Кеннеди. Возможно, запись стер сам Генри Уолтер, ведь хранить откровения Мэрилин Монро, близко знавшей Синатру и Кеннеди, действительно опасно. Пленка могла быть испорчена позже. – Прим. пер.*)*

Я никому не могу доверять, Док. Это так больно – понимать, что любой, кого ты допускаешь ближе к себе и в свое сердце как друга, вдруг может предать, продать тебя, чтобы заработать деньги.

Хотите расскажу, почему я вдруг вернулась из Нью-Йорка? Да, Голливуд – страшное место, но здесь ты по крайней мере знаешь, чего ждать. Мне казалось, что в Нью-Йорке я затерялась в толпе, что там я такая, какой хочу быть. Конечно, меня караулили журналисты, при любой возможности фотографировали, но просто вспышки камер привычны. Другое дело, если тебя некрасиво подставляют под фотокамеры, нарочно создавая скандальную ситуацию.

Что может быть со мной скандального, если мое тело уже видели обнаженным, о моей семейной жизни знают всё и все, моя биография известна и обсуждена до мелочей?

Но кому-то понадобились жареные факты. Скандалами с

опозданиями на съемки никого не удивишь, развод уже обсудили, злословить по поводу возможного возрождения моего брака с Джо Ди Маджио тоже надоело… И тогда придумали лесбийскую любовь.

Как делаются сенсации? Если нет ничего подходящего, его нужно придумать и организовать. Одна из моих приятельниц по актерской студии попросила помочь ей с проработкой сцены. Меня это удивило, но не насторожило. Вообще-то странно, потому что я лучшей ученицей у Страсбергов не была, сидела тихонько в уголке, больше слушая, чем высказываясь, но помочь согласилась.

Почему меня не насторожило место, где приятельница собиралась читать сцену – в ресторане, – не знаю. Более нелепой обстановки для театральных занятий не придумать, но я не ожидала подвоха. За столиком она уселась не напротив, а рядом, якобы для того, чтобы не говорить громко. Сцена оказалась любовной и страстной. Сначала мы немного выпили, потом принялись обсуждать, как передавать волнения страсти голосом и телом, а потом… приятельница (теперь уже бывшая) вдруг притянула меня к себе и буквально впилась в мой рот своими губами.

Я настолько растерялась, что в первое мгновение даже не осознала, что происходит! В чувство меня привели вспышки камер – сидевшие в засаде журналисты принялись щелкать фотоаппаратами, запечатлевая лесбийский поцелуй Мэрилин Монро! Вырвалась я быстро, отшвырнув в сторону «подругу», но немало кадров сделать все же успели.

Гадко было даже не то, что она вдруг стала прилюдно выражать свои чувства (думаю, их и не было), даже не то, что защелкали фотоаппараты (я привыкла, что меня ловят на каждом шагу), а то, что столь предательски поступила та, которой я доверяла.

Вот Вам и город Нью-Йорк, где среди толпы можно затеряться и жить своей жизнью! Даже если на Вас перестанут обращать внимание соседи или продавцы местных магазинов, перестанут узнавать таксисты и аптекари, то всегда найдется «подруга», готовая продать за тридцать сребреников и организовать безобразную сцену ради газетной утки.

Я не представляла, как смогу встретиться с ней снова, а потому позвонила Поле Страсберг и со слезами сказала, что больше не буду заниматься в студии. Конечно, пришлось рассказать Поле о причине, она уговаривала не бросать занятия, обещая изгнать мою обидчицу, но я отказалась. Это нелепо, словно мы маленькие девочки, одна из которых отобрала у

другой любимую игрушку или насыпала песок в волосы. Нет, мне не нужно такое заступничество, тем более эта «подруга» при случае обязательно расскажет, что это я сама к ней приставала.

Я решила вернуться в Голливуд, который ненавидела и любила, проклинала и боготворила, в котором было трудно и легко одновременно. Я вернулась в Лос-Анджелес.

Не верьте тому, что я говорю, я вернулась не из-за дурацкой выходки приятельницы, вовсе не из-за нее. Кроме предательства, я уже ничего ни от кого не жду, а одним скандалом больше… мне не повредит, испортить мою репутацию невозможно, она уже испорчена.

Я попыталась бежать от прежней жизни, в которой не удалось ничего, а еще бежать от диктата.

Черная полоса продолжалась… Умер Кларк Гейбл, это было ужасно, потому что меня в его смерти обвиняли все. Для меня его смерть была особенно тяжела (хотя я понимаю, что жене еще тяжелее), потому что умерла последняя связь с прошлым, с

детством, умерла последняя моя мечта, словно оборвалась еще одна нить…

Док, все мои мечты, стремления одно за другим разрушались.

Кажется, к чему жаловаться, мечты сбылись. Док, есть такой совет: бойтесь своих желаний, они могут сбыться. У меня сбылось, но счастья нет и не было, все не так.

Я хотела играть в Голливуде – играю, но Голливуд меня ненавидит, даже за роль в «Джентльменах…», которую все признали звездной, меня не подумали номинировать на «Оскар», я получала награды в Европе, но только не в Америке. Голливуд, скрепя сердце, признал кассовость моих фильмов, но не признал меня как актрису. Оказалось, что проклятый Занук тут ни при чем.

Я мечтала о славе, об известности – популярной стала, но слава принесла больше обид и разочарования, чем радости. Постоянные сплетни, ложь, скандалы, в которых я и не была виновата, если толпа, пусть даже восторженная, то готовая растерзать, если осуждение, то полное…

Мечтала стать высокооплачиваемой актрисой Голливуда. Высокой оплаты добилась только в последние годы, когда сниматься уже не хочется.

Мечтала о хорошей семье, своем доме, о детях… Ничего этого нет, в доме пусто и неуютно, я сама никому не нужна, меня бросают все – от мужей до любовников.

Мечтала сыграть с Кларком Гейблом – сыграла и никогда себе этого не прощу, хотя не виновата.

Мечтала… мечтала… мечтала…

Я не сидела, сложа руки, я все годы работала, но ни одна мечта не сбылась. Я сама виновата? Конечно, но есть одно, что мешало мне всю жизнь, – мной всегда управляли, я никогда и ни в чем не поступала самостоятельно.

Есть только одно, что я сделала сама, хотя мне помогали, – создала Мэрилин, создала Блондинку, с которой теперь отчаянно борюсь. Что это, почему?!

От таких мыслей есть только одно спасение – наркотики. Сдохну? Ну и что, едва ли найдется десяток человек, которые пожалеют.

Или все-таки стоит за себя побороться, жизнь-то продолжается?

Это катастрофа. У меня катастрофа, Док.

Посмотрите на рисунок, и Вы поймете. Да, я, как кукла-марионетка, обрезала держащие нити и, как она же, погибла.

Думаете, это свобода? Нет, это оказалась гибель. Меня нет,

меня просто нет. Такая, как я сейчас, я ни на что не способна и никому не нужна. Без Мэрилин Монро не существует Нормы Джин! Я это она, а она это я, и я совершила страшное – уничтожила Мэрилин.

Я не брежу и не сошла с ума, хотя, скажи я кому-то другому то, что говорю сейчас, снова оказалась бы в камере со стеклянной дверью и без возможности выйти оттуда или кому-то позвонить. Хотите убедиться, что Мэрилин больше не существует? Посмотрите «Неприкаянных».

Я Вам уже рассказывала и о фильме, и о съемках, и о смерти Кларка Гейбла после них, и даже о том, как сама оказалась в психушке. Но тогда я не понимала главного – я всему миру показала, что Мэрилин умерла. У толстой бледной тетки, которая есть в фильме, нет и сотой доли Мэрилин! И дело не в потере формы, не в том, что сильно поправилась или плохо загримирована, в ней нет искры. Потухла, понимаете?

В глупых голливудских фильмах, где приходилось произносить ничего не значащие, пустые реплики, улыбаться, улыбаться и улыбаться, ходить, покачивая бедрами, чтобы вызвать слюноотделение у мужской половины зрительного зала, где я изображала глуповатую блондинку, было какое-то свечение, там я жила. А в «Неприкаянных», где роль Розлин якобы писалась для меня, я деревянная кукла, не вызывающая не только вожделения, но и каких-то других чувств, кроме разве досады или разочарования.

Я была в ужасе оттого, что все воспринимают мою маску за меня саму, но когда маску сбросила, оказалось, что Норма Джин мало кому интересна и даже скучна.

Пятнадцать лет назад я начала свой путь к славе в Голливуде. Известность в качестве фотомодели у меня уже была. Пять лет из них я как Норма Джин штурмовала студии, почти вымаливая ничтожные роли, готовая на все, только бы услышать эту команду «Мотор!» и знать, что кадры со мной не вырежут. Пять лет я училась не только играть, я училась быть Блондинкой, я создавала ЕЕ, пестовала походку, внешность, манеру вилять бедрами, взмахивать ресницами, говорить, смотреть, я создавала ЕЕ ауру, хотя говорят, что ауру создать невозможно.

Создала и очень недолго упивалась этой ролью, купаясь в лучах славы, пока не поняла, что все не так просто и Блондинка становится сильнее меня самой.

Еще пять лет я доказываю всем, просто кричу на весь белый свет, что я это не она! Доказываю, что Блондинка только маска, пусть привлекательная и приносящая много денег, но роль, что я способна на большее.

У меня ничего не получается, Док, никто не верит, никто, даже Артур. Все считают, что если и есть раздвоение личности, то между целеустремленной, талантливой, хотя и вульгарной Мэрилин и той же Мэрилин, но бестолковой, мало на что способной и мятущейся. «Чего тебе не хватает?» – самый частый вопрос от моих друзей.

Страсберги решили его по-своему – поддержки, и поддерживают, вернее, просто диктуют, как жить, что делать, что говорить, что думать… Я благодарна за поддержку, но ее мало, мне нужно понимание моей настоящей двойственности, понимание, что Норма Джин еще жива и она куда умнее и лучше Блондинки.

Док, я не могу больше носить ЭТУ МАСКУ, я так хочу от нее освободиться!

И одновременно страшно, до животного ужаса… боюсь. Да,

боюсь, потому что под маской может ничего не оказаться, совсем ничего. Вы уверены, что там еще есть Норма Джин? Вдруг ее нет, как в зеркалах, в моем отражении?!

Это… я?!

Док, не уезжайте, пожалуйста, не уезжайте. Вы не можете меня сейчас бросить! Подождите хотя бы немного, пока я попытаюсь сбросить эту маску. Вот только увижу, что за ней есть прежняя Норма Джин, пусть заикающаяся, неуверенная, пусть даже неудачница, но есть, и все встанет на свои места.

Вы ведь верите, что там не пустота, а живой человек, верите?

Знаете, почему я, ненавидя воспоминания о своем детстве, все же терплю расспросы психоаналитиков? Потому что в непростом, исковерканном, лишенном материнской любви в нем есть Норма Джин, и пока живы эти воспоминания, есть надежда не вытащить из детства мои страхи или негативные эмоции, а вернуться в него. Какая разница, богат ты или беден, прославлен или безвестен, пока у тебя есть будущее, есть надежда на что-то. Когда у меня не осталось надежды, я почти умерла.

Я согласилась на роль в новом фильме. Снова блондинка и снова Кьюкор. Мне претит роль, не меньше режиссер. Сначала была надежда, что он сам откажется, помня предыдущую работу над «Займемся любовью», но Кьюкор почему-то согласился. Роль ужасна: в дом возвращается жена, которую все считают давно умершей. Она отсутствовала семь лет, а муж именно в тот день женился на другой. Дети, конечно, не узнают мамашу, и муж пытается сделать все, чтобы как-нибудь убрать ее с глаз долой.

Играть оживший труп, не так давно побывав в психушке, малопривлекательно. Я как могла старалась увильнуть от роли. Плевать на то, что обо мне подумают, плевать, что могут просто выгнать из студии (мне не привыкать). Я не хотела играть восставшую покойницу! Чего я только не творила – привычно опаздывала, только теперь на все большее время, капризничала по любому поводу, делала вид, что категорически не способна запомнить и пару фраз, нарочно произносила не то, заставляя переснимать по полсотни раз один и тот же простейший дубль, прикидывалась больной или вообще пропускала съемки…

Знаете, какой вывод сделал Кьюкор (и подбросил его журналистам на потеху)? Что у меня начинается помешательство. Вполне резонно, если учесть, что этим страдали мои родственники, а меня саму не так давно выписали из больницы.

Мм… какая вкусная сенсация! Хотя тут же сделали вывод, что никакой сенсации нет, всё все давно подозревали. Бедный Артур

Миллер, ему приходилось жить с чокнутой женой! Теперь понятно, почему Мэрилин втрескалась во француза, как девчонка! Понятно, почему разошлась с Ди Маджио и вообще снималась во многих ролях полуголой (кого интересовало, что костюмы придумываю не я?).

Как весело…

Д.К. стал самым важным человеком Америки, я не сомневалась, что это случится, он обязательно должен был им стать. Я знаю, Кьюкор будет в бешенстве, но я полечу поздравлять Д.К. с днем рождения. Я сделаю это, и плевать, что они вышвырнут меня со студии в очередной раз! Ведь правда же плевать, Док? Меня же все равно нет, никакой нет – ни Блондинки, ни Нормы Джин. Блондинка еще сопротивляется, она пытается доказать всем, что хороша, что может играть, что существует.

Глупо, правда, Док, мы-то с Вами знаем, что ее нет, она как мыльный пузырь, она вот-вот лопнет и исчезнет брызгами во все стороны! Смешно, я столько лет создавала ее, столько лет мучилась ради того, чтобы теперь придушить.

Док, она хитрая, Вы даже не представляете, какая она хитрая! Она снялась обнаженной! Я понимаю, что это, чтобы заставить меня и остальных признать ЕЕ существование. Не получится, я сильнее. ЕЙ все труднее пробиваться на поверхность, Док, теперь она внутри, а я снаружи, теперь ЕЙ приходится прилагать множество усилий, чтобы хорошо выглядеть, чтобы кто-то поверил, что ОНА еще жива. Оболочка не в счет, неплохая оболочка и у Нормы Джин, а вот поведение…

А я загнала ее в невыносимые условия – перестала следить за собой, даже валяться в ванне, что раньше делала часами, я стала просто мерзкой, но ОНА не сдается.

Док, я придумала – устрою ЕЙ пышные похороны! На дне рождения Д.К., это запомнят надолго. И все, она будет не нужна.

Неправда, Док, меня не было не потому, что я спилась или скурвилась, хотя есть и то и другое. Ну, Вы же не можете не знать, что я поздравляла Д.К. с днем рождения. Это был неслыханный скандал, но мне доставило удовольствие только одно – я представила своего свекра (бывшего) Исидора Миллера президенту:

– Господин президент, это мой свекор, мой любимый свекор Исидор Миллер.

Миллер прослезился. Хороший подарок, тем более новая жена Артура Инга Морат готова подарить им ребенка. Но дети у

Артура уже есть, а вот представить отца президенту он не может. А я могу.

Господи, о чем я?! Если в этом и есть заслуга, то только Блондинки, а не моя собственная.

А знаете, я ЕЙ помогу, мы еще докажем всем Кьюкорам и остальным, вместе взятым, что мы живы! Может, так и надо? Да, мы докажем. Скажу по секрету: я решила сняться в сцене у бассейна голышом, пусть весь мир увидит, что Мэрилин Монро жива и по-прежнему красива! Это заткнет рты всем на студии и вокруг нее.

Вы не хотите прийти посмотреть на такую съемку? Назовите мне вымышленное имя, и Вам выпишут пропуск, только возьмите с собой фотоаппарат, даже если не снимаете совсем, мы скажем, что Вы репортер, мой любимый репортер. Можете надеть парик и наклеить усы.

Док, Вы поняли, что, разговаривая с Вами по телефону, я держу магнитофон включенным? Нет, Ваш голос не записывается. А Вы что, связаны с мафией или ФБР, что боитесь записи своего голоса? Не бойтесь, у меня везде друзья. Правда, правда! Фрэнки и Боб защитят нас от любых неприятностей, они так сказали. Но только если я буду послушной девочкой. Док, что значит быть послушной девочкой – спать со всеми подряд и держать язык за зубами? Я не хочу быть послушной девочкой, я просто хочу жить.

Знаете, Джо снова въехал мне в глаз, и синяк пришлось замазывать большим количеством грима, а потом вертеться перед камерой, чтобы в кадр не попала эта сторона лица. Смешно? Когда-нибудь он убьет меня и правильно сделает.

Ладно, перестаю болтать.

Как «завтра последний раз»? Я еще так много не рассказала Вам.

Что?! Что?! Как… уезжаете?..

Док, Вы не можете уехать и бросить меня! Тогда я совсем подчинюсь Гринсону. Он очень хороший, даже допустил меня в свою семью, Ральф не считает меня опасной для своих детей и жены.

Но я хочу сама, и Вы нужны мне, очень нужны… Ну почему меня все бросают именно тогда, когда мне тяжелее всего? Все бросают… все!

Предчувствие близкой беды…

Блондинка снова доказала, что пока она есть, со мной считаются. Ну и что, зато я знаю, как с ней справиться. Вот Вы уедете, а я снова пойду на тот пирс… Я плохо плаваю, это Вам известно?

Фрэнки сказал, чтобы я ничего не боялась, он защитит меня в

любом случае. Глупый, он защищает Блондинку и не знает, что защищать нужно меня. Но Фрэнки не нужна Норма Джин, совсем не нужна, он любит красивых женщин, а не заикающихся трусих.

Док, знаете, как называется фильм, в котором я снимаюсь?

«Что-то должно случиться»…

Студия и тут обыграла меня.

Я отдам Вам все пленки, только никому не рассказывайте о них, это опасно.

Не уезжайте, Док… я пропаду…